

Russian-Armenian (Slavonic) University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)

(53)
RAU University Press
No. 2/2025

Российско-Армянский (Славянский) университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К
РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА
(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ)

(53)
Издательство РАУ
№ 2/2025

Вестник РАУ, № 2 (53). – Ер.: Изд-во РАУ, 2025. – 200с.

Главный редактор: д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филос.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филос.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семенов – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к.филос.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широ – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневич – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджяян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зеленов – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2025г.

ISSN 1829-0450

© Издательство РАУ, 2025

Vestnik of the RAU, No. 2 (53). – Yer.: RAU Publishing House, 2025. – 200p.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor **Sarkisyan O.L.**,
Candidate of Philology, Associate Professor **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganessian – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zelenov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Аракелян Г.Г. Построение скоринговой модели на основе нового алгоритма машинного обучения	10
Глиджян Т.А. Расширение логистических возможностей южных ворот Республики Армения и оценка экономической эффективности.....	24
Григорян А.Т. Влияние глобализационных процессов на основные экономические показатели Армении	38
Мартиросян А.А. Модель оптимального управления стимулирования развития чтения	47

ПОЛИТОЛОГИЯ

Саркисян О.Л., Хачатурян С.О. Дискурс конституционных преобразований в контексте процесса «модернизации» армянской идентичности	71
Маркарян М.А. Эволюция государственного управления: гибридные модели и их влияние на реформы в переходных экономиках (на примере Армении, Грузии и Молдовы)	95
Маргарян Н.И. Особенности становления транспортно-логистической системы Южного Кавказа в период СССР: проблемы и подходы в условиях новой политической реальности.....	115

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Оганесян В.А. Оговорка “rebus sic stantibus” и Карсский договор от 13 октября 1921 года.....	135
Айрапетян А.К., Даниелян А.А. Особенности правового регулирования криптоактивов в ЕС и ЕАЭС	146

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

Թորգոմյան Ս.Ֆ., Ջուլֆայան Ռ.Պ. Սովորողների կարողունակությունների ձևավորումը շրջափոխական հոմանիշների (փոխակերպում) ուսուցման գործընթացում.....	155
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Балаян Н.М., Аветисян С.А. Генеалогия культа правителя по литературным произведениям на основе армянской сказки «Джикон»	172
Гаспарян Э.В. Жанровая система английского неоромантизма.....	190

CONTENTS

ECONOMICS

Arakelyan G. Construction of a scoring model based on a new machine learning algorithm	10
Ghlijyan T. Expansion of logistics capabilities of the southern gate of the Republic of Armenia and assessment of economic efficiency	24
Grigoryan A. The impact of globalization processes on main economic indicators of Armenia.....	38
Martirosyan A. The model of optimal control of stimulation of development of reading	47

POLITICAL SCIENCE

Sarkisyan H., Khachatryan S. Constitutional reform discourse within the framework of armenian identity “modernization”	71
Margaryan M. Evolution of public administration: hybrid models and their impact on reforms in transition economies (case study of Armenia, Georgia and Moldova).....	95
Margaryan N. Features of the formation of the transport and logistics system of the South Caucasus during the USSR period: problems and approaches in the new political reality.....	115

JURISPRUDENCE

Hovhannisyan V. “Rebus sic stantibus” clause and the Kars Treaty of October 13, 1921	135
Hayrapetyan A., Danielyan A. Features of the legal regulation of crypto assets in the EU and the EAEU	146

ARMENIAN STUDIES

Torgomyan S., Julfayan R. The formation of learners’ competencies in the process of teaching syntactic synonyms (transformations)	155
--	-----

LITERARY STUDIES

Balayan N., Avetisyan S. Origin of rulers cult in literary works based on “Dzhikon” Armenian fairy tale	172
Gasparyan E. Genre system of English Neo-Romantism.....	190

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-10-23

УДК 336.7

Поступила: 08.03.2025г.

Сдана на рецензию: 10.03.2025г.

Подписана к печати: 25.05.2025г.

ПОСТРОЕНИЕ СКОРИНГОВОЙ МОДЕЛИ НА ОСНОВЕ НОВОГО АЛГОРИТМА МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Г.Г. Аракелян

Армянский государственный экономический университет

g.arakelyan0393@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6217-9681

АННОТАЦИЯ

Банковская система, являясь важнейшим сектором экономики, часто сталкивается с разными рисками. Основным из таких рисков является риск возможных потерь при кредитовании, поэтому финансовым организациям важно правильно оценивать кредитоспособность заемщика.

Данная статья посвящена решению задачи бинарной классификации путем разработки нового алгоритма машинного обучения. В ходе исследования на основе нового метода и реальных данных кредитования была построена скоринговая модель для оценки кредитоспособности заемщиков, которая возвращает скор баллы в диапазоне 300–850. Были оценены такие качественные показатели полученной модели как ROC AUC, PR AUC, Precision, Recall, F1score.

Результаты исследования показывают, что применение построенной модели на практике может снизить уровень кредитного риска и защитить финансовые организации от существенных потерь.

Ключевые слова: кредитный риск, машинное обучение, кредитоспособность, скоринг, бинарная классификация.

Введение

Каждое кредитное учреждение, в том числе и банки, осуществляют свою деятельность в нестабильной среде и, не имея полной информации о ней, могут понести финансовые потери. Одним из основных источников потерь являются кредитные риски, эффективное управление которыми является залогом формирования здорового кредитного портфеля.

В 1997г. Базельский комитет по банковскому надзору назвал кредитный риск «основным видом финансового риска», с которым сталкиваются финансовые институты в своей деятельности. Этот факт отражает прокатившуюся

по всему миру в 1980–1990-х годах волну корпоративных банкротств, ставших результатом кредитного риска [1].

Для оценки кредитного риска при кредитовании физических лиц часто используются различные математические модели, в том числе скоринговые модели. На данный момент в РА при кредитовании часто используется скоринговая модель FICO Score, которая разработана компанией Fair Isaac Services Limited [2]. Данная модель и ее аналоги представляют собой «черный ящик», и кредитные учреждения часто не могут точно определить причину формирования того или иного скор-балла. Данная скоринговая модель построена на основании тех же весовых коэффициентов, которые используются в других странах, из-за чего она полностью не описывает социально-экономическую ситуацию в РА. Учитывая вышесказанное, кредитные учреждения с целью точной оценки и управления кредитными рисками собирают информацию о своих заемщиках и предоставленных им кредитах и строят различные математические модели на основе этой информации. Используя такие модели, кредиторы принимают решения об утверждении или отклонении кредитных заявок. Исторически для решения подобных задач использовалась модель логистической регрессии. Однако в последнее время с увеличением вычислительных мощностей современных компьютеров часто для создания подобных решений используются такие эффективные алгоритмы машинного обучения, как нейронные сети, XGBoost, LightGBM и т.д.

Целью данного исследования является изучение поведения заемщиков на основании реальных данных и построение нового алгоритма машинного обучения.

Результаты исследования могут быть использованы кредитными учреждениями для оптимального управления кредитными рисками и снижения финансовых потерь.

Основная часть

В рамках исследования использовались различные методы анализа данных. Так для выявления закономерностей и связей в данных использовался корреляционный анализ.

Корреляция показывает статистическую взаимосвязь двух или нескольких случайных величин [3].

Для обработки категориальных переменных был использован “One Hot Encoding” метод, который представляет из себя метод преобразования категориальных переменных в двоичный формат. При его использовании создаются новые двоичные столбцы (1 указывает на наличие данной категории, а 0 указывает на ее отсутствие) для каждой категории в исходной переменной [4].

Для обработки числовых переменных использовался “Standard Scaler”-метод, который работает по принципу нормализации данных. Метод преобразует распределение каждой функции так, чтобы среднее значение было равно нулю, а стандартное отклонение – единице [5].

В результате исследования был разработан алгоритм машинного обучения для решения задачи бинарной классификации. Рассмотрим шаги для реализации указанного алгоритма.

1. Генеральную совокупность данных (S), в зависимости от зависимой переменной (y), нужно разделить на две подвыборки. Первая подвыборка (S_0) должна содержать все записи, у которых зависимая переменная имеет значение 0, а вторая подвыборка (S_1) должна содержать все записи, у которых зависимая переменная имеет значение 1. Имеет место:

$$S_0 = \{x_i \in S \mid y_i = 0\}, S_1 = \{x_i \in S \mid y_i = 1\},$$

где x_i – вектор переменных для i -го наблюдения.

$$S = \begin{pmatrix} x_{11} & x_{12} & \dots & x_{1j} & y_1 \\ x_{21} & x_{22} & \dots & x_{2j} & y_2 \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots & \vdots \\ x_{31} & x_{32} & \dots & x_{ij} & y_i \end{pmatrix} y \in (0,1),$$

$$S_0 = \begin{pmatrix} x_{11} & x_{12} & \dots & x_{1j} \\ x_{21} & x_{22} & \dots & x_{2j} \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ x_{31} & x_{32} & \dots & x_{ij} \end{pmatrix} y = 0,$$

$$S_1 = \begin{pmatrix} x_{11} & x_{12} & \dots & x_{1j} \\ x_{21} & x_{22} & \dots & x_{2j} \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ x_{31} & x_{32} & \dots & x_{ij} \end{pmatrix} y = 1$$

2. Для каждой подвыборки из пункта 1 необходимо найти центроиды, согласно ниже приведенным формулам:

$$C_0 = \left(\frac{1}{s_0} \sum_{i=1}^n x_{i1}, \frac{1}{s_0} \sum_{i=1}^n x_{i2}, \dots, \frac{1}{s_0} \sum_{i=1}^n x_{ij} \right),$$

$$C_1 = \left(\frac{1}{s_1} \sum_{i=1}^n x_{i1}, \frac{1}{s_1} \sum_{i=1}^n x_{i2}, \dots, \frac{1}{s_1} \sum_{i=1}^n x_{ij} \right),$$

где C_0 и C_1 – центроиды выборок, а s_0 и s_1 – количество наблюдений в соответствующих выборках.

3. Рассчитываем расстояния от точки, которую нужно классифицировать, до центроидов каждого класса и до заранее выбранных N ближайших соседей. Для простоты расчетов в рамках данной статьи для расчета расстояния используется формула Евклида:

$$p = (p_1, p_2, \dots, p_n) \quad q = (q_1, q_2, \dots, q_n)$$

$$d(p, q) = \sqrt{(p_1 - q_1)^2 + (p_2 - q_2)^2 + \dots + (p_n - q_n)^2} = \sqrt{\sum_{k=1}^n (p_k - q_k)^2},$$

где p и q – две точки в n мерном пространстве.

4. На основе расчетов третьего пункта рассчитывается влияние каждого центроида и каждого ближайшего соседа, согласно формуле:

$$Impact = \frac{1}{d(p, q)^k + e},$$

где $d(p, q)$ – расстояние между точками p и q , k – коэффициент воздействия, e – рациональное число.

5. Рассчитывается вероятность принадлежности новой точки, которую нужно классифицировать, к классу 0 и 1, согласно ниже указанным формулам:

$$Impact(0) = Impact(C_0) + \sum_{i=1}^{N_0} Impact(d_{0_i}), N_0 \in N$$

$$Impact(1) = Impact(C_1) + \sum_{i=1}^{N_1} Impact(d_{1_i}), N_1 \in N$$

$$Probability(0) = \frac{Impact(0)}{Impact(0) + Impact(1)},$$

$$Probability(1) = \frac{Impact(1)}{Impact(0) + Impact(1)},$$

где $Impact(C_0)$ и $Impact(C_1)$ – воздействие центроидов в классах 0 и 1, соответственно, $Impact(d_{0_i})$ и $Impact(d_{1_i})$ – воздействие ближайших N соседей в классах 0 и 1, соответственно, $Probability(0)$ и $Probability(1)$ – вероятности принадлежности новой точки к классу 0 и 1, соответственно.

6. В целях улучшения качества алгоритма можно применить также ансамблевые методы. Тем самым можно изначально найти оптимальные пара-

метры k и N , затем создать m – количество моделей с указанными параметрами, которые отдельно обучаются на разных наборах данных. В данном случае в качестве конечной вероятности применяется усредненная вероятность.

На Рис. 1 представлена диаграмма выше указанного алгоритма.

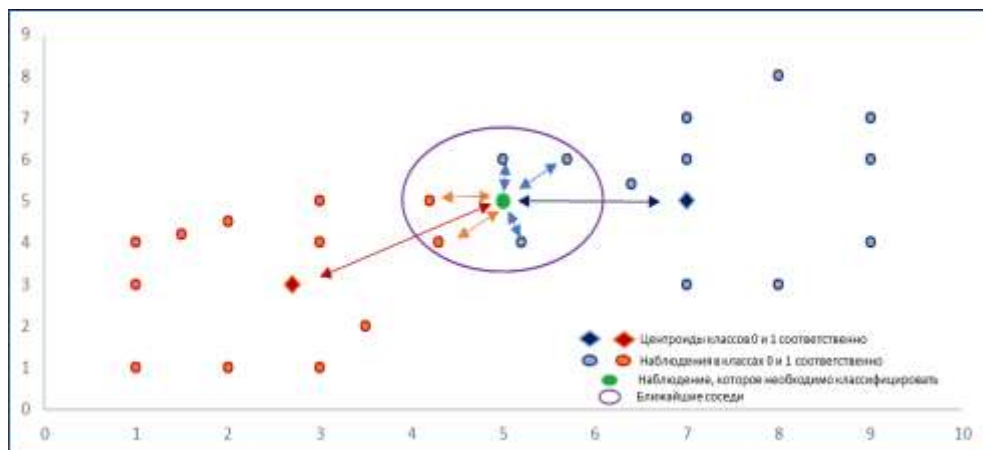

Рисунок 1. Схема алгоритма классификации.

К преимуществам указанного алгоритма можно отнести:

- алгоритм прост в реализации и результаты прогнозирования легко интерпретируемы;
- алгоритм рассчитывает расстояния до центроидов классов и ближайших соседей: это позволяет одновременно учитывать обобщенное положение классов в признаковом пространстве и локальную структуру данных: такая комбинация повышает точность классификации при сложном распределении объектов в пространстве признаков;
- за счет использования центроидов, алгоритм становится менее чувствительным к единичным выбросам и зашумленным наблюдениям, что часто свойственно реальным наборам данных, благодаря использованию ближайших соседей компенсируются потенциальные потери точности, которые возникают при использовании исключительно усредненной информации;
- за счет комбинации центроидов и ближайших соседей улучшается обобщающая способность модели и снижается вероятность переобучения.

В рамках данного исследования использовались реальные данные о кредитах «Юнибанк» ОАО. В табличных данных имеются 13 переменных. Выборка содержит 4603 наблюдений. Рассмотрим независимые переменные.

1. **Семейное положение.** В исходных данных эта переменная имела значения М1, М2, М3 и М4. Каждое значение было изменено на «Женат (замужем)», «Вдовец (вдова)», «Разведен (разведена)» и «Одинокый (одинокая)», соответственно.

2. **Образование.** В исходных данных эта переменная имела значения Е1, Е2, Е3 и Е4. Каждое значение было изменено на «Ученая степень», «Высшее образование», «Среднее профессиональное» и «Средняя школа», соответственно.

3. **Наличие имущества.** В исходных данных эта переменная имела значения Р1, Р2, Р3 и Р4. Каждое значение было изменено на «Наличие недвижимости», «Наличие движимого имущества», «Наличие недвижимости и движимого имущества» и «Отсутствие», соответственно.

4. **Пол.** В исходных данных эта переменная имела значения S1 и S2. Каждое значение было изменено на «Женский» и «Мужской», соответственно.

5. **Возраст заемщика.** Числовая переменная, которая содержит значения от 20 до 65.

6. **Количество дней просрочки за последние 12 месяцев.** Числовая переменная, которая содержит значения от 0 до 1600.

7. **Количество просрочек.** Числовая переменная, которая содержит значения от 1 до 67. Здесь имеются пропущенные данные. На основании полученной от банка информации стало ясно, что у данных клиентов нет просроченной задолженности. Поэтому пропущенные значения были изменены на 0.

8. **Количество изменений в классах риска.** Числовая переменная, которая содержит значения от 0 до 28.

9. **Кредитная нагрузка.** Числовая переменная, которая содержит значения от 0 до 2 984 303. Данные представлены в драмах.

10. **Длительность кредитной истории.** Числовая переменная, которая содержит значения от 0 до 488. Данные представлены в днях.

11. **Максимально погашенные кредиты.** Числовая переменная, которая содержит значения от 0 до 25 131 048. Данные представлены в драмах.

12. **Сумма контракта.** Числовая переменная, которая содержит значения от 30 000 до 2,300,000. Данные представлены в драмах РА. Здесь имеются выбросы. Это – клиенты, которым банк выдал кредит на сумму более 1,000,000 драмов РА. Таких наблюдений 7. Было подсчитано, что удаление данных наблюдений не оказывает существенного влияния на качество моделей, поэтому при создании моделей эти наблюдения не удалялись из набора данных.

13. **Дефолт.** Бинарная переменная (1 – дефолт, 0 – нет дефолта). На основании полученной от банка информации стало ясно, что дефолтом считается наличие хотя бы одного раза просроченных обязательств на 90 дней и более за последний год.

Исследование данных и моделирование осуществлялись с применением программы Excel, языка программирования Python и его соответствующих библиотек.

В Табл. 1 представлены описательные статистики для числовых переменных. Отсюда можно увидеть, что пропущенных значений не имеется.

Таблица 1. Описательные статистики.

Показатель	Сумма контракта	Возраст	Кол-во дней просрочки за последние 12 месяцев	Кол-во просрочек	Кол-во изменений в классах риска	Кред. нагрузка	Длительность кредитной истории	Макс. погаш. кредиты	Дефолт
count	4 603	4 603	4 603	4 603	4 603	4 603	4 603	4 603	4 603
mean	254229,24	37,54	4,03	2,71	0,55	471551,5	59,39	332959,85	0,43
std	144770,86	12,09	38,54	4,28	1,46	537158,02	61,27	920340,39	0,49
min	30000	20	0	0	0	0	0	0	0
25%	181900	27	0	0	0	0	13	0	0
50%	200000	36	0	1	0	300000	40	150000	0
75%	377050	48	0	4	0	825100	86	376000	1
max	2300000	65	1600	67	28	2984303	488	25131048	1

В Табл. 2 представлена корреляционная матрица для числовых переменных, откуда видно, что имеется умеренная связь между переменными «Количество изменений в классах риска» и «Количество просрочек», а также «Длительность кредитной истории» и «Кредитная нагрузка».

Таблица 2. Корреляционная матрица.

	Сумма контракта	Возраст	Кол-во дней просрочки за последние 12 месяцев	Кол-во просрочек	Кол-во изменений в классах риска	Кред. нагрузка	Длительность кредит. истории	Макс. погаш. кредиты	Дефолт
Сумма контракта	1,00	0,07	0,04	0,01	0,01	0,07	0,10	0,13	0,10
Возраст	0,07	1,00	0,01	0,05	0,08	0,14	0,21	0,12	-0,08
Кол-во дней просрочки за последние 12 месяцев	0,04	0,01	1,00	0,34	0,38	-0,01	0,09	0,14	0,08

	Сумма контрак- та	Воз- раст	Кол-во дней про- срочки за последние 12 месяцев	Кол-во про- срочек	Кол-во изме- нений в клас- сах риска	Кред. на- грузка	Дли- тель- ность кредит. истории	Макс. погаш. креди- ты	Де- фолт
Кол-во просрочек	0,01	0,05	0,34	1,00	0,57	0,05	0,35	0,18	0,04
Кол-во из- менений в классах риска	0,01	0,08	0,38	0,57	1,00	0,00	0,22	0,12	-0,05
Кред. нагрузка	0,07	0,14	-0,01	0,05	0,00	1,00	0,50	0,17	0,15
Длитель- ность кред. истории	0,10	0,21	0,09	0,35	0,22	0,50	1,00	0,26	-0,05
Макс. погаш. кредиты	0,13	0,12	0,14	0,18	0,12	0,17	0,26	1,00	0,00
Дефолт	0,10	-0,08	0,08	0,04	-0,05	0,15	-0,05	0,00	1,00

В Табл. 3 представлены данные по группам для каждой переменной в зависимости от наличия дефолта. Дефолт больше всего сконцентрирован среди клиентов женского пола (46,83%), клиентов в возрастной группе 20–25 (50,49%), клиентов, у которых семейное положение в группе «Вдовец (вдова)» (54,14%), клиентов со средне профессиональным образованием (42,83%), клиентов, у которых имеются недвижимое и движимое имущества (42,67%), клиентов, у которых кредитная нагрузка больше 300,000 драм (51,74%), а также клиентов, у которых количество дней просрочки за последние 12 месяцев больше 30 дней (87,04%).

Таблица 3. Группы имеющих данные в зависимости от наличия дефолта.

Группа	Признак дефолта		Всего	Дефолт (%)
	Нет	Да		
Пол				
Мужской	1,492	948	2,440	38,85%
Женский	1,150	1,013	2,163	46,83%
Возраст				
1. 20–25	457	466	923	50,49%
2. 26–35	760	589	1,349	43,66%
3. 36–50	880	558	1,438	38,80%
4. 51+	545	348	893	38,97%
Семейное положение				

Группа	Признак дефолта		Всего	Дефолт (%)
	Нет	Да		
Пол				
Разведен (разведена)	46	13	59	22,03%
Женат (замужем)	2,139	1,428	3,567	40,03%
Одинокий (одинокая)	42	30	72	41,67%
Вдовец (вдова)	415	490	905	54,14%
Образование				
Ученая степень	343	255	598	42,64%
Среднее образование	3	2	5	40,00%
Высшее образование	626	453	1,079	41,98%
Среднее профессиональное	1,670	1,251	2,921	42,83%
Наличие имущества				
Наличие недвижимого и движимого имущества	133	99	232	42,67%
Наличие недвижимого имущества	153	122	275	44,36%
Наличие движимого имущества	611	464	1,075	43,16%
Отсутствие имущества	1,745	1,276	3,021	42,24%
Количество просрочек				
0	1,349	849	2,198	38,63%
1 +	1,293	1,112	2,405	46,24%
Кредитная нагрузка				
0	1,050	424	1,474	28,77%
1–300,000	482	347	829	41,86%
300,001+	1,110	1,190	2,300	51,74%
Количество дней просрочки за последние 12 месяцев				
0–30	2,635	1,914	4,549	42,08%
31+	7	47	54	87,04%
Количество изменений в классах риска				
0	1,989	1,595	3,584	44,50%
1+	653	366	1,019	35,92%
Длительность кредитной истории (день)				
0–270	2,612	1,941	4,553	42,63%
271–365	24	15	39	38,46%
366+	6	5	11	45,45%
Максимально погашенные кредиты				

Группа	Признак дефолта		Всего	Дефолт (%)
	Нет	Да		
Пол				
0–350,000	1,943	1,464	3,407	42,97%
350,001+	699	497	1,196	41,56%

После анализа данных была создана модель, согласно выше указанному алгоритму, с применением ансамблевого метода. Были оценены качественные показатели полученной модели, а полученные вероятности были приведены в скор-балы в диапазоне от 300 до 850.

В целях моделирования были осуществлены следующие действия.

1. В целях оценки качества построенной модели имеющиеся данные были разделены на обучающую (80% от общего объема данных) и тестовую (20% от общего объема данных) выборки. Это – стандартная практика, позволяющая объективно оценить способность модели обобщать информацию на новых, ранее не виденных данных.

2. Для некатегориальных переменных (кроме «Количество изменений в классах риска») осуществлена стандартизация с применением инструмента Standard Scaler из библиотеки Sklearn [6] языка программирования Python, который позволяет преобразовать данные таким образом, что они приобретают нулевое среднее значение и единичное стандартное отклонение. Чтобы избежать утечки данных, данное действие было осуществлено отдельно для каждой полученной выборки из пункта 1.

3. С применение инструмента get_dummies из библиотеки Pandas [7] языка программирования Python все категориальные переменные были преобразованы в числовой формат. Это позволяет включить такие переменные в модель без нарушения ее математических допущений. В данном случае для каждого уникального значения категориального признака создается отдельный бинарный столбец, что делает данные пригодными для разработанного алгоритма.

Модель согласно выше указанному алгоритму была создана с применением языка программирования Python. Была проведена оптимизация гиперпараметров модели. Так оптимальным количеством ближайших N соседей является 12 (диапазон поиска: 2–15), значением коэффициента k является 0.0001 (диапазон поиска: 0.0001–0.2001), а количество моделей в ансамбле составляет 300.

В качестве наилучшего порога классификации (Threshold) было выбрано 0,4355 значение, при котором Accuracy составляет 0,72095, Precision составляет 0,7257, Recall составляет 0,7209, а F1– мера [8] составляет 0,7224. На Рис. 2 представлена матрица ошибок [9], согласно которой модель идентифицирует 70,4% дефолтных клиентов (266/378), однако при этом модель ошибочно

классифицирует 26,7% недефолтных клиентов как дефолтных (145/543). Выше приведенные показатели рассчитаны для тестовых данных.

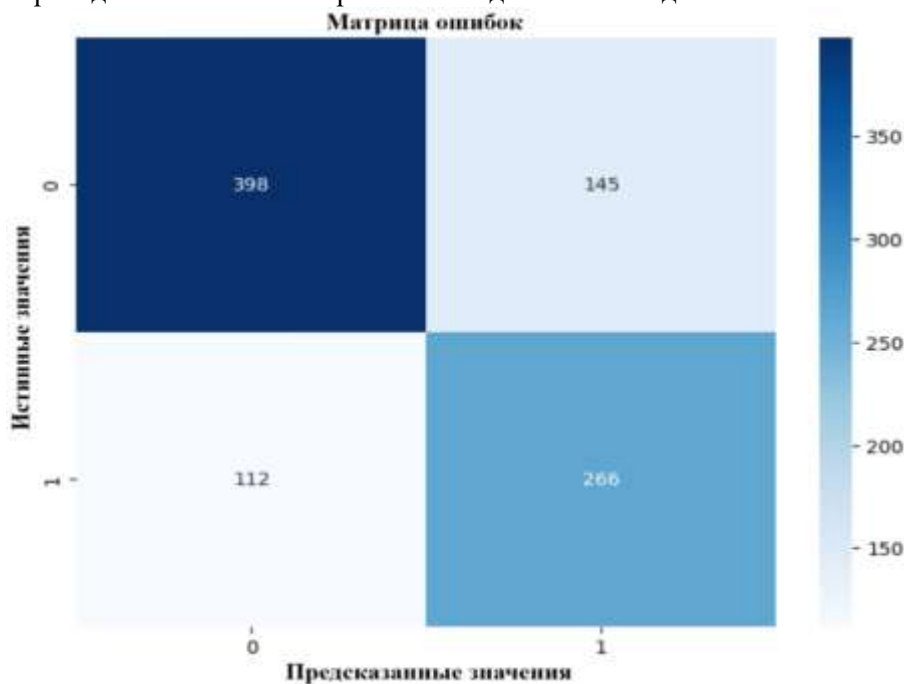

Рисунок 2. Матрица ошибок для тестовых данных.

Полученные вероятности тестовых данных для класса 0 были приведены в скор-баллы, согласно ниже указанной формуле:

$$Score = \left(\ln \left(\frac{P(y=0)}{1 - P(y=0)} \right) * \frac{850 - 300}{|Percentile_1| + |Percentile_{99}|} \right) + \left(850 - \frac{850 - 300}{|Percentile_1| + |Percentile_{99}|} * Percentile_1 \right),$$

где $Score$ – скор-балл, $P(y=0)$ – вероятность принадлежности наблюдения к классу 0, $Percentile_1$ и $Percentile_{99}$ – 1-ый и 99-ый перцентили для прологарифмированного ряда.

На Рис. 3 изображены кривые ROC и PR [10] для полученной модели, а на Рис. 4 изображено распределение полученных скор баллов.

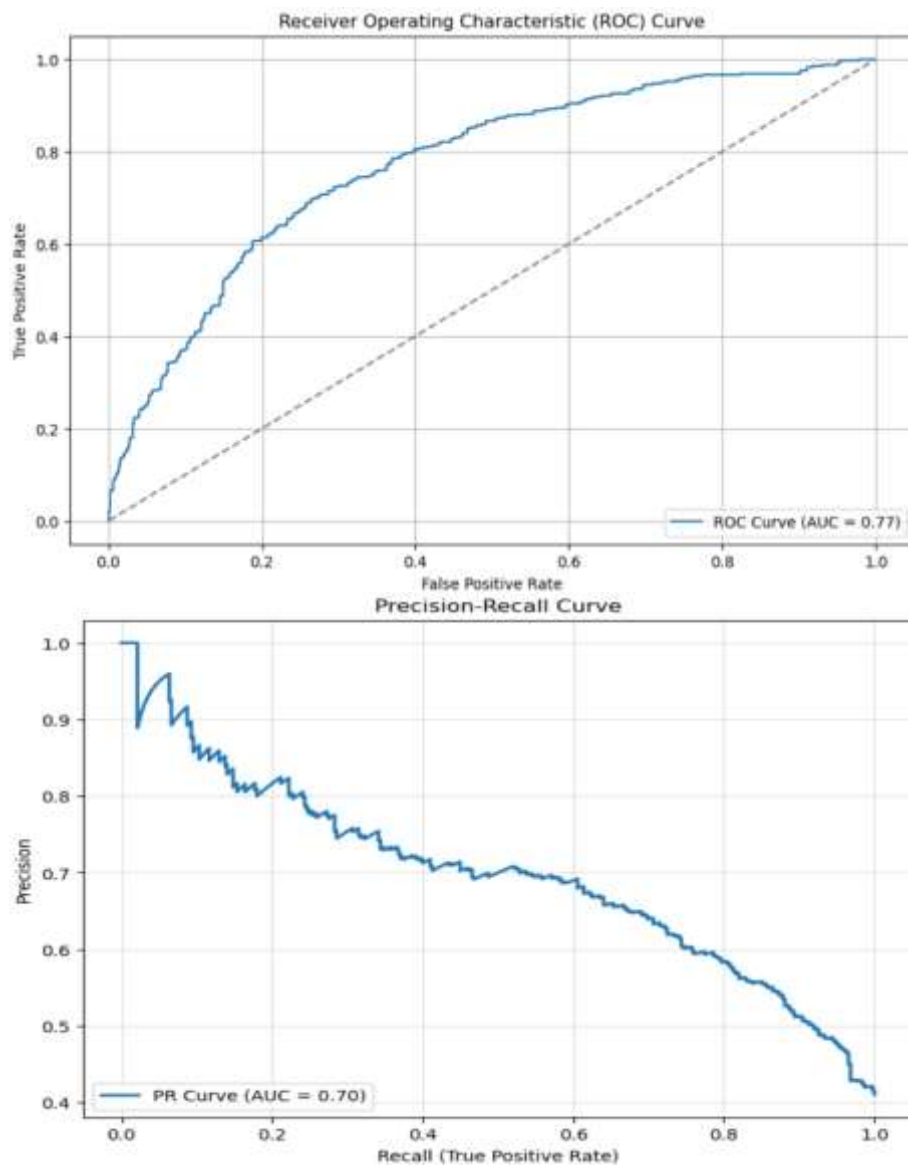

Рисунок 3. ROC и PR-кривые.

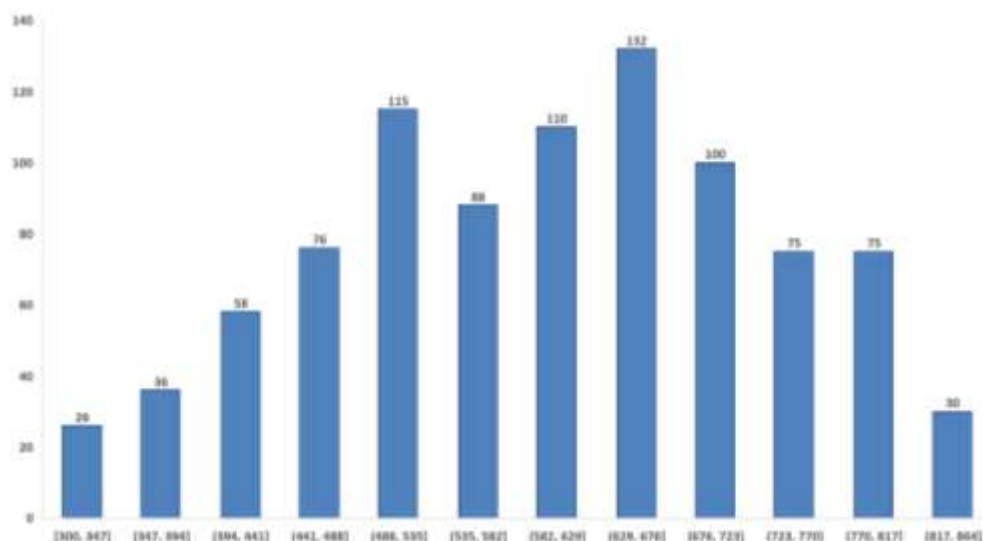

Рисунок 4. Распределение скор баллов на тестовой выборке.

Заключение

Для любой кредитной организации важно своевременное выявление и управление кредитными рисками. Для управления данным видом риска важно внедрить систему принятия решений. Целью данного исследования была разработка нового алгоритма бинарной классификации для выявления дефолтных клиентов кредитных организаций. На основе полученных результатов можно сделать вывод, что комбинация идей, лежавших в основе классических моделей машинного обучения, дает возможность создания новых алгоритмов машинного обучения.

К основным преимуществам данного исследования следует отнести разработку гибридного алгоритма, который сочетает сильные стороны анализа ближайших соседей и центроидов. Разработанный алгоритм повышает устойчивость классификации к шуму и выбросам данных, а также снижает риск переобучения модели. Данный алгоритм дает возможность оптимально поддерживать кредитный риск, и, как следствие, снижать убытки по возможным потерям по ссудам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия финансового риск-менеджмента. Под ред. А.А. Лобанова и А.В. Чугунова. М: «Альпина Паблишер», 2003. С. 323.
2. ФЦЗЧП upnp: URL: <https://acra.am/upnp/>
3. Корреляция (Correlation). URL: <https://wiki.loginom.ru/articles/correlation.html>
4. One Hot Encoding in Machine Learning URL: <https://www.geeksforgeeks.org/ml-one-hot-encoding/>
5. What is StandardScaler? URL: <https://www.geeksforgeeks.org/what-is-standardscaler/>

6. Sklearn User Guide. URL: https://scikit-learn.org/stable/user_guide.html
7. Pandas User Guide. URL: https://pandas.pydata.org/docs/user_guide/index.html
8. Evaluation Metrics for Classification. URL: <https://medium.com/@mlmind/evaluation-metrics-for-classification-fc770511052d>
9. What is A Confusion Matrix in Machine Learning? The Model Evaluation Tool Explained URL: <https://www.datacamp.com/tutorial/what-is-a-confusion-matrix-in-machine-learning>
10. Understanding AUC–ROC and Precision-Recall Curves. URL: <https://medium.com/@data.science.enthusiast/auc-roc-curve-ae9180eaf4f7>

REFERENCES

1. Encyclopedia of financial risk management. Under red. A. Lobanova and A. Chugunova. – M: “Alpina Publisher”, 2003. P. 323.
2. FICO score. URL: <https://acra.am/upnp/>
3. Correlation. URL: <https://wiki.loginom.ru/articles/correlation.html>
4. One Hot Encoding in Machine Learning. URL: <https://www.geeksforgeeks.org/ml-one-hot-encoding/>
5. What is StandardScaler? URL: <https://www.geeksforgeeks.org/what-is-standardscaler/>
6. Sklearn User Guide. URL: https://scikit-learn.org/stable/user_guide.html
7. Pandas User Guide. URL: https://pandas.pydata.org/docs/user_guide/index.html
8. Evaluation Metrics for Classification. URL: <https://medium.com/@mlmind/evaluation-metrics-for-classification-fc770511052d>
9. What is A Confusion Matrix in Machine Learning? The Model Evaluation Tool Explained URL: <https://www.datacamp.com/tutorial/what-is-a-confusion-matrix-in-machine-learning>
10. Understanding AUC – ROC and Precision-Recall Curves. URL: <https://medium.com/@data.science.enthusiast/auc-roc-curve-ae9180eaf4f7>

CONSTRUCTION OF A SCORING MODEL BASED ON A NEW MACHINE LEARNING ALGORITHM

G. Arakelyan

Armenian State University of Economics

ABSTRACT

The banking system, being the most important sector of the economy, often faces various risks. The main one of these risks is the risk of possible losses when lending. As a result, it is important for financial institutions to correctly assess the creditworthiness of the borrower.

This article is devoted to solving the problem of binary classification by developing a new machine learning algorithm. During the study, based on the new method and real lending data, a scoring model was built to assess the creditworthiness of borrowers, which returns scores in the range of 300–850. Such qualitative indicators of the resulting model as ROC AUC, PR AUC, Precision, Recall, F1 score were evaluated.

The results of the study show that the application of the constructed model in practice can reduce the level of credit risk and protect financial institutions from significant losses.

Keywords: credit risk, machine learning, creditworthiness, scoring, binary classification.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-24-37
УДК 339.56.055

Поступила: 11.09.2024г.
Сдана на рецензию: 15.09.2024г.
Подписана к печати: 12.03.2025г.

EXPANSION OF LOGISTICS CAPABILITIES OF THE SOUTHERN GATE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AND ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY

T. Ghliyan

Armenian National Agrarian University
tigran.ghliyan04@gmail.com
ORCID: 0009-0006-1368-9814

ABSTRACT

Many problems and challenges are still relevant in the logistics system of the Republic of Armenia. Based on the geographical location of the country, the transport costs of the Republic of Armenia are considered one of the highest in the world, which is due to the blockade of land roads with neighboring countries to the east and west and the lack of access to the sea. The identification and application of the logistical possibilities of the Armenian-Iranian border will not only be of vital importance in the expansion of trade between the two countries, but will also greatly contribute to the development of trade with some large Asian countries and promote the use of new alternative routes.

Thus, the article proposes to expand the volume of foreign trade of Armenia, particularly with China, India, and the United Arab Emirates, through the Iranian ports of Bandar Abbas and Chabahar. It is also proposed to use Iran's Caspian Sea port of Enzeli as an alternative route, through which a significant amount of cargo will be transported in both directions to the Russian Federation and Kazakhstan. In the article, the task of evaluating the effectiveness of the proposed roads from an economic point of view is also set.

Keywords: transportation costs, southern gate of the RA, ports, alternative route, LPI-score.

Introduction

Currently, the majority of RA's foreign trade volumes pass through the Upper Lars land checkpoint, which is overloaded all year round and very often cannot fully support the volumes of export and import of local agricultural products and other products. In recent years, the trade turnover with the Islamic Republic of Iran, the country's southern neighbor, has registered a considerable increase, but energy carriers and construction products have been the predominant part of the turnover. In terms of agricultural products, the volumes of Armenian-Iranian trade continue to remain relatively the same, the main reason for which is the strict restrictions

imposed on the Iranian market. At the same time, the Republic of Armenia is one of the countries with a unique land border with Iran, which creates a connection with the EAEU countries. According to the data of 2020–2022, the weight of Armenia as a transit country in EAEU-Iran trade was about 9.3%.

The frequent disruptions of the Upper Lars checkpoint are caused by various circumstances and repeatedly cause delays in the deadlines for cargo transportation. The latter has a significant impact on the activities of RA resident business entities that are engaged in the production and export of agricultural products. Thus, it should be stated that the agro-logistics system in the Republic of Armenia is at an extremely vulnerable level, where violations of the terms of transportation of agricultural production cargoes cause significant losses. In this case, the identification and application of new alternative routes becomes a vital necessity, through which the volumes of agricultural goods exported and imported through the Upper Lars checkpoint will be reduced.

Analysis

The high cost of transportation and the unpredictability of the duration of cargo transportation are two of the main indicators that hinder the development of the logistics system of the Republic of Armenia. As it is known, the transport costs of RA are considered the highest in the region, the main reason for which is the existence of trade circulation with only two of the neighboring countries and the fact that the types of transport are not diverse in the total volume of cargo circulation.

Based on the state of development of the transport infrastructure of the Republic of Armenia, it should be noted that cargo transportation in the RA is mainly carried out by land, particularly by road. At the same time, as of 2022, about 70% of the total is accounted for by automobiles within the republic. Despite the underdeveloped railway transport in RA, in recent years, around 19% of the total cargo was transported to Georgia and vice versa. In particular, grain (wheat, barley, corn, etc.), as well as industrial goods (coal, cement, minerals, etc.), were exported and imported by railway.

Table 1. Share of Cargo Transportation by Separate Types of Transport in Total Volume of Cargo Transportation in RA, 2018–2022(%) [3].

Year	2018	2019	2020	2021	2022
Transport-total	100	100	100	100	100
Railroad	9.9	21.8	21.5	18.1	18.3
Motor vehicles	84.0	65.6	65.8	70.0	70.5
Air	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1
Trunk Pipeline	6.0	12.5	12.6	11.8	11.1

Analyzing the general cargo transportation data of the Republic of Armenia for the years 2018–2022 (Table 1), it should be noted that the volume of cargo transported by automobile transport has decreased by about 15% in recent years, the main reason for which was the pandemic-related epidemic in 2019–2020 the closure of the borders, as well as the decline in the volume of trade turnover to Europe caused by the ongoing Russian-Ukrainian war from 2022 until today. In particular, in 2022, 13.2 million tons of cargo were transported by road transport, which is about 1 million tons less than the indicators recorded in 2018.

The data of RA cargo transportation for 2018–2022 also show that the shares of goods exported and imported by railway transport were on average 15 and 24%, respectively, and in the case of road transport, 6 and 25%. During the last 5 reporting years, the volume of cargo transported by air almost did not change and was 20,000 tons on average, or only 0.1% of the total cargo volume of the republic. The low volume of cargo transportation by air is due exclusively to the high cost of the latter transportation. Quite expensive and low-volume cargoes are mainly transported by this route, and the export volumes of cargo transportation by air transport in RA exceed the import volumes.

According to the most famous indicator calculated by the World Bank, which comprehensively characterizes the logistics sector, the logistics efficiency index (LPI), the logistics efficiency index in the Republic of Armenia was 2.5 out of a maximum of 5 points, occupying the 97th place out of 139 countries. The latter is evidence of the fact that the logistics costs of RA are considered quite high on a global scale, and the terms of transportation are extremely unstable. In addition to the above indicators, the index of logistics efficiency is also compiled based on problematic international cargo transportation, the quality of transport and trade infrastructure, the quality of logistics services, as well as the ability to track and control the movement of cargo [9]. Comparing RA LPI indicators with neighboring countries, it becomes clear that it is inferior to Georgia by 0.2, Russia by 0.1, Turkey by 0.9 and only surpasses Iran by 0.2. The indicator of low logistic efficiency of the latter is determined by the fact that it is under strict restrictions from dozens of countries.

Based on the rather low LPI indicators of the Republic of Armenia, a number of foreign medium and large business entities do not take the risk to carry out their trade in the RA, and thus the inefficient logistics system of the country is an obstacle to the overall development of the agro-logistics system and the country's economy in general.

The Meghri checkpoint, which is the southern gate of the Republic of Armenia, is currently not very congested, and its potential capacity will allow 2–3 times to increase the volume of the country's foreign trade with large Asian countries. As of 2023, the foreign trade turnover of the Republic of Armenia with Asian countries recorded significant growth compared to the figures of the previous two reporting

years. In particular, in 2023, the volume of exports to China increased by 8%, and imports from China grew by 93% compared to 2021 data. Significant growth was also recorded in foreign trade indicators with neighboring Iran, where in 2023, total exports amounted to 94.5 million USD, while imports reached around 600 million USD. It should also be noted that, in contrast to the recent growth of foreign trade volumes with Iran and China, Armenia's exports to India have decreased by 73%, while imports from India have increased nearly fourfold (see Table 2).

Table 2. Armenia's Foreign Trade with Some Countries in 2021–2023 (million USD) [4].

Country	Export			Import		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Iran	65.5	110.3	94.5	437.9	599.8	597.9
China	393.1	369.5	425.3	867.6	1383.6	1676.9
India	126.6	99.4	34.5	89.4	259.2	349.8
UAE	74.3	534.1	2224.3	37.2	59.0	73.5

The Republic of Armenia maintains close and large-scale economic relations with Middle Eastern countries, particularly with the United Arab Emirates (UAE). Specifically, as of 2023, Armenia's export volumes to the UAE increased almost 30 times, which is an exceptional indicator for the country's foreign trade. This unprecedented growth is considered one of the leading export achievements of Armenia in recent years.

It is important to clearly distinguish imported goods in Armenia by country of origin and country of export. The country of origin refers to where the goods were actually produced or processed, while the country of export refers to intermediary or re-exporting countries from which the goods were shipped or sold. These two forms of imports generally differ in terms of customs duties, trade sanctions, or preferential trade agreements.

In the aforementioned table, the import data are based on the export volumes from countries of origin to Armenia. It is noteworthy that the import volumes from the Islamic Republic of Iran and the United Arab Emirates as transit countries significantly exceed the import scales based on the actual countries of origin. Moreover, through Iran's territory, Armenia mainly imports goods originating from China, India, the UAE, and several Southeast Asian countries, including Malaysia, Indonesia, and Thailand.

It is noteworthy that the logistic connection with China and India, among the major Asian states, is mainly carried out by land routes. Cargo transportation to China and India and vice versa is mostly carried out through the Upper Lars crossing, despite the fact that the duration of cargo transportation and the length of the road through the sea route are reduced by thousands of kilometers. However, a certain amount of foreign cargo transportation with the mentioned countries is carried

out by sea. In particular, the Iranian port of Bandar Abbas is used, from where the cargo is transported by ferries to the nearest Indian ports.

A significant amount of cargo entering through the southern gate of the Republic of Armenia is currently transported by ferries, and in this case, Iran is considered a transit zone for goods imported to and exported from Armenia. In recent years, the volume of cargo circulating through the Iranian port of Bandar Abbas has increased significantly, which is mainly due to the increase in trade with Arab countries. In particular, in 2022, the volumes of agricultural fruits and vegetables exported to the UAE increased by more than 5 times compared to 2020. It should also be noted that in terms of duration of transportation, cargoes transported to the UAE and in the opposite direction arrive in 5–7 days, which also includes the period of transportation by ferry. At present, the ferries of the Iranian operator are used for transporting Armenian cargo, which, unlike the prices offered by the European operators in the Georgian ports of Poti and Batumi, are much more affordable.

The uninterrupted operation of the Armenian-Iranian checkpoint still does not confirm the fact that cargo transports arrive without a problem before entering the Iranian territory. The point is that the southern interstate highway of the Republic of Armenia is full of hard-to-pass bends, the road sections from Tatev to Kapan and from Kajaran to Meghri are definitely an obstacle for trucks in Syunik province. In severe winter weather conditions, most of the time, due to heavy snowfall, the mentioned road sections become impassable, thus, the time periods of transporting goods in the process of delivering to the addressee are extended, and also cause too many road traffic accidents. As a result of the mentioned obstacles, the logistics costs during the foreign trade circulation through the southern gate have become more expensive.

According to the resolution of the Republic of Armenia N 870-A of 2020, the investment program of the north-south road corridor was developed and then approved by the decision of the Republic of Armenia N 1564-A of 2021, which also includes the approval of the investment program of the Sisian-Kajaran road section [2]. According to the decision, it is planned to complete the construction of 60 kilometers of the Sisian-Qajaran road section by 2030, which will shorten the existing 118 kilometers of the road and increase the current average speed of cars from 50 to 100 km/h. A total of 9 tunnels and 27 bridges will be built during the construction of this road section, which will also ensure road safety and bypass the above-mentioned dangerous bends [1].

The project of the newly constructed road section Sisian-Kajaran is generally included in the project of the approximately 500 km long highway of north-south regional significance of the Republic of Armenia. The mentioned highway will stretch from the Meghri checkpoint to the Armenian-Georgian border, thanks to which Armenia will become a transit country for international transport corridors.

Map 1. North-South Highway of Regional Importance.

The construction of the north-south interstate highway started in 2012 from the Yerevan-Gyumri section, for the construction of which a loan of 1 billion dollars was provided by the Asian Bank. In 2016–2017, the RA government rejected the Chinese government's offer to start and complete the construction of the Sisian-Kajaran section in 48 months. Then, in 2020–21, the RA government undertook a new attempt to build the Sisian-Kajaran section, but in this case, the 2 billion euros promised by the EU were not financed. At the end of the year, a new tender will be announced, where it is planned to divide the Sisian-Kajaran section into 3 parts, in order to complete the construction works as soon as possible. Thus, the dates of construction of the north-south highway, which has been delayed for more than 12 years, are still unknown, and it is planned that it will continue until 2030.

Based on the fact that the construction and operation of the above-mentioned highways of interstate importance will still take several years, it is proposed to temporarily use the recently reconstructed Kapan-Shvanidzor-Meghri 94-kilometer alternative road for goods transported through the southern gate of the Republic of Armenia. This strategically important road, which is planned as an alternative to the existing Kapan-Kajaran-Meghri interstate highway, will allow bypassing the high (2535 m) mountain chain of Meghri, where roads become impassable for trucks for almost 6 months. At the same time, it should be noted that the Kapan-

Shvanidzor-Meghri highway is more than 20 kilometers or 30 minutes longer than the currently operated Kapan-Kajaran-Meghri interstate road, but in the cold months, it will greatly contribute to the smooth transportation of goods imported to and exported from Armenia. The use of the proposed alternative road will also allow the development of a number of infrastructures (restaurants, cafes, guest houses, motels, etc.) along the highway stretching from Kapan to Shvanidzor (especially in the Tsav-Shvanidzor section).

Observing the geographical position of the Republic of Armenia from a global perspective, the importance of our country's land roads in international logistics becomes clear. The use of RA highways as a transit zone has been repeatedly discussed in joint conferences with the Russian Federation, Iran, and India within the framework of the North-South International Transport Corridor project. The aim of the project is to ensure the transport connection between the Baltic countries and India through Iran. The north-south transport direction allows for a reduction of the cargo transportation time and logistics costs by more than 2 times, which replaces the sea route through the Suez Canal. It is true that the course of the north-south route has been interrupted in recent years, which is due to the restrictions on Russia and the closing of interstate borders by a number of countries (including the Baltic countries) as a result of the ongoing Russian-Ukrainian war. However, the provision of goods transported from India to the Russian Federation and European countries, where the Republic of Armenia has an advantageous position, remains relevant.

Suggestions

Within the framework of the expansion of the logistical possibilities of the southern gate of RA, it is proposed to use the Iranian port of Enzeli on the Caspian Sea, which will ensure the transportation of Armenian cargo to the Russian port of Makhachkala, as well as to other EAEU member states. It's no secret that sea cargo transportation is considered one of the most affordable in the world, which ensures the process of cargo delivery to its recipients in a safer and more precise time frame than land transportation. Back in 1993, when all highways in Georgia were blocked, the Astrakhan-Enzeli port connection was used to import grain from the Russian Federation through Iran. About 1400 trucks and dozens of ferries were operated to ensure uninterrupted cargo transportation. Currently, India and Iran carry out a significant part of their foreign trade transportation with the Russian Federation through their own ferries, which ensure the connection between the Indian port of Mumbai, Iranian ports of Chabahar, Bandar Abbas, and Enzeli, and the Russian port of Makhachkala. The Armenian-Iranian friendly and day-by-day developing relations create ample opportunities to ensure the transfer of a certain part of Armenia's trade turnover to the Russian Federation, Kazakhstan, Turkmenistan, and other Caspian countries through Iranian operators. The latter will not only provide

an opportunity to develop the logistical capabilities of the Armenian-Iranian border, but also, to some extent, will reduce the volume of cargo transported through the Upper Lars and help to get rid of truck queues that often reach dozens of kilometers at the Georgian-Russian border.

As already mentioned in the previous paper, cargoes of Armenian importance moving through the Upper Lars sometimes reach Moscow within a week [12]. At the same time, the cargo transported through the proposed Armenian-Iranian border, which will pass through the Yerevan-Meghri-Gila, Makhachkala-Moscow land and Enzeli-Makhachkala waterways, will require 5–6 days to deliver it from Yerevan to Moscow. The approximate calculation of transportation time and cost from Yerevan to Moscow via the Caspian Sea can be based on three main stages:

Stage 1: Yerevan → Iranian Port (Enzali Port) – Land Route

Average distance: ~ 850–1000 km

Transit time: ~ 1.5–2 days (depending on customs procedures in Iran and the specific route)

Cost: ~ \$1,000–\$1,500 per truck

Stage 2: Iran → Russia via Caspian Sea Ferry (Enzali → Astrakhan or Makhachkala)

Sea route distance: ~ 400–600 km

Transit time: ~ 1.5–2 days (depending on the vessel type and weather conditions)

Cost: ~ \$1,000–\$1,400 per truck (with a 20-ton capacity)

Stage 3: Russian Port (Astrakhan or Makhachkala) → Moscow – Land Route

Average distance: ~ 1,500–1,600 km

Transit time: ~ 2 days

Cost: ~ \$1,500–\$2,000

Based on the average cost and transit time indicators for the possible implementation of freight transportation from Yerevan to Moscow via the Caspian Sea, it can be stated that the average cost of cargo transported through this alternative route will amount to approximately \$3,500–\$5,000 USD, while the transit time will take around 5–6 days. The calculation of transportation time and costs is based on several key factors, including the distance, the type of transport, the transportation stages, and average market rates.

For land transportation time calculations, the total distance is divided by the average speed over that route. The average speed is highly dependent on the country, road conditions, and infrastructure quality. For instance, In Russia and Europe, the average speed for freight transportation is 700–900 km/day; in Armenia, neighboring Georgia, and Iran, the average speed ranges from 500–700 km/day [6]. In

complex, mountainous, and difficult terrains, the average daily distance for cargo transportation is typically around 400–500 km.

Sea freight transportation time is calculated using the same method as land transportation, but in this case, the average speed of the vessel is considered [7]. The average speed of ferries depends on their type and can range from 300 to 800 kilometers per day. When using high-speed cargo vessels, freight from Enzali Port to Makhachkala can be delivered within one day, which can significantly accelerate freight transportation from Yerevan to Moscow via this route.

Finally, regarding freight transportation costs, calculations are based on average market rates, depending on the type of cargo and mode of transport. For land transportation, the average cost of a standard 20-ton capacity truck per kilometer is \$1.5–\$2.5, and for refrigerated trucks, the rate increases to \$2.5–\$4 per kilometer. For sea freight transportation, pricing is determined based on the size of the container or truck. In the Caspian Sea, the average cost of cargo transportation is approximately \$50–\$70 per ton.

To complete the calculation of transportation through this route, it is also necessary to consider potential customs delays at border crossings, which can sometimes last up to one full day. When comparing transportation from Yerevan to Moscow via Georgia with the proposed bimodal route through Iranian ports, it can be stated that the latter becomes more affordable and faster in cases when long queues at the Upper Lars border crossing stretch for tens of kilometers and road conditions worsen due to weather conditions. Under such circumstances, transit times often reach or exceed one week, while the cost of overland transportation can amount to \$4,000–\$5,000.

In this case, only Iranian logistic operators will be used for cargo export from Armenia and import to Armenia, whose proposed tariffs are expected to be much lower than the prevailing market rates, as state-level cooperation between Armenia and Iran in this matter is anticipated to guarantee a certain volume of Armenia's trade turnover, which in turn will ensure the continuous operation of Iranian ferries.

When comparing the current route for transporting goods from Yerevan to Russia and other EAEU countries with the proposed Armenia-Iran-Russia transit corridor, it should be noted that the bimodal transportation option through Iran exceeds the traditional overland route via Upper Lars by several hundred kilometers. From a time perspective, considering the overloaded conditions and complex climatic challenges at the Russian-Georgian border, cargo transportation via the Caspian Sea can be completed 1–2 days faster. Given that such disruptions at the Upper Lars border are frequent, the use of the proposed route is expected to be in high demand. This alternative route becomes even more optimal and profitable when exporting goods from Armenia to Central Asian countries, such as Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, and others.

Finally, from an economic perspective, transportation via the Caspian Sea to Russia, particularly to the Moscow region, can be more affordable than the traditional overland route, especially during periods of severe congestion. As is well known, such conditions lead to increased fuel consumption as trucks idle to preserve perishable goods, along with additional social costs related to ensuring the driver's accommodation. Thus, under normal weather conditions and moderate traffic at the Russian-Georgian border, overland transportation costs to Moscow typically range between \$2,500–\$3,500, while in force majeure situations, costs can reach up to \$5,000.

The Government of the Republic of Armenia has repeatedly stated in recent years that India is of great importance for our country in the context of multi-sectoral cooperation. In October 2023, within the framework of the 3rd World Maritime Summit in India, a number of issues regarding the involvement of the Indian side in the Gyumri “dry port” program and the development of logistics opportunities between the two countries were discussed. An agreement was reached with the Indian side to carry out a test-drive of containers from India to Armenia using ferries, as a result of which an interdepartmental working group was created under the leadership of the Minister of Economy of the Republic of Armenia, the purpose of which was to discuss the issues of becoming an operator in the Iranian port of Chabahar and launching a multimodal high-speed route for international cargo transportation [5].

The expansion of the volume of foreign trade of the Republic of Armenia with India also derives from the latter's interests. The point is that in recent years, India has played an active role in the reconstruction of the Iranian port of Chabahar, which is considered an extremely important destination for the north-south trade hub. Indian investment in Chabahar Port pursues both strategic and economic objectives. In particular, through the Iranian port, India creates direct trade links with Central Asia, the Middle East and the Caucasus countries. India also aims to counteract China's influence in the region through such investments. The Indian side aims to maintain its geopolitical interests and ensure regional connectivity through the Mumbai-Chabahar ports [10]. The goal of the Indian side is to diversify the volume of cargo transported from Asia to Europe, Central Asian countries and the Middle East, which, as is known, is currently mainly transported through the Chinese Silk Road. The latter, through railway cargo transportation, from China, crossing the borders of Central Asian countries, creates a commercial connection with Kazakhstan, Russia, Kuwait, Turkey and a number of European countries (see map 2).

Map 2. Chinese Silk Road Versus Indian North-South Project.

It is extremely important for both the Islamic Republic of Iran and India to operate the North-South road as soon as possible. It should be noted that, first of all, the north-south water and land route will strengthen the strategic positions of both countries in terms of trade circulation from the east to Europe [8]. In the Caucasus region, there are two interstate junctions from Iran to Europe and the Russian Federation, which pass through the territories of Armenia and Azerbaijan. On the one hand, Azerbaijan and Iran have been building the 180-kilometer Resht-Astara railway since 2013, with the aim of ensuring the railway connection between Iran and Russia and making it the main part of the North-South transport corridor [11]. On the other hand, since 2020, Iran has given too much importance to the interstate border with the Republic of Armenia and trade and economic relations between the two countries, and aims to use Armenian highways on a large scale to reach Europe and Russia. Iran's main goal in this matter is to provide an alternative route through Armenia, which will oppose the transportation of goods to Europe and Russia through Turkey and Azerbaijan.

As is well known, Armenia's trade turnover with India and China is currently carried out primarily through Iran's Bandar Abbas and Georgia's Poti ports, from where the cargo is transported by land to Armenia. Considering the vast distances from both China and India to Armenia, as well as the presence of multiple transit countries along the transportation routes, goods typically reach their destination within 25–35 days via the Mumbai–Bandar Abbas–Armenia and Shanghai,

Ningbo, Shenzhen–Bandar Abbas–Armenia bimodal transport routes. The transit times for cargo shipments from India and China to Georgia's Poti port vary around 30–40 days and 40–45 days, respectively.

From an economic perspective, Armenia's trade turnover with both China and India is currently more cost-effective through Iran's Bandar Abbas port, as it is considered the shortest existing route for both countries. The standard freight rate for transporting a 20-ton shipment via ferry from Mumbai to Bandar Abbas is approximately \$1,500–\$2,500, while from Chinese ports to Bandar Abbas, it ranges from \$2,500–\$3,500. Based on the above-mentioned sea freight rates, calculations and trials have shown that shipments from Chinese and Indian ports to Iran's Chabahar port can reduce transportation costs by 20–30%, or by up to \$1,000. At the same time, considering that Chabahar port is less congested compared to Bandar Abbas, it is also possible to reduce export and import times from these major Asian countries by 3–5 days.

Conclusion

To sum up, it should be stated that the prospects for expanding the logistics capabilities of the southern gate of the Republic of Armenia are diverse and their implementation will help to increase the economic efficiency in the country's foreign trade, as well as the discovery of new markets both in large Asian countries and in a number of countries in the Middle East. The final construction of the interstate north-south highway from Bavra to Agarak will greatly contribute to the transfer of part of the volume of interstate cargo from India to the Russian Federation and Europe through the land roads of the Republic of Armenia, where our country will be a transit zone for third countries.

At the same time, against the backdrop of significant growth in trade between the Republic of Armenia and China and India in recent years, there is an opportunity to utilize an additional transport corridor. This route would not only reduce transportation costs and delivery times, but would also open access to new markets for Armenia in terms of economic cooperation and enhance the country's role in international trade.

Finally, the potential throughput of the Meghri checkpoint, which is the southern gateway of RA, provides an opportunity to reduce to some extent the volume of goods transported through the Upper Lars to the Russian Federation and EAEU member states. In particular, using the Iranian port of Enzeli on the Caspian Sea, it will be possible to deliver goods exported from Armenia to Moscow or various regions of the Russian Federation within 5–6 days. This recommendation will be even more important in the cold months, when the roads of Upper Lars will again become difficult to pass and the queues of trucks will exceed tens of kilometers. The export and import of agricultural goods through the Caspian Sea will make this transport route quite attractive for both foreign and RA resident business entities.

REFERENCES

1. Decision of the Government of the Republic of Armenia // May 27, 2020, № 870–A. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=142958>.
2. Decision of the Government of the Republic of Armenia // September 24, 2020, № 1564–A. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=156258>.
3. Statistical Committee of the Republic of Armenia // “Transport and Communication”. P. 402. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99541118.pdf>.
4. Statistical Committee of the Republic of Armenia // “Foreign Trade”. URL: <https://armstat.am/am/?nid=717>.
5. The 2023 report of the 2021–2026 activity plan of the government, approved by Annex N1 of the RA Government Decision № 1902-L of November 18, 2021. PP. 82–85. URL: <https://www.gov.am/files/docs/5586.pdf>.
6. International Road Transport Union (IRU). URL: <https://www.iru.org/who-we-are/iru-organisation/transport-councils>.
7. Clarksons Research. URL: <https://www.clarksons.net/n/#/portal/data>
8. McBride J., Berman N., Chatzky A. China’s Massive Belt and Road Initiative // “Council on Foreign Relations”, Published February 2, 2023. URL: <https://www.cfr.org/background-der/chinas-massive-belt-and-road-initiative>.
9. Logistics Performance Index (LPI) // “Global Ranking”, 2023. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global>.
10. Srivastava U. Chabahar Port: A Geopolitical Need or Economic Compulsion for India // “International Journal for Multidisciplinary Research”, Vol. 6, Issue 2, March–April 2024. URL: <https://www.ijfmr.com/papers/2024/2/17142.pdf>.
11. The National News // Russia and Iran sign Rasht-Astara railway deal, Published May 17, 2023. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/2023/05/17/russia-and-iran-sign-rasht-astara-railway-deal/>.
12. Ghlijyan T. The necessity of involving and exploiting alternative roads in RA agro-logistic system // “Alternative Quarterly Academic Journal Economy & Management”, April–June 2024, PP. 48–58. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/2023/05/17/russia-and-iran-sign-rasht-astara-railway-deal>.

**РАСШИРЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ЮЖНЫХ ВОРОТ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И ОЦЕНКА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Т.А. Глидзян

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в логистической системе Республики Армения по-прежнему актуальны многие проблемы и вызовы. Исходя из географического положения страны, транспортные издержки Республики Армения считаются одними из самых высоких в мире, что обусловлено блокадой сухопутных дорог с соседними странами на востоке и западе и отсутствием выхода к морю. Выявление и использование логистических возможностей армяно-иранской границы не только будет иметь жизненно важное значение в расширении торговли между двумя странами, но и будет в значительной степени способствовать развитию торговли с некоторыми

крупными азиатскими странами и способствовать использованию новых альтернативных маршрутов.

Так, в статье предлагается расширить объем внешней торговли Армении, в частности, с Китаем, Индией и Объединенными Арабскими Эмиратами через иранские порты Бандар-Аббас и Чабахар. Также предлагается использовать в качестве альтернативного маршрута иранский порт Энзели на Каспийском море, через который будет транспортироваться значительный объем грузов в обоих направлениях в Российскую Федерацию и Казахстан. В статье также ставится задача оценки эффективности предлагаемых дорог с экономической точки зрения.

Ключевые слова: транспортные расходы, южные ворота РА, порты, альтернативный маршрут, индекс LPI.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-38-46
УДК 2964

Поступила: 09.12.2024г.
Сдана на рецензию: 11.12.2024г.
Подписана к печати: 08.04.2025г.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ АРМЕНИИ

А.Т. Григорян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
anna.grig2612@gmail.com
ORCID:0009-0006-0561-9138*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу экономической интеграции Армении в глобальные рынки за последние 30 лет. Исследуется влияние глобализационных процессов и участия в международных интеграционных объединениях на ключевые макроэкономические показатели, включая внешнюю торговлю, динамику и структуру ВВП, а также объем прямых иностранных инвестиций. Особое внимание уделяется институциональным реформам, роли диаспоры и высокотехнологичного сектора. Для количественной оценки уровня глобализации используется индекс KOF, позволяющий сопоставить степень экономической открытости Армении с глобальными тенденциями. Сделан вывод о значительном прогрессе страны в направлении глобализации при наличии отставания от общемировых трендов по ряду структурных параметров.

Ключевые слова: глобализация, ВВП, внешняя торговля, иностранные инвестиции, Армения.

Введение

Глобализация, как процесс усиления связей между странами мира, активно начала развиваться во второй половине XX века. Основными факторами, стимулирующими глобализацию, стали технологические достижения, рост международной торговли и создание глобальных институтов – таких, как Всемирная торговая организация (ВТО). Страны начали интегрироваться в мировую экономику, увеличивая взаимозависимость через торговлю, инвестиции, миграцию и обмен информацией.

Если мир запустил процесс интеграции еще до начала Первой мировой войны в середине XIX века, то Армения начала свой путь к глобализации только после распада СССР в 1991г., когда страна получила независимость. Этот период стал отправной точкой в формировании открытой экономики и интеграции в международное сообщество. Путь был сложным, учитывая экономический кризис и блокаду, с которыми страна столкнулась в первые годы

независимости. Все эти трансформации, естественно, прямо сказались на экономической конъюнктуре страны.

Гипотеза исследования заключается в том, что, несмотря на значительный прогресс в направлении глобализации, Армения отстает от общемировых глобализационных трендов. Это проявляется в несбалансированной структуре внешней торговли, ограниченном круге торговых партнеров, концентрации инвестиций в узких секторах, а также в зависимости от отдельных стран, когда как развитые страны работают над нивелированием данной зависимости.

Для проведения данного анализа необходимо изучить институциональные шаги Армении на пути экономической интеграции, проанализировать внешне-торговую активность Армении и определить уровень ее диверсификации, оценить динамику и структуру прямых иностранных инвестиций как индикатора глобализации, сопоставить индекс экономической глобализации KOF для Армении со среднемировыми показателями.

Методологическая база исследования строится на комплексном подходе. Используются методы историко-описательного и сравнительного анализа, контент-анализа нормативных документов, а также количественных методов обработки статистических данных. В частности, применяются показатели внешне-торгового баланса, индекс проникновения импорта, коэффициент покрытия импорта, объем и структура ПИИ. Одним из ключевых инструментов служит индекс экономической глобализации KOF, отражающий степень открытости экономики страны по различным параметрам.

Можно выделить несколько ключевых вех на пути Армении к глобализации:

1. Членство в международных экономических и политических союзах.

Сразу после распада СССР Армения становится членом нового регионального союза – СНГ. Уже в 2003г. страна присоединяется к Всемирной Торговой Организации, что подразумевает либерализацию международной торговли, защиту иностранных инвестиций, минимизацию протекционизма и полное открытие экономики для нерезидентов. Наиболее значимым становится присоединение Армении к Евразийскому Экономическому Союзу в 2015г., что повлекло с собой еще большую экономическую интеграцию с Россией. Несмотря на это, Республике удается закрепить углубленное партнерство с Европейским Союзом в форме преференциального торгового соглашения GSP+, которое упрощало импорт армянских товаров на европейский рынок. Именно в период с 2014 по 2020г. Республика получает звание «моста между Европой и Азией». Несмотря на то, что в 2020г. Армению снимают из списка стран-бенефициаров, Армения в определенной степени успевает интегрироваться в данный регион.

Сегодня де-юре действуют двусторонние соглашения «О поощрении и взаимной защите инвестиций» с 42 странами, GSP+ с США, Норвегией, Японией, Канадой и Швейцарией, а также десятки соглашений о свободной торговле [1].

2. Развитие высоких технологий. В начале 2000-х годов Армения начинает значительно развивать сферу высоких технологий. В стране открываются филиалы крупных мировых компаний, Армения начинает экспортировать высокотехнологичные услуги и позиционируется как «Силиконовая долина Кавказа», тем самым укрепляя свою позицию в мировой экономике.

3. Роль диаспоры. Глобальная армянская диаспора за весь период независимости играет ключевую роль в глобализационных процессах, активно участвуя в привлечении инвестиций и увеличении денежных трансфертов, которые составляют значительную часть ВВП.

Распад СССР, либерализация экономики и резкая интеграция Республики в мировую экономику полностью поменяли структуру экономики страны.

Рисунок 1. Динамика ВВП, 1990–2023гг., млрд долл. США.

Наиболее ярко изменения отражаются на динамике ВВП. Первые годы независимости сопровождались затяжной первой Арцахской войной, транспортной блокадой, последствиями разрушительного землетрясения 1988г. и рыночной трансформацией. Учитывая то, что одновременно Грузия погрузилась в этнополитический конфликт, экономику Закавказья охватили хаос дезинтеграции, проходившей по самому жесткому варианту: наблюдается беспрецедентная деиндустриализация экономики, неконтролируемая миграция и глубокий экономический спад, который отражен на Графике 1 (Рис.1) [2]. По итогам 1991г., страна фиксирует максимальный в истории спад ВВП (41.8%), сопровождающийся четырехзначными значениями инфляции и высокой безработицей. В 1993г. фиксируется гиперинфляция в 11000% и уже неизбежный переход к национальной валюте [3].

Сразу после прекращения активных боевых действий в Арцахе Армения стала реализовывать в полном объеме либеральные реформы по рецептам МВФ и Всемирного банка. По темпам и глубине рыночных реформ Армения в тот период опережала многие постсоветские страны, раньше их преодолела спад и перешла к хоть и небольшому, но росту. Существо реформ определяли жесткая финансовая и валютная политика, широкие структурные реформы, уход государства из экономики. С 1994г. в стране начался медленный рост. В 1995г. уровень инфляции удалось снизить до 176,7%, а к концу 2000г. – практически остановить¹.

В 1998г. доля частного сектора в экономике достигла 75%. В ходе рыночных реформ в 1992г. была проведена либерализация внешней торговли, через 5 лет введена конвертация драма по текущим операциям, сильно ограничена сфера регулирования цен на товары и услуги, полностью отменено регулирование заработной платы, а в 1997–98гг. были проведены либеральная налоговая и таможенная реформы.

За 1991–2000гг. доля промышленности в валовой добавленной стоимости сократилась на 13,6% (с 37,4 до 23,8%). Сжатие промышленного потенциала нашло свое отражение в динамике внешней торговли и ее структуре. Несмотря на то, что с открытием границ наблюдается положительный тренд внешней торговли, страдает структура с постоянным увеличением доли импорта (Рис. 2) [2].

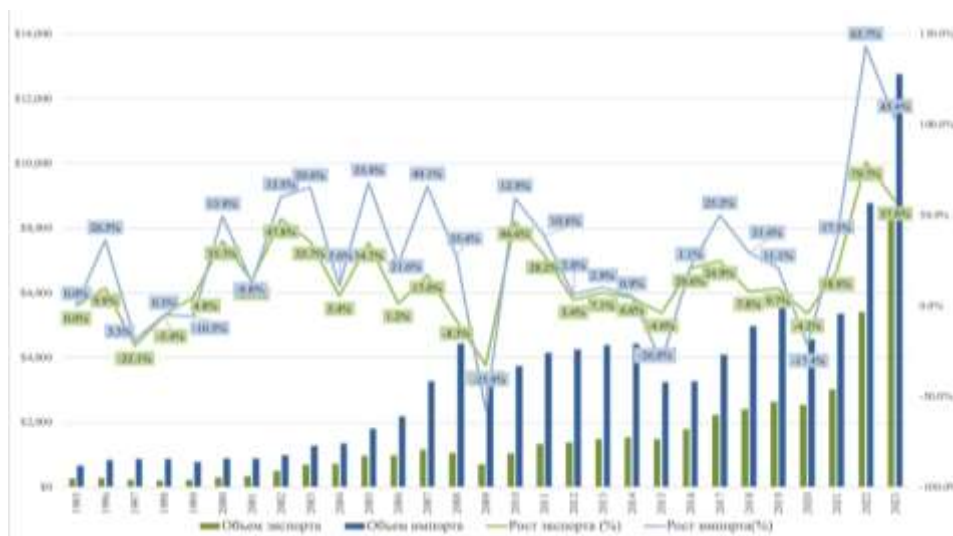

Рисунок 1. Динамика внешней торговли, 1995–2023гг., млн долл. США.

¹ Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития. М.: Институт экономики РАН, 2016. 59с.

В последние годы СССР межреспубликанский обмен для Армении складывался небольшим отрицательным сальдо. Для внешнеторгового обмена того времени было характерно более чем десятикратное превосходство импорта над экспортом. Тем не менее, по сумме межреспубликанских и внешнеторговых связей вывоз на 75% покрывал ввоз.

Ситуация принципиально изменилась в 1990-е гг. сальдо торгового баланса на сегодняшний день перевалило отметку в 4 млрд долл. США, коэффициент покрываемости импорта после продолжительного спада в 2023г. составил 1.5 единиц, а индекс проникновения поднялся почти до 60% (Табл. 1). Все это – результат деиндустриализации и невозможности обеспечения внутреннего спроса – наряду с либерализацией торговли и глубокими глобализационными процессами, продолжающимися и по сей день. Сегодня процент торговли от ВВП достиг 88%.

Несмотря на то, что теоретически глобализация должна сопровождаться диверсификацией внешнеторговых партнеров, на протяжении всего периода основным партнером с обеих сторон является Россия. Последние годы половина внешнеторгового оборота Республики Армения приходится на страны Евразийского экономического союза (37% внешнеторгового оборота в 2023г.) и страны Евросоюза (13%). Из стран следует выделить Россию (35%), Китай (10%) и ОАЭ (11%). Более того, с 2022г. роль ОАЭ во внешней торговле Армении резко возросла, так как в 2021г. на долю ОАЭ пришлось только 1,3% внешнеторгового оборота Армении. Однако это обуславливается временным реэкспортом драгоценных камней и золота.

Таблица 1. Показатели внешнеторговой деятельности, 1995–2023гг.

	Сальдо торгового баланса (млрд долл. США)	Индекс проникно- вания импорта	Коэффициент по- крываемости им- порта
1995	-0.40	46.5	2.5
1996	-0.55	43.2	2.9
1997	-0.64	44.2	3.9
1998	-0.66	41.2	4.1
1999	-0.56	39.9	3.5
2000	-0.58	40.2	2.9
2001	-0.54	37.6	2.6
2002	-0.48	39.2	2.0
2003	-0.59	43.2	1.9
2004	-0.63	39.2	1.9
2005	-0.83	37.7	1.8
2006	-1.21	33.8	2.2
2007	-2.12	33.3	2.8
2008	-3.37	33.7	4.2
2009	-2.61	34.1	4.7

	Сальдо торгового баланса (млрд долл. США)	Индекс проникно- вения импорта	Коэффициент по- крываемости им- порта
2010	-2.71	36.0	3.6
2011	-2.81	38.8	3.1
2012	-2.88	39.8	3.1
2013	-2.91	40.7	3.0
2014	-2.88	39.7	2.9
2015	-1.75	37.5	2.2
2016	-1.48	39.3	1.8
2017	-1.86	44.2	1.8
2018	-2.56	46.7	2.1
2019	-2.88	48.3	2.1
2020	-2.03	36.1	1.8
2021	-2.35	40.6	1.8
2022	-3.36	50.5	1.6
2023	-4.21	58.9	1.5

Одним из основных показателей, характеризующихся углублением глобализации, являются иностранные прямые инвестиции. Они возрастали симметрично инвестициям в основной капитал. По данным платежного баланса, в 2000г. они составляли 104 млн долл., в 2005г. – 466,6 млн долл., в 2008г. – 943,7 млн долл., а по итогам 2022г. достигли почти 1 млрд долл. (Рис.3) [5]. За весь период значимыми были инвестиции в строительство и недвижимость, которые во многом были и остаются драйверами экономического роста. Основными инвесторами Армении исторически являются Россия, Франция, Кипр, Греция, Швейцария, США, а в последние годы – Объединенные Арабские Эмираты.

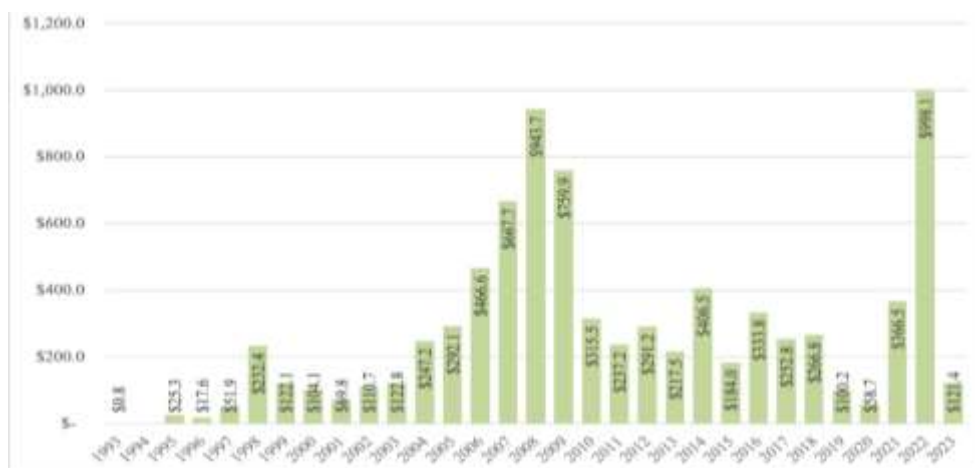

Рисунок 2. Чистые иностранные прямые инвестиции, 1993–2023гг., млн долл. США.

Значительна роль диаспоры в процессе глобализации Армении, ведь именно армяне, мигрировавшие в другие страны на заработки, обеспечивали поток инвестиций в страну, огромное количество трансфертов, особенно из России, а также общее повышение узнаваемости армянского производства за рубежом.

Начиная с 2010г. в базу экономического роста легла сфера высоких технологий, когда правительство провозгласило отрасль приоритетной. В Армении стали открываться филиалы крупных мировых технологических компаний, а также местные научно-исследовательские центры. Именно тогда Армения получает роль «Силиконовой долины Кавказского региона», хотя IT-сектор в Армении в основном основывался и основывается на предоставлении услуг аутсорсинга, исполняя заказы иностранных компаний, и характеризуется высоким уровнем зарплаты.

В последние годы отрасль высоких технологий пользуется полной поддержкой со стороны государства, растет на 40% в год, и является визитной карточкой страны на мировой арене.

Чтобы оценить, на каком уровне глобализации сейчас находится Армения, рассмотрим независимый индекс экономической глобализации KOF, созданный в 2002г. при Швейцарском экономическом и Федеральном швейцарском технологическом институтах. Индекс учитывает процент торговли и ИПП в ВВП, барьеры на импорт, средний уровень тарифов и налоги на международную торговлю. График отражает опережающий уровень экономической глобализации Армении по сравнению с мировым показателем [6]. И когда как мир уже проходит процесс деглобализации, со всеми ее протекционистскими проявлениями, Армения все еще продолжает углублять зависимость от мировой экономики, что ожидаемо ввиду того, что страна является малой экономикой с наполовину закрытыми границами и отсутствием природных ресурсов [7].

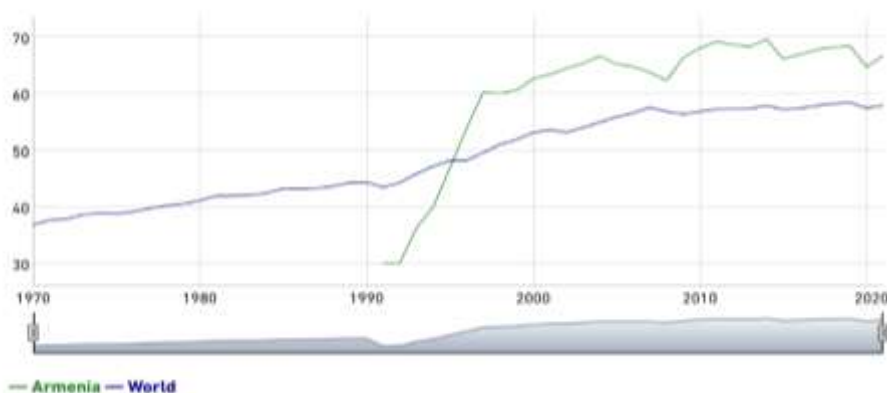

Рисунок 3. Индекс глобализации KOF, «Армения и мир», 1970–2020гг.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие значимые выводы.

1. **Институциональные шаги**, предпринятые Арменией (вступление в ВТО, ЕАЭС, соглашение GSP+), сыграли важную роль в открытии экономики и снижении барьеров для торговли и инвестиций. Однако институциональные реформы не всегда сопровождались структурными преобразованиями внутри страны, необходимыми для глубокого включения в глобальные цепочки добавленной стоимости.

2. **Внешняя торговля Армении** демонстрирует устойчивый рост объемов, однако структура торговли остается несбалансированной: доля импорта стабильно превышает экспорт, а торговый баланс находится в хроническом дефиците. Это свидетельствует о слабой индустриальной базе и низкой степени самодостаточности экономики. Диверсификация торговых партнеров ограничена, несмотря на формальную открытость рынков.

3. **Прямые иностранные инвестиции** показывают положительную динамику, особенно после вступления Армении в международные союзы. Однако их объем по-прежнему невелик по сравнению с другими странами региона, а инвестиции концентрируются в нескольких секторах – преимущественно в строительстве и недвижимости, что ставит под сомнение долгосрочную устойчивость.

4. **Высокотехнологичный сектор** и активность диаспоры являются двумя значимыми драйверами глобализации в Армении. Первый обеспечивает рост экспортного потенциала в сфере услуг, второй играет роль в привлечении капитала и формировании внешнеэкономических связей. Однако ни один из них пока не компенсирует структурные ограничения экономики.

5. **По индикатору глобализации КОФ** Армения демонстрирует уровень экономической открытости выше среднемирового, особенно по параметрам торговли. Однако данный показатель обусловлен скорее деглобализационными процессами, протекающими по миру, нежели качеством вклинивания армянской экономики в глобальную.

Таким образом, гипотеза подтверждается: Республика Армения активно участвует в глобализационных процессах и сегодня показывает значимый уровень глобализации, однако это во многом связано с деглобализационными тенденциями в странах с развитой экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инвестиционное агентство Армении. URL: <https://enterprisearmenia.am/why-armenia/market-and-foreign-trade>.
2. Статистическая служба Армении. URL: <https://armstat.am>.
3. Доклад ЦБ РА «Целевое значение инфляции в Армении». СС. 8–9. URL: https://www.cba.am/AM/panalyticalmaterialsresearches/Inflation_target_in_Armenia_arm.pdf

4. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития. М., Институт экономики РАН, 2016. СС. 15–34.
5. Эл. портал “Trading Economics”. URL: <https://tradingeconomics.com/armenia/foreign-direct-investment>.
6. Индекс глобализации KOF. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>.
7. Джигли С., Хельг Ф., Потрафке Н. и Штурм Ян-Эг. Индекс глобализации KOF – пересмотр, Обзор международных организаций. 14 (3), 2019. СС. 543–574. URL: <https://doi.org/10.1007/s11558-019-09344-2>.

REFERENCES

1. Investment Agency of Armenia. URL: <https://enterprisearmenia.am/why-armenia/market-and-foreign-trade>.
2. Statistical Committee of Armenia. URL: <https://armstat.am>.
3. Report by the Central Bank of Armenia “Inflation Target in Armenia”. PP. 8–9. URL: https://www.cba.am/AM/panalyticalmaterialsresearches/Inflation_target_in_Armenia_arm.pdf.
4. Vardomsky L., Pylin A., Ilina, M. “Economy of Armenia: Ideas, Models, and Development Outcomes”. М.: 2016. PP. 15–34.
5. Online portal Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/armenia/foreign-direct-investment>.
6. KOF Globalisation Index. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/-kof-globalisation-index.html>.
7. Gygli S., Haelg F., Potrafke N., Sturm J.-Eg. The KOF Globalisation Index – Revisited, Review of International Organizations, 14 (3), 2019. PP. 543–574. URL: <https://doi.org/10.1007/s11558-019-09344-2>.

THE IMPACT OF GLOBALIZATION PROCESSES ON MAIN ECONOMIC INDICATORS OF ARMENIA

A. Grigoryan

Russian-Armenian (Slavonic) University
 ORCID:0009-0006-0561-9138

ABSTRACT

This article analyzes Armenia’s economic integration into global markets over the past 30 years. It examines the impact of globalization and participation in international economic unions on key macroeconomic indicators, including foreign trade, the dynamics and structure of GDP, and the volume of foreign direct investment. Special attention is given to institutional reforms, the role of the diaspora, and the high-tech sector. To quantitatively assess the level of globalization, the KOF Globalization Index is used, allowing for a comparison between Armenia’s economic openness and global trends. The study concludes that, despite considerable progress toward globalization, Armenia still lags behind global trends in several structural aspects.

Keywords: Globalization, GDP, foreign trade, foreign investments, Armenia.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-47-70
УДК 338

Поступила: 13.02.2025г.
Сдана на рецензию: 14.02.2025г.
Подписана к печати: 10.04.2025г.

МОДЕЛЬ ОПТИМАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ

А.А. Мартиросян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
armen.martirosyan@rau.am
ORCID: 0009-0009-1857-9595*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлена модель оптимального управления развитием читательской грамотности. На основе данных Всемирного банка проанализирована динамика показателей учебной бедности за период 2015–2021 гг., отмечено снижение с 35 до 26.1%. В контексте разработки моделей управления культурогенезом поведения [1] целевая функция нашей модели охватывает образовательные, социальные и экономические факторы. Подобно классическому подходу, уравнения движения, представленные в виде дифференциальных уравнений, описывают взаимосвязи между управляющими воздействиями и фазовыми координатами. Исследование включает системный анализ взаимосвязей между культурными измерениями, когнитивными способностями и целями устойчивого развития. Учен международный опыт программ развития чтения. Предложены практические рекомендации по оптимальному управлению развитием читательской грамотности, включая экономические стимулы, образовательные инновации и социальные программы с учетом гендерных стереотипов и культурных барьеров доступа к образованию. Результаты исследования могут быть использованы для реформирования образовательной политики и повышения качества человеческого капитала в контексте достижения Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: читательская грамотность, модель оптимального управления, эконометрический анализ, культурные измерения, устойчивое развитие.

Введение

Читательская грамотность является ключевым показателем качества образования и индикатором развития человеческого капитала. Всемирный банк определяет учебную бедность как неспособность ребенка в возрасте 10 лет читать и понимать короткий текст, соответствующий его возрасту [2]. Данный показатель служит ключевой фазовой координатой в модели оптимального управления развитием читательской грамотности.

Международный опыт демонстрирует разнообразие подходов к управлению развитием читательской грамотности [3, 4, 5].

За период 2015–2021 гг. в Армении наблюдается положительная динамика в управлении проблемой учебной бедности: общий показатель снизился с 35 до 26.1% [6]. Однако данное улучшение происходит на фоне существенного отставания в управляющем воздействии через финансирование образования: 2.7% ВВП при среднем региональном показателе 4.9% [7]. Особого внимания в модели требует сохраняющийся гендерный разрыв: показатели учебной бедности составляют 28% – среди мальчиков и 23.8% – среди девочек [8, 9].

Методология исследования основывается на междисциплинарном анализе, который сочетает институциональную экономику и культурогенез поведения. Теория оптимального управления выбрана как основной инструмент исследования по причине необходимости учета динамики изменения показателей во времени, возможности формализации целевой функции с учетом множества параметров, наличия инструментария для анализа чувствительности модели. Разработка модели оптимального управления развитием читательской грамотности базируется на комплексном анализе международного опыта и локальных особенностей Армении. Исследование опирается на данные World Bank Learning Poverty Brief (2015–2021) [10], Human Capital Index (2020) [11] и READ Trust Fund Armenia [12] (2017–2019). Особое внимание уделено успешным практикам различных стран в управлении развитием читательской грамотности.

Исследование также основано на анализе международных данных по результатам PISA 2022, опубликованных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также макроэкономических показателей – таких, как валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения (по паритету покупательной способности) и Индекс человеческого развития (ИЧР).

Для оценки взаимосвязи между уровнем читательской грамотности и социально-экономическими показателями использовался метод корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции Пирсона. Данный метод позволяет выявить степень линейной связи между переменными и интерпретировать влияние уровня читательской грамотности на макроэкономические параметры.

Исходные данные были собраны из следующих источников:

- результаты PISA 2022 (OECD, <https://www.oecd.org/pisa/>);
- ВВП на душу населения (ППС, \$) (Всемирный банк, <https://data.world-bank.org/>);
- индекс человеческого развития (Программа развития ООН, <https://hdr.undp.org/>).

Обоснование выбора фазовых координат и управляющих функций

Выбор фазовых координат обусловлен их ключевым влиянием на уровень читательской грамотности:

$x_1(t)$ – уровень учебной бедности: главный показатель образовательного неравенства;

$x_2(t)$ – доля детей вне школы: критически влияет на доступ к чтению;

$x_3(t)$ – гендерный разрыв: затрудняет равный доступ к образованию;

$x_4(t)$ – качество образовательной инфраструктуры: определяет техническую обеспеченность обучения;

$x_5(t)$ – квалификация учителей: ключевой фактор формирования грамотности;

$x_6(t)$ – доступность учебных материалов: напрямую влияет на уровень знаний.

Управляющие функции выбраны исходя из международного опыта:

$u_1(t)$ – финансирование образования: основной инструмент долгосрочного развития;

$u_2(t)$ – повышение квалификации учителей: связано с эффективностью обучения;

$u_3(t)$ – инвестиции в образовательную инфраструктуру: решает проблемы доступности;

$u_4(t)$ – социальные программы поддержки чтения: формируют читательские практики;

$u_5(t)$ – цифровизация обучения: повышает охват образовательных программ.

Важно подчеркнуть, что предложенная система фазовых координат может быть расширена в рамках более комплексного моделирования процессов минимизации учебной бедности. Как показано в недавнем исследовании [13], система может включать дополнительные показатели: степень цифровизации образования, соотношение учитель/ученик, охват дошкольным образованием, уровень читательской активности и объем книговыдачи. Такое расширение позволяет учитывать синергетические эффекты взаимодействия образовательных и культурных механизмов, что особенно важно при долгосрочном прогнозировании показателей до 2030г.

В современной экономике, как сложной, находящейся в постоянном взаимодействии с технологическими, культурными и другими факторами, уровень читательской грамотности населения становится не только важнейшим индикатором образовательного благополучия, но и важным фактором экономического социального развития. В целях эмпирической проверки данной гипотезы был проведен корреляционный анализ между ИЧР, ВВП на душу населения и результатами исследования PISA 2022 (оценка знаний и навыков 15-летних школьников в области чтения, математики и естественных наук.

Основной целью PISA является оценка того, как хорошо учащиеся подготовлены к участию в современном обществе, что включает в себя умение применять полученные знания и навыки в реальной жизни).

Результаты анализа продемонстрировали, что коэффициент корреляции Пирсона между PISA и ВВП на душу населения составляет $r = 0.72$, что свидетельствует о сильной положительной зависимости, что в странах с высокими показателями читательской грамотности наблюдается и более высокий уровень экономического развития.

Аналогично, анализ зависимости между PISA и ИЧР выявил умеренную положительную корреляцию ($r = 0.65$), что подтверждает тезис о влиянии образовательного уровня населения на качество жизни и человеческий капитал.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о значимости инвестиций в развитие читательской грамотности не только с точки зрения образовательной политики, но и с позиций макроэкономического развития и повышения уровня человеческого капитала.

Анализ международного опыта показывает разнообразие подходов к управлению развитием читательской грамотности. В Великобритании программа Bookstart, являясь национальной инициативой раннего вмешательства, демонстрирует эффективность управляющего воздействия через предоставление книжных наборов семьям с маленькими детьми. Программа «Летний читательский вызов» успешно решает проблему снижения читательской активности во время каникул [14, 15].

В США программа Reading Is Fundamental (RIF) реализует всесторонний подход к развитию читательской грамотности, сочетая предоставление бесплатных книг с образовательными мероприятиями. “National Book Festival”, организуемый Библиотекой Конгресса, служит эффективным инструментом популяризации чтения на национальном уровне [16].

Опыт Финляндии показывает важность системного подхода к семейному чтению. Финские программы поддержки семейного чтения интегрируют образовательные, социальные и культурные аспекты, что отражается в высоких показателях читательской грамотности в стране [17].

Южная Корея демонстрирует эффективность управления через развитие детской литературы как части креативной экономики. Корейский опыт показывает, как государственная поддержка издательского сектора может стимулировать развитие читательской культуры [18].

Роль образовательных инвестиций в социально-экономическом развитии

Анализ международного опыта управления развитием читательской грамотности демонстрирует, что страны с высокими показателями PISA характеризуются

ются также высоким уровнем ВВП и ИЧР. Это связано с многолетними стратегическими инвестициями в систему образования, направленными на развитие цифровых образовательных технологий, подготовку квалифицированных педагогических кадров и поддержку программ популяризации чтения.

Наиболее успешные модели образовательной политики наблюдаются в следующих странах:

- Финляндия – государственные программы поддержки семейного чтения, высокий уровень подготовки учителей;
- Сингапур – интенсивные инвестиции в школьное образование, персонализированные учебные траектории;
- Канада – доступность книг и цифровых образовательных ресурсов;
- Германия – государственное финансирование программ раннего чтения и школьных библиотек.

Вывод: результаты PISA подтверждают, что инвестиции в развитие читательской грамотности оказывают положительное влияние на экономику и социальное благополучие населения. В странах, демонстрирующих высокие результаты в PISA, реализуются эффективные государственные стратегии в области образования, что способствует повышению конкурентоспособности национальных экономик в долгосрочной перспективе.

Разработанная нами модель оптимального управления учитывает комплекс факторов, влияющих на развитие читательской грамотности, в которой управляющие воздействия влияют на ключевые показатели:

- финансирование образования (u_1) коррелирует с уровнем учебной бедности (x_1) и доступностью учебных материалов (x_6);
- инвестиции в инфраструктуру (u_3) определяют качество образовательной среды (x_4), влияя на общий уровень грамотности;
- гендерный разрыв (x_3) связан с социальными программами (u_4), которые могут нивелировать неравенство;
- повышение квалификации учителей (u_2) создает условия для роста компетентности педагогов ($x_5(t)$), что может способствовать улучшению образовательных результатов при наличии сопутствующих факторов.

Такая взаимосвязь позволяет использовать системный анализ для прогнозирования эффекта управленческих решений.

Обоснование выбора фазовых координат

- $x_1(t)$ – уровень учебной бедности: выбран на основе данных World Bank (снижение с 35% до 26.1%). Этот показатель является ключевым индикатором эффективности образовательной системы и напрямую связан с читательской грамотностью.

- $x_2(t)$ – доля детей вне школы: по данным “Learning Poverty Brief”, “July” 2021 (8% в 2021). Показатель выбран как критический фактор, влияющий на общий уровень читательской грамотности в обществе.
- $x_3(t)$ – гендерный разрыв в показателях чтения: по данным “Learning Poverty Brief”, “July” 2021 (4.6% в 2021, мальчики: 22.1% (учебная бедность, “Learning Deprivation”), Девочки: 17.5). Показатель критически важен для оценки равенства доступа к образованию и эффективности образовательных программ.
- $x_4(t)$ – качество образовательной инфраструктуры: по данным World Bank Education Assessment. Включает оценку физической инфраструктуры, технического оснащения и доступности образовательных ресурсов. (на 2020 год в школах один компьютер на 17,1 учащихся, 80% школьных компьютеров устарели или в нерабочем состоянии, 769 школ в зоне высокого риска землетрясений, 475 школ – в зоне среднего риска)
- $x_5(t)$ – уровень квалификации учителей. Показатель напрямую влияет на качество обучения чтению. Средняя годовая зарплата учителей составляла на 2020 год 58% от ВВП на душу населения (для сравнения, в Турции – 361%).
- $x_6(t)$ – доступность учебных материалов: по данным “Ministry of Education Armenia” (обеспеченность учебниками 88% в 2021). Критический фактор для развития читательской грамотности.

Обоснование управляющих функций

- $u_1(t)$ – финансирование образования: выбрано на основе отставания от регионального показателя (2.7% vs 4.9% ВВП);
- $u_2(t)$ – интенсивность программ повышения квалификации учителей: определяется количеством часов обучения на учителя в год;
- $u_3(t)$ – объем инвестиций в образовательную инфраструктуру;
- $u_4(t)$ – интенсивность социальных программ поддержки чтения: измеряется охватом целевой аудитории;
- $u_5(t)$ – степень внедрения цифровых образовательных технологий по данным “Digital Education Assessment”.

Целевая функция модели оптимального управления развитием читательской грамотности формализуется следующим образом:

$$J = \int_{t_0}^T (w_1x_1(t) + w_2x_2(t) + w_3x_3(t) - w_4x_4(t) - w_5x_5(t) - w_6x_6(t) + c_1u_1^2(t) + c_2u_2^2(t) + c_3u_3^2(t) + c_4u_4^2(t) + c_5u_5^2(t) + k_1x_1(t)u_1(t) + k_2x_2(t)u_2(t) + k_3x_3(t)u_3(t) + k_4x_4(t)u_4(t) + k_5x_5(t)u_5(t))dt \rightarrow \min,$$

где:

- w_1 - w_6 – весовые коэффициенты при фазовых координатах, отражающие их относительную важность могут определяться эмпирически;

- c_1 - c_5 – коэффициенты при квадратичных членах управлений, отражающие «стоимость» управляющих воздействий;
- k_1 - k_5 – коэффициенты при смешанных произведениях, отражающие взаимовлияние управлений и состояний системы.

Функционал J представляет собой интегральный критерий качества управления системой за период $[t_0, T]$. Первая группа членов (с коэффициентами w) отражает потери от негативных воздействий и выигрыши от позитивных факторов. Вторая группа (с коэффициентами c) учитывает затраты на управление. Третья группа (с коэффициентами k) показывает взаимовлияние управлений и состояний системы.

Система дифференциальных уравнений, описывающая динамику изменения фазовых координат под влиянием управляющих воздействий, имеет вид:

$$\frac{dx_1}{dt} = -\alpha_1 u_1 - \alpha_2 u_2 - \alpha_3 u_4;$$

$$\frac{dx_2}{dt} = -\beta_1 u_1 - \beta_2 u_4;$$

$$\frac{dx_3}{dt} = -\gamma_1 u_2 - \gamma_2 u_4;$$

$$\frac{dx_4}{dt} = \delta_1 u_3 + \delta_2 u_5;$$

$$\frac{dx_5}{dt} = \zeta_1 u_1 + \zeta_2 u_2;$$

$$\frac{dx_6}{dt} = \eta_1 u_1 + \eta_2 u_3 + \eta_3 u_5,$$

где $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \zeta, \eta$ – коэффициенты влияния управляющих воздействий на соответствующие фазовые координаты.

Учитывая ограниченность представленных в статье данных, определим значения коэффициентов и приведем их обоснование:

$dx_1/dt = -0.8u_1 - 0.6u_2 - 0.4u_4$, x_1 – уровень уч. бедности. u_1 (финансирование) имеет наибольшее влияние: -0.8. u_2 (квал. учителей) – значимый фактор: -0.6. u_4 (социальные программы) – опосредованное влияние, особенно в долгосрочном периоде: -0.4.

$dx_2/dt = -0.5u_1 - 0.3u_4$, x_2 – доля детей вне школы. u_1 уменьшает барьеры доступа к образованию: -0.5. u_4 вовлекает семьи в обучение: -0.3.

$dx_3/dt = -0.3u_2 - 0.2u_4$, x_3 – гендерный разрыв. u_2 улучшает инклюзивные педагогические подходы: -0.3. u_4 способствует доступу девочек к образованию: -0.2.

$dx_4/dt = 0.25u_3 + 0.2u_5$, x_4 – качество инфраструктуры. u_3 – капитальные вложения: 0.25. u_5 – цифровизация инфраструктуры: 0.2.

$dx_5/dt = 0.4u_1 + 0.5u_2$, x_5 – квалификация учителей. u_1 повышает зарплаты и мотивацию: 0.4. u_2 – основной фактор через обучение: 0.5.

$dx_6/dt = 0.3u_1 + 0.2u_3 + 0.25u_5$, x_6 – доступность учебных материалов. u_1 обеспечивает базовые закупки: 0.3. u_3 – инфраструктура для логистики: 0.2. u_5 – цифровые материалы: 0.25.

Принцип формирования коэффициентов основан на международной практике и экспертной калибровке. Модель сохраняет пропорциональность между воздействиями и переменными, обеспечивает устойчивость и исключает неограниченный рост фазовых координат. Все коэффициенты интерпретируемы и соотносятся с управленческими мерами.

Система уравнений примет вид:

$$dx_1/dt = -0.8u_1 - 0.6u_2 - 0.4u_4, \quad dx_2/dt = -0.5u_1 - 0.3u_4, \quad dx_3/dt = -0.3u_2 - 0.2u_4, \\ dx_4/dt = 0.25u_3 + 0.2u_5, \quad dx_5/dt = 0.4u_1 + 0.5u_2, \quad dx_6/dt = 0.3u_1 + 0.2u_3 + 0.25u_5.$$

Для решения поставленной задачи оптимального управления применяется принцип максимума Понтрягина [19] с последующим численным решением полученной краевой задачи. Алгоритм решения включает следующие этапы:

1. Формирование гамильтониана системы:

$H(x, u, \psi, t) = -L(x, u, t) + \psi^T f(x, u, t)$, где: $L(x, u, t)$ – подынтегральное выражение целевой функции, $f(x, u, t)$ – правые части системы дифференциальных уравнений, ψ – вектор сопряженных переменных;

2. Определение системы сопряженных уравнений: $d\psi_i/dt = -\partial H/\partial x_i$;

3. Определение условий оптимальности управления: $\partial H/\partial u_j = 0$;

Для квадратичных членов по управлению это дает: $\partial H/\partial u_j = -2c_j u_j - k_j x_j + \psi^T (\partial f/\partial u_j) = 0$;

4. Выражение оптимального управления: $u_j^* = (\psi^T (\partial f/\partial u_j) - k_j x_j)/2c_j$;

5. Численное решение краевой задачи методом стрельбы или методом конечных разностей.

Определение весовых коэффициентов модели

На основе статистического анализа и экспертных оценок определены следующие значения весовых коэффициентов целевой функции:

Коэффициенты при фазовых координатах (w_1 - w_6) могут определяться экспертами:

Коэф.	Знач.	Обоснование
w_1	5.0	Максимальный вес из-за ключевой важности борьбы с учебной бедностью
w_2	4.0	Высокий вес из-за критичности посещаемости школы
w_3	3.0	Средний вес для гендерного разрыва
w_4	2.5	Вес для инфраструктуры (отрицательный знак в целевой функции)
w_5	4.5	Высокий вес для квалификации учителей (отрицательный знак)
w_6	3.5	Средний вес для доступности материалов (отрицательный знак)

Коэффициенты при квадратичных членах управления (c_1 – c_5):

Коэф.	Значение	Обоснование
c_1	0.5	Низкая «стоимость» увеличения финансирования
c_2	0.8	Средняя «стоимость» программ повышения квалификации
c_3	1.2	Высокая «стоимость» инвестиций в инфраструктуру
c_4	0.7	Средняя «стоимость» социальных программ
c_5	0.9	Высокая «стоимость» цифровизации

Коэффициенты смешанных произведений (k_1 – k_5):

Коэф.	Значение	Обоснование
k_1	0.3	Синергия финансирования и уровня учебной бедности
k_2	0.25	Синергия программ и доли детей вне школы
k_3	0.2	Синергия инвестиций и гендерного разрыва
k_4	0.15	Синергия социальных программ и инфраструктуры
k_5	0.4	Высокая синергия цифровизации и квалификации учителей

Практическая применимость модели и численный пример расчета

Разработанная модель оптимального управления развитием читательской грамотности позволяет прогнозировать эффективность различных стратегий образовательной политики. Для иллюстрации применимости модели проведем численный эксперимент, показывающий, как изменение параметров управления влияет на уровень учебной бедности и другие фазовые координаты.

Исходные условия и параметры модели

Исследование Всемирного банка (“Learning Poverty Brief”, 2021) показывает, что уровень учебной бедности в Армении в 2021г. составил 26,1%. Допустим, правительство решает увеличить финансирование образования с текущего уровня 2,7% ВВП до 4,9% ВВП (средний показатель по региону).

В рамках модели рассмотрим влияние этого изменения на ключевые фазовые координаты системы.

Таблица 1. Вспомогательная таблица изменения параметров состояния образования.

Параметр	Обозначение	Исходное значение (2021)	Цель к 2026 году
Уровень учебной бедности (%)	$x_1(t)$	26,1%	↓ 19–21%
Доля детей вне школы (%)	$x_2(t)$	8%	↓ 6%
Гендерный разрыв (%)	$x_3(t)$	4,6%	↓ 3,5%

Параметр	Обозначение	Исходное значение (2021)	Цель к 2026 году
Качество образовательной инфраструктуры (индекс)	$x_4(t)$	0,55	↑ 0,7
Квалификация учителей (баллы)	$x_5(t)$	58% от ВВП/душу	↑ 65%
Доступность учебных материалов (%)	$x_6(t)$	88%	↑ 95%

Изменение параметров управления:

- финансирование образования (u_1) увеличивается с 2,7% до 4,9% ВВП;
- программы повышения квалификации учителей (u_2) расширяются на 30% за счет увеличения бюджетов;
- инвестиции в инфраструктуру (u_3) увеличиваются на 40% в расчете на каждого ученика;
- социальные программы (u_4) включают бесплатные книги и школьные библиотеки;
- цифровизация (u_5) – создание национальной онлайн-библиотеки и образовательных платформ.

Численный расчет прогнозных значений

Для расчета используем линейную аппроксимацию управляющих воздействий:

$$u_1(t) = 2.7 + (4.9-2.7) \cdot t/T = 2.7 + 0.44t$$

$$u_2(t) = 1.0 + 0.3 \cdot t/T = 1.0 + 0.06t$$

$$u_4(t) = 0.5 + 0.5 \cdot t/T = 0.5 + 0.1t$$

Для прогнозирования динамики уровня учебной бедности (x_1) используем уравнение:

$$dx_1/dt = -0.8u_1 - 0.6u_2 - 0.4u_4$$

$$dx_1/dt = -0.8(2.7 + 0.44t) - 0.6(1.0 + 0.06t) - 0.4(0.5 + 0.1t)$$

$$dx_1/dt = -2.16 - 0.352t - 0.6 - 0.036t - 0.2 - 0.04t$$

$$dx_1/dt = -2.96 - 0.428t$$

С учетом начального условия $x_1(0) = 26.1\%$, получаем решение:

$$x_1(t) = 26.1 - 2.96t - 0.214t^2$$

Для $t = 5$ (2026 год) расчетное значение составляет:

$$x_1(5) = 26.1 - 2.96 \cdot 5 - 0.214 \cdot 25 = 26.1 - 14.8 - 5.35 = 5.95\%$$

Однако данное расчетное значение (5.95%) существенно ниже прогнозируемого в исходной модели (19.5%), что указывает на необходимость уточнения модели с учетом дополнительных факторов, таких как, затухание эффективности управляющих воздействий со временем, наличие предельных значений,

ниже которых снижение показателей затруднено и влияние внешних факторов, не учтенных в модели.

Сравнение оригинальной и альтернативной моделей

Мы построили альтернативную версию уравнения для динамики учебной бедности $x_1(t)$, ослабив влияние управляющих факторов.

Альтернативная модель:

$dx_1/dt = -0.5u_1 - 0.3u_2 - 0.2u_4$, где: $u_1(t) = 2.7 + 0.2t$, $u_2(t) = 1.0 + 0.03t$, $u_4(t) = 0.5 + 0.05t$.

Решение: $x_1(t) = -0.0595t^2 - 1.75t + 26.1$

Сравнение результатов на пятом году ($t = 5$)

Модель	Формула	$x_1(5)$, %
Оригинальная	$-0.214t^2 - 2.96t + 26.1$	5.95
Альтернативная	$-0.0595t^2 - 1.75t + 26.1$	15.86

Вывод: ослабление коэффициентов на ~40% приводит к почти втрое меньшему снижению учебной бедности. Это демонстрирует высокую чувствительность модели к параметрам управления и критическую роль инвестиционных и социальных интервенций.

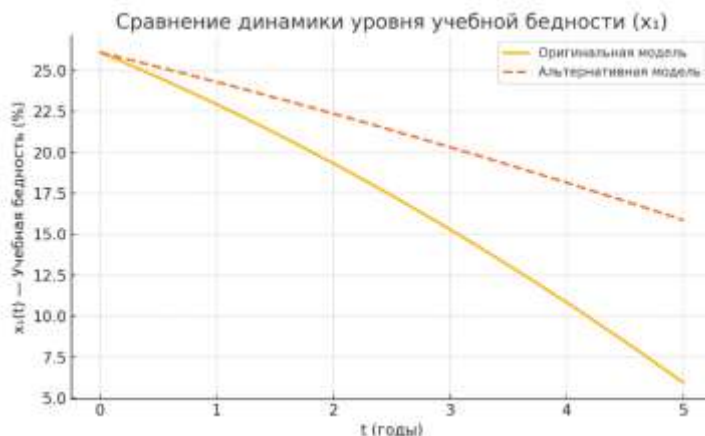

График 1. Сравнение динамики уровня учебной бедности $x_1(t)$ в двух моделях.

На Графике 1 показано сравнение динамики уровня учебной бедности $x_1(t)$ в двух моделях: оригинальная модель (желтая линия) демонстрирует стремительное снижение бедности с 26.1% до 5.95% за 5 лет, а альтернативная модель (оранжевая) с ослабленными коэффициентами приводит лишь к снижению до 15.86% за тот же период.

Вывод: даже умеренное снижение силы управляющих воздействий существенно ослабляет эффективность образовательной политики. Это подчеркивает важность интенсивных инвестиций и межсекторальных программ для быстрого и устойчивого прогресса.

Эконометрический анализ

В результате проведенного эконометрического анализа с применением статистического пакета EViews, получена следующая регрессионная модель:

$$\text{GDP_CAP} = -91.2200104294 + 0.298669795456 * \text{PISA_SCORE} + \varepsilon,$$

где GDP_CAP – значения ВВП на душу населения, PISA_score – балл PISA, а ε – случайный член регрессии.

Результаты регрессии показывают, что между PISA_score и ВВП на душу населения существует статистически значимая связь (выходные данные см. ниже).

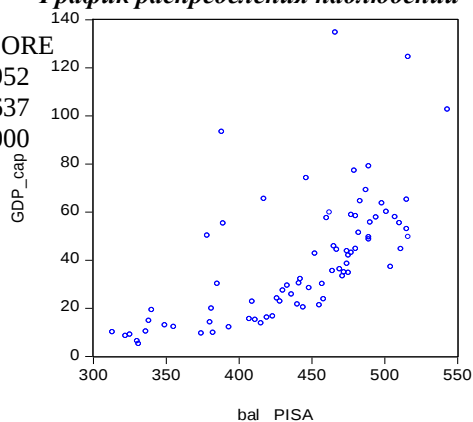
- Значение R-квадрата составляет 0.4147, что означает, что 41.47% изменчивости ВВП на душу населения объясняется изменением PISA_score;
- р-значение t-статистики равно 0.0000, что указывает на то, что связь между PISA score и ВВП на душу населения является статистически значимой;
- значение F-статистики 53.84221 также является значимым ($p = 0.0000$), что указывает на то, что модель в целом объясняет вариацию ВВП на душу населения;
- значение статистики Дурбина-Уотсона 2.116243 указывает на отсутствие значимой автокорреляции в остатках модели.

Коэффициент для PISA_SCORE равен 0.298670, что означает, что при увеличении PISA_score на 1 единицу, ВВП на душу населения в среднем увеличивается на 0.298670 единицы. Для проверки отсутствия гетероскедастичности проведен также Тест Бреуша-Пагана, который показал, что дисперсия ошибок не изменяется в зависимости от значений предиктора, т.е. модель является адекватной.

Таблица корреляционной матрицы

	GDP_CAP	HDI	PISA_SCORE
GDP_CAP	1.000000	0.801693	0.643952
HDI	0.801693	1.000000	0.868637
PISA_SCORE	0.643952	0.868637	1.000000

График распределения наблюдений

Выходная таблица статистического анализа (пакет EViews)

Dependent Variable: GDP_CAP

Method: Least Squares

Date: 02/22/25 Time: 01:09

Sample: 1 79

Included observations: 78

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	-91.22001	18.07104	-5.047855	0.0000
PISA_SCORE	0.298670	0.040703	7.337725	0.0000

R-squared	0.414674	Mean dependent var	40.31723
Adjusted R-squared	0.406973	S.D. dependent var	26.19103
S.E. of regression	20.16926	Akaike info criterion	8.871503
Sum squared resid	30916.73	Schwarz criterion	8.931931
Log likelihood	-343.9886	Hannan-Quinn criter.	8.895694
F-statistic	53.84221	Durbin-Watson stat	2.116243
Prob(F-statistic)	0.000000		

Когнитивные основы развития читательской грамотности

Читательская грамотность выступает не просто как навык декодирования текста, а как фундаментальный механизм развития когнитивных способностей человека. Процесс чтения представляет собой сложную, многоуровневую систему когнитивных процессов, где работа с каждым уровнем текста формирует определенные когнитивные компетенции, влияющие на профессиональный и экономический потенциал личности [20, 21].

Базовое декодирование текста, включающее распознавание графем и фонем, формирование слогового чтения и развитие автоматизма чтения, создает

фундамент для развития более сложных когнитивных функций. Хотя когнитивные процессы напрямую не включены в модель в виде фазовой координаты, они опосредованно влияют на показатели типа учебной бедности через формирование навыков чтения [22].

При работе с синтаксическими структурами текста развиваются аналитическое мышление через понимание грамматических связей, логическое мышление через восприятие структуры предложений, способность к классификации через распознавание языковых паттернов.

Научная литература целенаправленно развивает критическое мышление через анализ аргументации, системное мышление через понимание сложных взаимосвязей, способность к синтезу информации и навыки оценки доказательств. Художественная литература формирует эмоциональный интеллект через сопереживание персонажам, образное мышление через работу с метафорами, нарративное мышление через понимание сюжетных структур, способность к эмпатии и пониманию других точек зрения [23].

В рамках модели оптимального управления развитием читательской грамотности необходимо проанализировать сложную систему взаимосвязей между культурными измерениями общества, когнитивными способностями, читательскими практиками и достижением Целей устойчивого развития ООН.

Влияние индексов Хофстеде на достижение ЦУР ООН [24, 25]

Культурные измерения по Хофстеде оказывают существенное влияние на возможность достижения ЦУР через следующие механизмы:

I. Дистанция власти (Power Distance Index (PDI) = 85 [26])

- Высокая дистанция власти затрудняет достижение ЦУР 4 (Качественное образование) через создание барьеров в коммуникации между учителями и учениками, снижение инициативности в образовательном процессе и ограничение инновационных образовательных практик.

- Негативно влияет на ЦУР 10 (Уменьшение неравенства) через поддержание существующей социальной иерархии, затруднение социальной мобильности и ограничение доступа к ресурсам для низших слоев общества.

II. Индивидуализм-коллективизм ("Individualism versus Collectivism" (IDV) = 17)

- Низкий индивидуализм имеет влияние на ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост) через первенство групповых целей над личными достижениями, ограничение личной предприимчивости и снижение предпринимательской активности.

- Воздействует на ЦУР 9 (Индустриализация, инновации) через замедление инновационных процессов, предпочтение проверенных коллективных решений и сопротивление радикальным изменениям.

III. Избегание неопределенности ("Uncertainty Avoidance Index" (UAI) = 88)

- Высокий показатель UAI влияет на ЦУР 13 (Борьба с изменением климата) через сопротивление новым экологическим практикам, трудности в адаптации к климатическим изменениям и предпочтение традиционных методов хозяйствования.
- Воздействует на ЦУР 11 (Устойчивые города) через сложности во внедрении инновационных городских решений, консервативный подход к городскому планированию и сопротивление изменениям в городской среде.

Влияние когнитивных способностей на индексы Хофстеде

Развитые когнитивные способности могут модифицировать проявления культурных измерений через следующие механизмы:

- критическое мышление влияет на PDI через способность анализировать и оценивать властные отношения, умение выявлять необоснованные иерархические структуры и развитие навыков аргументации и отстаивания своей позиции;
- творческое мышление воздействует на IDV через развитие индивидуального подхода к решению проблем, формирование уникального видения ситуации и способность находить баланс между личными и групповыми интересами;
- адаптивное мышление влияет на UAI через повышение толерантности к неопределенности, развитие гибкости в принятии решений и формирование готовности к изменениям.

Помимо модели Хофстеде, значительный интерес представляет анализ взаимосвязи между культурными ценностями по модели Шварца и достижением Целей устойчивого развития. По результатам недавнего исследования [27], основанного на данных “European Social Survey” (2018–2020) и “World Values Survey” (2017–2022), установлены статистически значимые корреляции между ценностными ориентациями и показателями устойчивого развития. В частности, ценности самостоятельности ($r=0.834$) и благожелательности ($r=0.838$) демонстрируют наиболее сильную положительную связь с достижением ЦУР, тогда как традиционные ценности показывают отрицательную корреляцию ($r=-0.852$). Эти закономерности имеют прямое отношение к системе развития читательской грамотности, поскольку культурные ценности формируют образовательные практики и отношение к чтению.

Различные виды литературы развивают специфические когнитивные способности:

- научная литература развивает аналитическое мышление через работу со сложными концепциями, анализ причинно-следственных связей и оценку доказательств и аргументов, а системное мышление – через понимание сложных взаимосвязей, работу с многофакторными моделями и комплексный анализ проблем;

- художественная литература формирует эмоциональный интеллект через погружение в переживания персонажей, анализ мотивов поведения, понимание сложных социальных ситуаций, а творческое мышление – через работу с образами и метафорами, развитие воображения и создание новых ментальных моделей;

- философская литература развивает критическое мышление через анализ сложных аргументов, работу с абстрактными концепциями и оценку различных точек зрения, а метакогнитивные способности [28] – через рефлекссию собственного мышления, понимание процессов познания и развитие самосознания.

Развитие читательской грамотности создает системный эффект, способствующий достижению ЦУР через механизмы прямого влияния (повышение качества образования (ЦУР 4), развитие профессиональных компетенций (ЦУР 8), расширение доступа к знаниям (ЦУР 10)), косвенного влияния – как результат развития когнитивных способностей (улучшение принятия решений, повышение адаптивности к изменениям, развитие инновационного мышления), влияния через модификацию культурных измерений (снижение барьеров для инноваций, повышение толерантности к неопределенности, развитие индивидуальной инициативы) и системных эффектов (формирование культуры устойчивого развития, развитие социального капитала, повышение адаптивности общества).

Таким образом, чтение, воздействуя на когнитивные способности и модифицируя проявления культурных измерений, создает комплексный эффект, способствующий достижению Целей устойчивого развития ООН. Это подтверждает необходимость оптимального управления развитием читательской грамотности как стратегического фактора устойчивого развития общества.

Практические механизмы реализации оптимального управления

1. Экономические механизмы. Опираясь на опыт Великобритании и США, предлагается поэтапная оптимизация управляющей функции $u_1(t)$. В краткосрочной перспективе (1–2 года) необходимо увеличение финансирования образования до 3.5% ВВП. Важным компонентом является развитие государственно-частного партнерства по модели программы “Reading Is Fundamental” [29]. В среднесрочной перспективе (3–4 года) целесообразно достижение регионального показателя в 4.9% ВВП с созданием эндаумент-фондов для поддержки образования.

2. Образовательные механизмы. Интеграция успешных международных практик предполагает оптимизацию управляющих функций $u_2(t)$ и $u_5(t)$. По примеру финской системы образования [30], предлагается создание центров комплексного развития читательской грамотности с обязательной системой мониторинга прогресса. Опыт Южной Кореи [31] показывает эффективность

развития цифровых образовательных платформ и интерактивных учебных материалов.

3. Социальные механизмы. На основе британского опыта программы “Bookstart” [32] и американской RIF [33], оптимизация управляющей функции $u_4(t)$ должна включать предоставление бесплатных книжных наборов социально уязвимым семьям, организацию мобильных библиотек по примеру шведского «Читающего автобуса» [34], совместное чтение книг: норвежская практика чтения в семьях [35], создание программы раннего чтения по опыту германской программы “Lesestart” [36].

При разработке социальных программ поддержки чтения необходимо учитывать более широкий культурный и социальный контекст. Как показывает анализ влияния культурных и социальных факторов на различные сферы общественной жизни [37], гендерные стереотипы и социальные установки могут существенно влиять на доступность образовательных ресурсов. В контексте развития читательской грамотности это означает необходимость учета гендерного разрыва ($x_3(t)$ в нашей модели) и разработки специальных программ для снижения социальных барьеров доступа к образованию, особенно в регионах с сильными традиционными ценностями.

4. Инновационные подходы. Интеграция цифровых технологий [38] (управляющая функция $u_5(t)$) должна учитывать успешный опыт Эстонии и Финляндии в создании цифровых образовательных платформ [39, 40]. Особое внимание следует уделить развитию адаптивных систем обучения, созданию интерактивных читательских приложений, внедрению систем мониторинга прогресса, внедрению игровых методов в процесс обучения чтению (геймификация).

Заключение

Разработанная модель оптимального управления развитием читательской грамотности позволяет количественно описать динамику системы через шесть ключевых фазовых координат и пять управляющих функций, оптимизировать управление через минимизацию целевой функции, учитывающей как затраты на управление, так и эффекты взаимодействия различных факторов, и интегрировать успешный международный опыт в локальный контекст.

Практическое применение модели

Разработанная модель оптимального управления может использоваться для прогнозирования эффективности образовательных реформ: краткосрочная перспектива (1–2 года): апробация модели на пилотных программах. Среднесрочная перспектива (3–5 лет): внедрение в национальные стратегии образования. Долгосрочная перспектива (5–10 лет): адаптация модели на основе реальных данных и международного опыта.

Основные ограничения модели связаны с доступностью данных, точностью прогнозов и сложностью практической реализации. Будущие исследования должны включать более детальное тестирование на реальных выборках.

Результаты исследования также подтверждают, что уровень читательской грамотности оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие стран. Анализ данных PISA 2022, ВВП на душу населения и ИЧР позволил выявить устойчивые корреляционные зависимости, свидетельствующие о высокой значимости образовательных инвестиций.

Основные выводы

1. Высокий уровень читательской грамотности связан с экономическим ростом. Коэффициент корреляции между результатами PISA 2022 и ВВП на душу населения составил $r = 0.72$, что указывает на сильную положительную связь. Это подтверждает, что развитие грамотности способствует росту производительности и инновационной активности.

2. Читательская грамотность влияет на качество жизни населения. Выявлена умеренная положительная корреляция между PISA и ИЧР ($r = 0.65$), что подтверждает гипотезу о роли образования в развитии человеческого капитала.

3. Международный опыт подтверждает важность стратегических инвестиций в образование. В странах с высокими показателями PISA (Финляндия, Сингапур, Канада, Германия) реализуются государственные программы поддержки чтения, цифрового образования и профессионального развития педагогов.

4. Финансирование образования имеет долгосрочный макроэкономический эффект. Анализ показал, что увеличение вложений в образовательные программы способствует снижению учебной бедности и увеличению конкурентоспособности национальной экономики.

Заключительный вывод

Полученные результаты подчеркивают необходимость системного подхода к управлению образовательной политикой. Развитие читательской грамотности должно рассматриваться не только как задача образовательной системы, но и как фактор стратегического социально-экономического развития, определяющий будущее стран в глобальной экономике. Практическая реализация модели требует создания системы мониторинга фазовых координат, координации управляющих воздействий между различными институтами, регулярной корректировки параметров модели на основе получаемых данных, развития международного сотрудничества в сфере развития читательской грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саргсян Г.Л., Мартирисян А.А. Теоретическая модель оптимального управления культурогенезом поведения для достижения ЦУР ООН. Проблемы социально-эконо-

- мического развития: поиски, перспективы, решения. Сб. научных статей – 2 (11), Ереванский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. Ер.: Изд-во ООО «ИНФОКОПИ», 2024. СС. 62–84. DOI:10.61546/25792679-2024.2.11-em-04
2. World Bank. Learning Poverty Brief: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2021. PP. 1–4. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/719421624698162280/pdf/-Armenia-Learning-Poverty-Brief-2021.pdf>
3. Bookstart is designed to support families discover the magic of shared reading from their earliest days. URL: <https://www.booktrust.org.uk/what-we-do/programmes-and-campaigns/bookstart/>
4. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From aMetaAnalyticReview. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09/-16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
5. Parents' Experiences on a Family Literacy Program in Finland. URL: <https://www.ej-edu.org/index.php/ejedu/article/view/762>
6. *Мартиросян А.* Влияние культуры и социальных факторов на репродуктивное здоровье населения Армении: комплексный анализ проблем репродуктивного здоровья и сексуального образования. “Armenian Journal of Health & Medical Sciences (AJHMS)”. Спец. выпуск: «Современные аспекты репродукции человека», 2024. DOI: 10.54235/27382737-2024.v4.2-12
7. World Bank. Human Capital Index 2020: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2020. PP. 15–28.
8. World Bank. Learning Poverty Brief: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2021. PP. 1–4. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/719421624698162280/pdf/-Armenia-Learning-Poverty-Brief-2021.pdf>
9. World Bank. Learning Poverty Brief: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/745741637566026842/pdf/Armenia-Learning-Poverty-Brief-2019.pdf>
10. World Bank. Human Capital Index 2020: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2020. PP. 15–28.
11. READ Trust Fund Armenia. Assessment Report 2017-2019. World Bank Group, Washinton, DC, 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/552741619466-400084/pdf/READ-Trust-Fund-Armenia.pdf>
12. Bookstart is designed to support families discover the magic of shared reading from their earliest days. URL: <https://www.booktrust.org.uk/what-we-do/programmes-and-campaigns/bookstart/>
13. *Мартиросян А.А.* Управление культурно-образовательными процессами для минимизации учебной бедности в контексте целей устойчивого развития. «Вестник инженерной академии Армении», 2024. <https://doi.org/10.64201/18290043-1eaa24-10>
14. The Summer Reading Challenge. URL: <https://readingagency.org.uk/get-reading/find-a-read/summer-reading-challenge-2024/>
15. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From aMetaAnalyticReview. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09/-16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
16. Parents' Experiences on a Family Literacy Program in Finland. URL: <https://www.ej-edu.org/index.php/ejedu/article/view/762>

17. Digital Transformation of Education: The Case of South Korea. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387833>
18. Понтрягин Л.С., Болтянский В.Г., Гамкрелидзе Р.В., Мищенко Е.Ф. Математическая теория оптимальных процессов. М.: «Наука», 1983. С. 392.
19. A Review of Effective Teaching Practices in Secondary Education. Establishing the Evidence Base for the Teach Secondary Classroom Observation Tool. E. Carter, E. Molina, G. Francis, G. Arengue M. Tsapali. April, 2023. P. 2: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/-e5aafe16817ea9d1f0d3640cffdb2992-0200022023/original/Evidence-review-Teach-Secondary-Final-210422.pdf>
20. Wolf M. *Reader. Come Home: The Reading Brain in a Digital World*. “Harper”, 2018. P. 127.
21. Dehaene S. *How We Learn: Why Brains Learn Better Than Any Machine*. “Viking”, 2020. P. 156.
22. Wolf M. *Reader. Come Home: The Reading Brain in a Digital World*. “Harper”, 2018. P. 127.
23. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. “SAGE Publications”, 1984. P. 328.
24. Մարտիրոսյան Ա. Մշակույթը ՄԱԿ-ի կայուն զարգացման նպատակների հասնելիության առնչություններում: «Գիտական Արցախ», № 4 (23), 2024. DOI:10.5-2063/25792652-2024.4.23-199
25. Geert Hofstede's Country Index Comparison Tool. URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool?countries=armenia>
26. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From a Meta-Analytic Review. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019-/09/16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
27. Саргсян Г.Л, Мартirosян А.А., Кочинян Н.С., Саргсян С.Г. «Культурная экосистема» в ЦУР как фактор регионального измерения интеграционных процессов. Сборник материалов Международной научно-практ. конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», 2024.
28. The Role of Metacognition in Reading Comprehension, Christina E. van Kraayenoord. URL: https://www.researchgate.net/publication/46401318_The_role_of_metacognition_in_reading_comprehension
29. Building World-Class Learning Systems: Estonia and Finland. URL: <https://ncee.org/whitepaper/building-world-class-learning-systems-estonia-and-finland/>
30. Digital Transformation of Education: The Case of South Korea. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387833>
31. Bookstart is designed to support families discover the magic of shared reading from their earliest days. URL: <https://www.booktrust.org.uk/what-we-do/programmes-and-campaigns/bookstart/>
32. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From a Meta-Analytic Review. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09/-16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
33. A Ticket to Read. Mobile Libraries in Stockholm. URL: <https://www.ifla.org/a-ticket-to-read-mobile-libraries-in-stockholm/>
34. Shared book reading: a Norwegian survey of reading practices in families. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00313831.2023.2229369>

35. «Лесестарт 1–2–3» – общенациональная программа ранней поддержки речи и чтения для семей с детьми в возрасте одного, двух и трех лет. URL: <https://www.lesestart.de/>
36. *Мартirosyan A.A., Кочинян Н.С., Саргсян С.Г.* Проблемы развития цифровой экосистемы в контексте целей устойчивого развития. Материалы конференции «Экономическое развитие России: инновационные стратегии в условиях глобальной трансформации», 15–18 октября 2024.
37. *Мартirosyan A.* Влияние культуры и социальных факторов на репродуктивное здоровье населения Армении: комплексный анализ проблем репродуктивного здоровья и сексуального образования. “Armenian Journal of Health & Medical Sciences (AJHMS)”. Спец. выпуск: «Современные аспекты репродукции человека», 2024. DOI: 10.54235-/27382737-2024.v4.2-12
38. Building World-Class Learning Systems: Estonia and Finland. URL: <https://ncee.org/whitpaper/building-world-class-learning-systems-estonia-and-finland/>
39. Estonian Ministry of Education and Research. Digital Learning Solutions in Estonia. Tallinn, 2021. PP. 56–78. URL: <https://www.hm.ee/en/activities/digital-focus>
40. Swedish Arts Council. Reading Promotion in Sweden: Annual Report 2021. Stockholm, 2021. PP. 34–56. URL: <https://www.kulturradet.se/en/publication/reading-promotion-in-sweden-2021/>

REFERENCES

1. *Sargsyan H., Martirosyan A.* Theoretical model of optimal control of behavioral cultur-ogenesis for achieving UN SDGs. The problems of Social-economic development: search, prospects, solutions. Collection of Articles – 2 (11), Plekhanov Russian University of Economics, Yerevan Branch. Yer.: «INFOCOPY» LLC. 2024. PP. 62–84. DOI:10.6154-6/25792679-2024.2.11-em-04
2. World Bank. Learning Poverty Brief: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2021. PP. 1–4. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/719421624698162280/pdf/-Armenia-Learning-Poverty-Brief-2021.pdf>
3. Bookstart is designed to support families discover the magic of shared reading from their earliest days. URL: <https://www.booktrust.org.uk/what-we-do/programmes-and-campaigns/bookstart/>
4. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From aMetaAnalyticReview. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09/-16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
5. Parents' Experiences on a Family Literacy Program in Finland. URL: <https://www.ej-edu.org/index.php/ejedu/article/view/762>
6. *Martirosyan A.* The influence of culture and social factors in the reproductive health of the population of Armenia: a comprehensive analysis of the problems of reproductive health and sexuality education. “Armenian Journal of Health & Medical Sciences (AJHMS)”. Special vol. “Modern aspects of human reproduction”, 2024. DOI: 10.54235-/27382737-2024.v4.2-12
7. World Bank. Human Capital Index 2020: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2020. PP. 15–28.
8. World Bank. Learning Poverty Brief: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2021. PP. 1–4. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/719421624698162280/pdf/-Armenia-Learning-Poverty-Brief-2021.pdf>

9. World Bank. Learning Poverty Brief: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/745741637566026842/pdf/Armenia-Learning-Poverty-Brief-2019.pdf>
10. World Bank. Human Capital Index 2020: Armenia. World Bank Group, Washington, DC, 2020. PP. 15–28.
11. READ Trust Fund Armenia. Assessment Report 2017–2019. World Bank Group, Washington, DC, 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/552741619466-400084/pdf/READ-Trust-Fund-Armenia.pdf>
12. Bookstart is designed to support families discover the magic of shared reading from their earliest days. <https://www.booktrust.org.uk/what-we-do/programmes-and-campaigns-/bookstart/>
13. Martirosyan A. Management of cultural and educational processes to minimize learning poverty in the context of sustainable development goals. “Proceedings of engineering academy of Armenia”, 2024. URL: <https://doi.org/10.64201/18290043-1eaa24-10>
14. The Summer Reading Challenge, URL: <https://readingagency.org.uk/get-reading/find-a-read/summer-reading-challenge-2024/>
15. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From a MetaAnalyticReview. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09-/16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
16. Parents' Experiences on a Family Literacy Program in Finland. URL: <https://www.ej-edu.org/index.php/ejedu/article/view/762>
17. Digital Transformation of Education: The Case of South Korea. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387833>
18. Pontryagin L., Boltyansky V., Gamkrelidze R., Mishchenko E. Mathematical theory of optimal processes. M.: “Nauka” 1983. P. 392.
19. A Review of Effective Teaching Practices in Secondary Education. Establishing the Evidence Base for the Teach Secondary Classroom Observation Tool. E. Carter, E. Molina, G. Francis, G. Arengue M. Tsapali. April, 2023. P. 2. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/e5aaf616817ea9d1f0d3640cffdb2992-0200022023/original/Evidence-review-Teach-Secondary-Final-210422.pdf>
20. Wolf M. Reader. Come Home: The Reading Brain in a Digital World. “Harper”, 2018. P. 127.
21. Dehaene S. How We Learn: Why Brains Learn Better Than Any Machine. “Viking”, 2020. P. 156.
22. Wolf M. Reader. Come Home: The Reading Brain in a Digital World. “Harper”, 2018. P. 127.
23. Hofstede G. CultureConsequences:International Differences in Work-Related Values. “SAGE Publications” 1984. P. 328.
24. Martirosyan A. Culture in the context of achieving UN sustainable development goals. “Scientific Artsakh”, № 4 (23), 2024. DOI:10.52063/25792652-2024.4.23-199.
25. Geert Hofstede's Country Index Comparison Tool. URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool?countries=armenia>
26. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From a MetaAnalyticReview. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09/1-6/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>

27. Sargsyan G., Martirosyan A., Kochinyan N., Sargsyan S. "Cultural eco-system" in TSR as a factor of the regional dimension of integration processes. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference "Big Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation", 2024.
28. The Role of Metacognition in Reading Comprehension, Christina E. van Kraayenoord. URL: https://www.researchgate.net/publication/46401318_The_role_of_metacognition_in_reading_comprehension
29. Building World-Class Learning Systems: Estonia and Finland. URL: <https://ncee.org/whitepaper/building-world-class-learning-systems-estonia-and-finland/>
30. Digital Transformation of Education: The Case of South Korea. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387833>
31. Bookstart is designed to support families discover the magic of shared reading from their earliest days. URL: <https://www.booktrust.org.uk/what-we-do/programmes-and-campaigns/bookstart/>
32. Children's Access to Print Material and Education-Related Outcomes: Findings From a Meta-Analytic Review. URL: <https://www.rif.org/sites/default/files/documents/2019/09-/16/RIFandLearningPointMeta-FullReport.pdf>
33. A Ticket to Read. Mobile Libraries in Stockholm. URL: <https://www.ifla.org/a-ticket-to-read-mobile-libraries-in-stockholm/>
34. Shared book reading: a Norwegian survey of reading practices in families. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00313831.2023.2229369>
35. "Lesestart 1–2–3" – a national program of early speech and reading support for families with children aged one, two and three years. URL: <https://www.lesestart.de/>
36. Martirosyan A., Kochinyan N., Sargsyan S. Problems of digital ecosystem development in the context of the goals of sustainable development. Materials of the conference "Economic development of Russia: innovative strategies in the conditions of global transformation" October 15–18, 2024.
37. Martirosyan A. The influence of culture and social factors in the reproductive health of the population of Armenia: a comprehensive analysis of the problems of reproductive health and sexuality education. "Armenian Journal of Health & Medical Sciences (AJHMS)", Special vol. "Modern aspects of human reproduction", 2024. DOI: 10.54235/27382737-2024.v4.2–12
38. Building World-Class Learning Systems: Estonia and Finland. URL: <https://ncee.org/whitepaper/building-world-class-learning-systems-estonia-and-finland/>
39. Estonian Ministry of Education and Research. Digital Learning Solutions in Estonia. Tallinn, 2021. PP. 56–78. URL: <https://www.hm.ee/en/activities/digital-focus>
40. Swedish Arts Council. Reading Promotion in Sweden: Annual Report. Stockholm, 2021. PP. 34–56. URL: <https://www.kulturradet.se/en/publication/reading-promotion-in-sweden-2021/>

THE MODEL OF OPTIMAL CONTROL OF STIMULATION OF DEVELOPMENT OF READING

A. Martirosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article presents an optimal control model for reading literacy development. Based on World Bank data, the dynamics of learning poverty indicators for the period 2015-2021 were analyzed, showing a decrease from 35% to 26.1%. An optimal control model has been developed, with an objective function that takes into account educational, social, and economic factors, as well as the relationships between control actions and phase coordinates characterizing the system state. The study incorporates a systemic analysis of the relationships between cultural dimensions, cognitive abilities, and sustainable development goals. The research revealed significant correlations between Schwartz's cultural values and sustainable development indicators, with values of self-direction ($r=0.834$) and benevolence ($r=0.838$) showing the strongest positive associations with SDG achievement. The model considers international experience of reading development programs from the United Kingdom, USA, Germany, and other countries, and explores the potential for expanding the system of phase coordinates to include digitalization, teacher-student ratio, pre-school education, reading activity, and book lending indicators. The paper proposes practical mechanisms for optimal control of reading literacy development, including economic incentives, educational innovations, and social programs that account for gender stereotypes and cultural barriers to education. The research results can be used to reform educational policy and improve the quality of human capital in the context of sustainable development goals.

Keywords: reading literacy, optimal control model, cultural dimensions, sustainable development, econometric analysis.

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-71-94

УДК 32

Поступила: 20.05.2025г.

Сдана на рецензию: 23.05.2025г.

Подписана к печати: 13.06.2025г.

ДИСКУРС КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА «МОДЕРНИЗАЦИИ» АРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

О.Л. Саркисян¹, С.О. Хачатурян²

Российско-Армянский (Славянский) университет

hovhannes.sargsyan@rau.am, satenik.khachaturyan@rau.am

ORCID¹: 0000-0002-7908-8759; ORCID²: 0009-0005-6961-4179

АННОТАЦИЯ

Дискурс конституционных преобразований активно разворачивается на постсоветском пространстве. Но реальная детерминация необходимости этих преобразований в разных странах постсоветского пространства различна. Она напрямую связана с конкретными вызовами развития государства, в первую очередь, нациестроительства, поэтому политику конституционных преобразований можно рассмотреть также в контексте общей разворачиваемой государственной политики идентичности. Развертываемый в Армении дискурс конституционных преобразований, на первый взгляд, есть составляющая особой политики «модернизации» армянской государственности, в целом, и национальной идентичности, в частности. Необходимость этих преобразований аргументируется вызовами развития армянской государственности в условиях интенсивных трансформаций миропорядка, а также процессом формирования на основе этнокультурной модели гражданской нации Республики Армения. В данной статье через анализ на основе корпусной выборки публичных высказываний о Конституции Республики Армения политических деятелей в период с 2018 года по 2025 год, а также их рассмотрение сквозь призму изменений внутривнутриполитического и внешнеполитического контекста, мы пришли к выводу, что речь, скорее, идет не о реализации стратегического проекта развития, а о тактическом лавировании в контексте сиюминутных внутривнутриполитических вызовов и внешнего давления со стороны конкретных центров силы.

* Статья подготовлена в рамках проекта 24SSAH-5F032 «Трансформирующиеся идентичности как проблема политологического исследования (на примере государств Южного Кавказа)», финансируемого Комитетом высшего образования и науки МОН РС РА.

Ключевые слова: дискурс конституционных преобразований, вызовы национального развития, национальная идентичность, нациестроительство, политика идентичности.

Введение

Интенсивные трансформации во всех сферах общественной жизни, с одной стороны, и процессы изменения миропорядка, с другой, все более актуализируют дискурс целенаправленной политики развития с целью адаптации к меняющейся внутренней и внешней среде. В этом контексте в различных странах все чаще и чаще говорят о необходимости конституционных преобразований, что естественно, ибо именно в Конституции постулируются основные принципы, идеалы и цели развития конкретного государства и общества. В то же время вокруг данной проблемы разворачиваются жесткие дискуссии. Сторонники «правового идеализма», по существу, догматизируют (сакрализируют) наличные положения Конституции, тем самым, игнорируют контекст изменяющихся вызовов реального развития. В другую крайность впадают сторонники жесткого конструктивизма, считая, что через изменения постулатов Конституции можно искусственно трансформировать общество. В данном случае, зачастую, дискурс конституционных преобразований становится средством легитимизации собственной политики. Наиболее адекватна позиция политического реализма, где четко осмысливается значение Конституции не только как правового, но и политико-идеологического документа, ее восприятие как выражения политической воли общества и элит, ее рассмотрение как идеологического консенсуса вокруг основных ценностей и идеалов развития, которые не есть догмы, а могут меняться в ходе исторического развития.

Дискурс конституционных преобразований активно разворачивается на постсоветском пространстве. Но реальная детерминация необходимости этих преобразований в разных странах постсоветского пространства различна. Она напрямую связана с конкретными вызовами развития государства, в первую очередь, нациестроительства, поэтому политику конституционных преобразований можно рассмотреть также в контексте общей разворачиваемой государственной политики идентичности. Так в Российской Федерации дискурс конституционных преобразований напрямую связан с противопоставлением себя «коллективному Западу» и выдвижением концепта «государство-цивилизация». Соответственно, в других постсоветских государствах необходимость конституционных преобразований имеет свою конкретную детерминацию. В данной статье мы попытаемся представить дискурс конституционных преобразований в Республике Армения, активно разворачиваемый властными элитами в последние годы, и проанализировать его детерминацию.

Развертывание дискурса конституционных преобразований в Армении связано как с внутривластным кризисом, так и с внешнеполитическими процессами. Предлагаемые конституционные преобразования отражают не только публично-правовые потребности армянского государства, но и вопросы политических изменений, легитимации власти и идеологические трансформации. Особое место в данном дискурсе уделяется высказываниям премьер-министра Никола Пашиняна, которые за последние семь лет претерпели значительные изменения. В риторике официальных лиц (как армянских, так и иностранных) Конституция и Декларация предстают не просто как статичные документы, но и как механизмы переосмысления идентичности и других основ государственности. В связи с этим подобная риторика вызывает особый интерес для анализа армянской действительности.

Методология

Анализ в рамках данной статьи проводится на основе корпусной выборки публичных высказываний о Конституции и Декларации независимости Республики Армения политических деятелей в период с 2018 года по 2025 год. Сбор и систематизация высказываний направлены на выявление этапности и закономерностей в публичной риторике, а также на анализ трансформации нарративов и дискурсивных стратегий, используемых для легитимации власти и обоснования практического концепта «Реальной Армении».

Важным пунктом исследования риторики будет как выделение, так и интерпретация дискурсивных стратегий, которые представляют собой целенаправленные практики и тактики для достижений различных политических, социальных, психологических и других целей [1]. Используя различные стратегии, властные группы управляют знанием и информацией, выстраивают доминирующую идеологию в обществе и владеют символическим контролем над «умами людей» [2]. Как отмечает исследователь дискурса Ван Дейк, дискурс контролирует не просто социальные практики, но и сознание людей. В рамках его социо-когнитивного подхода через дискурс формируются властные отношения контроля и подчинения, закрепляются и легитимизируются различные формы неравенства. Дискурс вбирает в себя идеологические основы, которые в обществе различным образом репрезентуются. Важнейшей ментальной репрезентацией в политическом дискурсе является поляризация («мы» и «они») [3], в которой политик и его группа представляются в положительном ключе, а другие группы – в негативном. Через язык и СМИ политические деятели различными дискурсивными стратегиями формируют убеждения и ценности людей, манипулируют общественным сознанием, поддерживают и легитимизируют свою власть. В связи с этим, анализ дискурса представляет собой не просто анализ текста, но и контекста.

Сторонник крестического дискурс-анализа Н. Фэркло рассматривает дискурс как социальную практику и включает в себя трехмерную модель анализа: «текст (языковая единица: устная или письменная), дискурсивная практика (производство и интерпретация текста) и социокультурная практика» [4]. Использование языка [language use] как социальная практика – это форма действия, которая предполагает определенный социально-исторический контекст. Оно влияет на общество посредством дискурса и конструирует «социальные идентичности, социальные отношения и системы знаний и убеждений» [5]. Как отмечает сам автор: «язык формируется обществом, но также формирует общество». Также в одной из своих статей Н. Фэркло отмечает, что дискурс проявляется в социальных практиках через конструирование идентичности [6]. Взаимоотношения дискурса и власти были описаны также французским философом М. Фуко, который рассматривал дискурс не просто как средство коммуникации, а как механизм формирования и контроля знания, истины и социальной действительности. Власть и дискурс – это два взаимосвязанных явления, именно с помощью дискурса власть реализуется и «производит знание, производит истину, производит субъекта» [7].

Основная часть

После смены государственной власти 2018 года, на фоне пандемии Ковида, поствоенной нестабильности и кризиса идентичности в политическом дискурсе Армении вопрос конституционных изменений стал занимать значительное положение. Особенно в последнее время данная тема привлекает внимание со стороны различных акторов, которые по-разному интерпретируют подобные высказывания в своих целях. В общественном дискурсе формируется два нарратива: 1) властный – изменение Конституции является необходимым и запланированным шагом; 2) оппозиционный – изменение Конституции лишь вынужденная реакция на давление Азербайджана. Однако такое рассмотрение риторики лишено системности и комплексного осмысления. В рамках исследования политического дискурса необходимо проследить дискурсивную эволюцию, выявить закономерности, этапы и нарративы, возникшие за тот или иной период.

Для начала стоит отметить, что вопрос конституционных изменений был введен в политический дискурс с 2018 года, изменяясь в соответствии с политической ситуацией. Учитывая, что дискурс является одним из важнейших механизмов в формировании идентичности, важно проследить его динамику и определить причины, влияющие на подобную трансформацию. Систематизируя и анализируя риторику официальных лиц с 2018 года, конституционный дискурс условно можно представить в виде следующей таблицы:

ПЕРИОД ГОД	ЭТАП	ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА	КОНТЕКСТ
2018–2021	«Демократизация политической сферы»	Пересмотр Конституции необходим для ее легитимизации, баланса ветвей власти, выбора формы правления, новая Конституция своей легитимностью восстановит «органическую связь» между гражданином и государством.	Делегитимизация предыдущих режимов, адаптация нового режима
2021	Выбор удобной формы правления	Выбор между формами правления, рассмотрение противоположных вариантов (полупремьерская, парламентская) как возможных, указание на то, что современная государственная система устарела и была сформирована для определенных политических сил, утверждение необходимости пересмотра формы правления и выбора лучшего варианта, в связи с чем обосновывается необходимость новой Конституции.	Политический кризис, связанный с поствоенной турбулентностью, в частности требование Генерального штаба отставки премьер-министра, изменения Конституции связаны не с потребностями общества, а с интересами властных групп
2022	Сохранение и легитимизация системы	Конституция определяется, как механизм обеспечения демократического режима страны, происходит попытка рационализации и легитимизации решений, начинается формироваться дискурс пересмотра идентичности, Конституция наделяется созидательной функцией, основной закон страны описывается как «стержень государственного устройства», помогающий избежать кризисных ситуаций и позволяющий утвердить форму правления, и демократический режим в Армении.	Внеочередные выборы, усиливающаяся поляризация общества, углубление поствоенного кризиса, обособление Арцаха от РА в риторике, усиливающаяся критика действующей власти как оппозицией, так и народом

ПЕРИОД ГОД	ЭТАП	ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА	КОНТЕКСТ
2023	Идеологическая и историческая ре-визия	Символическое перераспределение смыслов, противопоставление Конституции как правового механизма стабильного будущего и Декларации Независимости как пережитка прошлого, потребность в новых идеологических смыслах, так как сакрализованная и историческая интерпретация устарела и не отвечает современным вызовам. Изменения должны носить не просто формальный характер перераспределения полномочий, а аксиологическую трансформацию Конституции и мифологем, укоренившихся в армянском обществе.	Потеря Арцаха, новый виток внутривнутриполитического кризиса, протесты и митинги, увеличивающееся давление Азербайджана
2024	«Реальная Армения»	Необходимость новой гибкой Конституции сопровождается нарративом о гражданах как сознательных авторах основного закона страны, происходит рационализация вынужденности в связи с геополитическими реалиями, в современной геополитической обстановке от Армении требуется кардинальное изменение как в юридическом, так и аксиологическом смысле, поэтому обозначается необходимость в новых опорах, позволяющих Армении концентрироваться на настоящем и будущем, а не на прошлом, при этом отмечается, что требования Азербайджана не имеют отношения к изменениям.	Рост напряженности и усилившаяся поляризация общества, эскалация дискурсивного конфликта со стороны Азербайджана, многогранное давление (не только по вопросам Конституции, но и герба, символов, условиях мира и т.д.), последствия утраты контроля над Арцахом. Хотя требования Азербайджана не относятся к изменениям, порой это представляется как предусловие мирного сосуществования.

ПЕРИОД ГОД	ЭТАП	ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА	КОНТЕКСТ
2025	Подготовка текста новой Конституции и развитие модели «Реальной Армении»	Более практический характер пересмотра Конституции: подготовка текста новой Конституции, (планируется представить к парламентским выборам 2026 года), продолжается обсуждение формирования новой гражданско-государственной идентичности, основанной на концепции «Реальная Армения», что вызывает неоднозначную реакцию в обществе. Подчеркивается именно внутренняя необходимость пересмотра Конституции, опора на принятое решение Конституционного суда, мирный договор необходим Армении. Пересмотр Конституции является стратегически запланированным решением.	Сохраняющаяся напряжённость и поляризации общества, эскалация дискурсивного давления со стороны Азербайджана по вопросам как Конституции и Декларации, так и по вопросам символики, герба, условий мирного договора.

С 2018 года изменения Конституции связывались с новой парламентской формой правления и обсуждением полномочий в рамках подобной системы, получившей название «суперпремьерская система». Отметим, что в первый этап (2018–2021 гг.) конституционные изменения упоминались не чаще 1–2 раз в год. При этом, подобные высказывания не привлекли существенного внимания со стороны широких масс и средств массовой информации. Центральное место в риторике заняла обновленная форма правления, которую премьер-министр назвал *«сшитым на Сержа Саргсяна костюмом»*, отображающий институциональный дисбаланс и угрозу узурпации власти. В высказываниях 2018 года можно выделять ряд дискурсивных стратегий, которые были направлены на формирование определенного общественного восприятия. Уже описанная выше стратегия Ван Дейка, в которой формируется дихотомия действующей власти и оппозиции: Конституция предстает нормативно-правым актом одной персоны, инструментом удержания власти авторитарным руководителем.

Позже, в контексте кризиса 2019 года, связанного с Конституционным судом, Никол Пашинян отмечал, что в Армении *«никогда не было получившей легитимного голоса Конституции»* [8], однако новой парламентской системе надо дать шанс, к тому же, инициирование новым парламентом и правитель-

ством конституционных изменений могло бы интерпретироваться как желание новых властей переписать Конституцию под себя. При этом Никол Пашинян отметил, что *«для общественности нормально иметь такие инициативы. Важно, чтобы в Армении была Конституция, за которую люди действительно проголосовали»* [9]. В это время формируется новый нарратив, который ставит под сомнение легитимность Конституции. Разрешение данного вопроса и кризиса, связанного с Конституционным судом, представлялось возможным с помощью внесения поправок в Конституцию.

В 2020 году было проведено заседание специализированной комиссии по конституционным реформам, на котором Никол Пашинян высказал идею о том, что *«необходимо не только предпринять конституционные изменения, но и нужно принять де-юре новую Конституцию»* [10], а это, в свою очередь связано не с политическим запросом, а с государственной необходимостью, так как *«органическая связь»* между государственным строем и волей гражданина отсутствует. Согласно его высказыванию, в рамках Третьей республики есть *«концептуальная, философская и содержательная проблема»*, связанная с Конституцией, так как гражданин РА всегда был оторван от участия в формировании государственного строя, написания и принятия Основного закона страны. В этот период дискурс приобретает окрас рационализации: принятие новой Конституции должно произойти из-за государственной необходимости, а не из-за политической целесообразности: *«новая Конституция должна создаваться не по вкусу и нраву конкретного человека, отдельных лиц, политических сил или групп»* [11]. Никол Пашинян рационализирует через апеллирование к народной воле (*«гражданин РА должен считать Конституцию своей; решение о принятии или изменении Конституции гражданами Армении не считали своим; [Конституция] должна решать стратегический вопрос выражения воли граждан иметь ... государство»*) [12] и анализ фундаментальных причин проблемной ситуации. Например, *«концептуальной, философской и содержательной»* проблемой, по его мнению, является отсутствие такой Конституции, в которой бы гражданин считал себя участником формирования текста [Конституции] и государственного строя. Позже, поздравляя граждан с днем Конституцией, премьер-министр продолжил линию данной мысли, отметив, что *«по свободному волеизъявлению народа новая Конституция будет принята на референдуме в 2021 году»* [13].

В начале 2021 года на фоне политического кризиса, в рамках которого Генеральный штаб ВС РА потребовал отставки правительства и премьер-министра, вновь поднимается вопрос изменений в Конституции, в частности, связанных с формой правления. Тогда премьер-министр заявил, что *«переход к полупрезидентской системе правления должен быть одним из возможных вариантов»* [14] для преодоления рисков.

На государственном уровне данный вопрос несколько раз поднимался и обсуждался, но каждый раз мнение высказывалось отличное от предыдущего. Так, в 2020 году на пресс-конференции в Капане Никол Пашинян отметил, что государственная система Третьей Республики Армения оказалась несостоятельной (провалившейся) на протяжении всей истории, а на предложение о восстановлении полупрезидентской системы он отметил ряд минусов подобной системы и исключил подобный вариант, так как *«у нас не должно быть ничего наполовину: либо у нас должна быть полная парламентская система, либо полная президентская система правления»* [15]. А уже к концу 2021 года премьер-министр заявил, что *«что парламентская система правления не должна меняться»* [16], так, благодаря этой форме правления удалось преодолеть существовавший политический кризис посредством демократических выборов и вернуть мандат народу, что, по его мнению, было высоко оценено на международном уровне. Также к концу года был инициирован процесс формирования Совета по конституционным реформам. Если рассматривать высказывания без контекста, оно кажется противоречивым на фоне предыдущих одобрительных высказываний относительно парламентской формы правления. Однако в условиях кризиса подобная дискурсивная стратегия может свидетельствовать о попытке сохранения субъектности и контроля над ситуацией. Учитывая динамичный характер легитимности, *«особенно в контексте спорных действий, обвинений, сомнений, критики и конфликтов»* [17] легитимация предстает как дискурсивная практика различных стратегий. Несмотря на внешнюю несистемность и противоречивость высказываний, сущностно подобная риторика является ситуативным подтверждением легитимности в условиях поствоенного кризиса, давления со стороны Генерального штаба и общественного раскола.

В дальнейшем в политическом дискурсе не обсуждались изменения формы правления, наоборот, закреплялась идея о правильности парламентской системы, например, в 2022 году Совет по конституционным реформам *«проголосовал за сохранение парламентской формы правления и улучшение парламентской модели правления»* [18], или же в 2024 году Никол Пашинян отметил, что, учитывая стремления Армении к демократии, самой удобной моделью правления является парламентская [19]. Подобная несистемность усложняет понимание политического вектора действий, так как высказывания, по существу, зависят от политической обстановки в стране, а не следуют из концептуальных установок.

В 2022 году внимание к Конституции было приковано в связи с празднованием Дня гражданина и Дня Конституции. Выступая с речью перед членами ученического совета при министре образования, науки, культуры и спорта, в честь Дня гражданина Никол Пашинян коснулся вопросов, связан-

ных с политико-правовыми основами, формирующими идентичность и общественные взаимоотношения. Им предлагалось рассмотреть интерпретацию армянского народа следующих понятий: «родина», «страна», «государство», «человек», «гражданин», «нация», «права», «обязанности», «законность», и, как сказал премьер, только при *«правильном позиционировании себя относительно этих понятий, мы [граждане Армении] добьемся успеха»* [20]. Основная мысль выступления заключалась в том, что гражданин является важнейшим институтом наряду с правом, законностью и судебной системой, именно в руках граждан находится власть, которую они в рамках демократии могут отправлять и решать, какая интерпретация и позиция политических представителей верная. Конституция в этом случае является не простым нормативно-правовым актом, а гражданско-государственной основой артикуляции коллективной идентичности. Происходит смещение понимания нации от культурно-этнической модели к гражданство-государственной модели через призму конструктивистского подхода. Как отмечает сам премьер-министр, слово «народ» исключено из перечня, так как представляет собой не этническую группу армян, а совокупность граждан Армении, что свойственно конструктивистской модели нации, идентичность которой формируется на основе прав и обязанностей. Демократия в речах предстает как режим, позволяющий правильно позиционировать себя и выбирать национальные смыслы, ведь *«политика по большому счету именно об этом»* [21].

По случаю Дня Конституции было опубликовано поздравительное послание премьер-министра, в котором акцент делается на демократических ценностях и функционирующей правовой системе. В рамках существующего дискурса об изменении Конституции, Никол Пашинян отмечает, что *«Конституция нуждается в постоянном развитии»* [22]: для этого даже созданы Совет и Профессиональная комиссия по конституционным реформам, но Армения должна сохранить парламентскую систему, так как с точки зрения демократических основ современной Армении данная система обладает более эффективными механизмами разрешения проблем и возможностью вовлечения народа в политическое управление.

Стоит отметить, что с 2022 года наблюдается публичная ценностная ревизия со стороны государственных представителей, которые начинают формировать новый дискурс и нарративы, уделяя особое внимание вопросам государственности. Так, премьер-министр на день Первой Республики отметил, что *«государство, государственность должны стать предметом нашей ежедневной работы»* [23]. А уже к Дню Независимости Третьей Республики в своем праздничном послании осветил тему взаимосвязи Независимости государства и ответственности граждан. РА строилась гражданами, которые взвали на свои плечи Независимость, и несли ее, несмотря на экономические,

социальные и экзистенциальные проблемы. Референдум – это просто политический акт, это – процесс, в котором *«субъект становится Гражданином, Родина становится Государством, девизом становится Ответственность»* [24], и граждане сказали свое «да» независимости, суверенитету и демократии Республике Армения, территория которой составляет 29 тысяч 800 квадратных километров. Подобное заявление было негативно воспринято частью армянского народа, поскольку подобный дискурс отделяет Арцах от Армении как в территориальном, так и политическом аспекте.

В 2023 году в подобных поздравительных посланиях премьер-министр призывал граждан читать Конституцию, а президент страны отмечал, что Конституция содержит в себе основополагающие положения и принципы государственности. Важнейшей задачей граждан является защита основного закона страны [25]. Однако уже в августе, по случаю 33-летия принятия Декларации о независимости, премьер-министр обозначил необходимость критического анализа ее текста, хотя она и закладывала основу нашей государственности. С этого времени можно говорить о внесении в общественный дискурс идею о ценностном пересмотре Конституции как основного идеологического документа страны. Если же раньше, по мнению государственных представителей, Конституция требовала пересмотра из-за формы правления или отсутствия легитимности в связи с недемократическими процессами в Армении, теперь же сама проблема заключается в аксиологических и смысловых категориях Конституции РА.

Поствоенный период способствовал аксиологическому пересмотру Декларации: если раньше она воспринималась как *«библейское послание»*, то теперь более очевидно прослеживается конфронтационное содержание, которое мешает Армении избавиться от *«призрака СССР»*. Премьер-министр подчеркнул, что Декларация независимости содержит в себе формулу, которая в начале XX века уже привела Армению к потере независимости [26]. Он транслирует следующую мысль: мир необходим для обеспечения независимости в контексте региональной среды Армении, поэтому следует рассмотреть пройденный страной путь и уйти от состояния постоянных конфликтов с соседями.

В этот период можно проследить новые дискурсивные стратегии, через которые премьер-министр реконструирует прошлое и предстает перед народом как рациональный и прагматический государственный деятель. Никол Пашинян переосмысливает и переоценивает государственные основы РА, сменяя сакрализацию устоявшихся мифов на политико-конструктивистский анализ реальности: *«декларация, каким бы фундаментальным документом она ни была, нуждалась и нуждается в глубоком анализе, потому что, тем не менее, это – политический документ со всеми вытекающими отсюда последствиями»* [27]. Он проводит исторические параллели ошибок, демонстрируя, что кон-

текст и дискурс, выстраиваемые вокруг идеи независимости, были неверными. Подобная реконтекстуализация – как придание нового контекста существующим явлениям – позволяет делегитимизировать прошлое, размывая устоявшиеся символические конструкты, и, тем самым, расширяет пространство для нового и альтернативного вектора развития Армении. Повестка мира становится новой повесткой независимости, что свидетельствует о выборе нового прагматичного и рационального подхода при альтернативной интерпретации исторического прошлого пути.

Пик осуждения Конституции РА пришелся на 2024 год, когда азербайджанская и армянская сторона попеременно затрагивали данный вопрос в публичном пространстве. В данный период в публичном дискурсе происходит политическая и символическая борьба между Арменией и Азербайджаном. Также углубляется внутренняя трансформация армянской идентичности, основы которой смещаются к гражданскому полюсу, формируя модель «Реальной Армении». Важно здесь будет отметить, что в 2024 году частота высказываний увеличивается в 4–5 раза, конституционные изменения обсуждаются в публичном дискурсе как минимум раз в месяц.

С февраля месяца азербайджанская сторона развивает нарратив о необходимости внесения изменений в Конституцию РА в связи с закреплением в ней притязаний на территориальную целостность. Так, в феврале Ильхам Алиев выдвинул ультимативное требование: *«Если Армения положит конец территориальным притязаниям к Азербайджану и внесет изменения в Конституцию и другие нормативно-правовые документы, то можно будет достичь мира»* [28]. Данная позиция впоследствии неоднократно озвучивалась представителями Азербайджана в публичных заявлениях. Например, во время своей инаугурации президент Азербайджана вновь подчеркнул эту мысль, отметив, что мира не будет, пока Армения *«не приведет свое законодательство в нормальное состояние»* [29].

В марте председатель Совета старейшин Организации тюркских государств и бывший премьер-министр Турции заявил, что необходимо изменить некоторые положения Конституции Армении и исправить герб Армении, на котором изображена гора Арарат [30]. В конце апреля президент Азербайджана высказывает идею о мифологической Армении, делая акцент на изменении Конституции и отмечает, что это не проявление грубости в отношении соседнего государства, а предварительное условие во взаимоотношениях стран. Также он добавил, что Армении следует поменять национальный символ и вместо горы Арарат выбрать любую гору страны. В июне на встрече Парламентской ассамблеи тюркских государств Ильхам Алиев обсуждает данный вопрос и акцентирует внимание, что Баку вовсе не вмешивается во внутренние дела Еревана, но невозможно заключить мирное соглашение при

наличии территориальных претензий у Армении, в то время как у Азербайджана *«нет территориальных претензий ни к одной стране»* [31].

На фоне дипломатического давления армянская власть продолжает развивать нарратив о необходимости конституционных изменений. Так, в феврале Никол Пашинян выделил три основных положения Декларации: историческая справедливость, чаяния армянского народа, решение Национального совета Нагорного Карабаха и Верховного Совета Армении о воссоединении [32]. Критически оценивая отношения с Декларацией, он приходит к выводу, что следование данным положениям является политическим выбором, который не способен обеспечить безопасность и мир. Премьер-министр отметил, что армянский народ обретет статус государственного, когда проведет конституционный референдум и в условиях честности и законности примет решение по своей собственной воле, а не под давлением властных элит [33]. Министр иностранных дел Армении Арарат Мирзоян подтвердил, что в вопросе урегулирования межгосударственных отношений есть юридические вопросы, которые стороны сочли проблематичными [34].

По случаю 34-й годовщины (23 августа) принятия Декларации независимости Армении в послании премьер-министра делается акцент на том, что содержание Декларации и Конституции не является идентичным, подтверждая это различиями в подчинении вооруженных сил и правоохранительных органов. При этом он отмечает, что представления граждан Армении изменились, став более глубокими, что позволяет сегодня вступить в новые измерения государственности и гражданственности [35]. А 27 августа на встрече министров иностранных дел Турции и Азербайджана Хакана Фидана и Джейхуна Байрамова обсуждался процесс нормализации взаимоотношений между Азербайджаном и Арменией. Азербайджанский министр еще раз отметил, что Конституционные положения РА содержат в себе территориальные претензии [36]. 28 августа, отвечая на вопросы журналистов, министр юстиции Григор Минасян заявил, что в 2027 году планируется проведение Конституционного референдума. При этом он отметил, что на рабочих встречах не обсуждался вопрос изъятия ссылки на Декларацию о независимости [37]. А 30 августа на встрече межпарламентской группы дружбы Азербайджан-Турция Ильхам Алиев обвинил Армению в затягивании процесса подписания мирного договора и вновь озвучил требования для его подписания [38].

После подобных высказываний азербайджанской стороны Никол Пашинян публично дал ответ, заявив, что в рамках мирного договора стороны согласовали положение о невозможности ссылаться на свое внутреннее законодательство, так как это нивелирует риск невыполнения положений договора. К тому же, он отметил, что *«в конституции Азербайджана есть территориальные претензии к Армении»* [39], при этом армянская сторона не требует изменения Конституции АР.

Уже 26 сентября 2024 года Конституционный суд Армении опубликовал решение РКС-1749, согласно которому положения Декларации не отображают принципы и цели, указанные вне Конституции [40]. Получается, что Декларация становится просто «историческим документом», который не имеет особой юридической силы, поэтому устраняется необходимость проверять нормативно-правовые акты на соответствие положений Декларации.

4 октября МИД Армении, комментируя решение КС, заявляет о том, что Армения не имеет никаких территориальных претензий ни к одному из соседей, а закупка вооружения и техники является правом на самооборону, что значительно уступает объемам вооружения Азербайджана. К тому же, решение КС подтвердило детальность демаркационных комиссий Армении и Азербайджана, что вводить совместную деятельность в поле легальности [41]. Уже 5 октября азербайджанская сторона реагирует на это заявление несколькими публичными заявлениями. Начальник управления пресс-службы Министерства иностранных дел Айхан Гаджизаде отметил, что пока Армения не изменит свою Конституцию и не откажется от всех политико-правовых претензий к Азербайджану, признание Арменией территориальной целостности Азербайджана не имеет под собой правовой основы [42]. Он также отметил, что Ереван игнорирует все эти проблемы, что свидетельствует о незаинтересованности в мире и нормализации отношений. Так, Армения должна своими реальными шагами демонстрировать уважение к нормам и принципам международного права. Эти же мысли высказал представитель президента Азербайджана по особым поручениям Эльчин Амирбеков, отметив, что Армения игнорирует *«фундаментальную причину десятилетий конфронтации»* и что она *«должна срочно решить вопрос с очевидной территориальной претензией»* [43].

При этом армянская сторона пытается развести конституционный дискурс и взаимоотношения с Азербайджаном: процесс армяно-азербайджанского урегулирования является причиной изменения Конституции, было бы преувеличением [44]. Азербайджанская сторона, в свою очередь, не разделяет подобную позицию и продолжает стратегию юридического давления, используя механизм ультиматума: мир невозможен, пока в Конституции РА и Декларация Независимости содержатся, по их мнению, территориальные претензии к Азербайджану. Подобная стратегия позволяет Баку дискредитировать и делегитимизировать Армению на внешней арене, обосновывая давление и угрозы.

Рассматривая данные положения, можно выделить ряд основных дискурсивных стратегий. Конституция в армянской риторике выступает элементом адаптации к геополитическим вызовам и угрозам, раз за разом подчеркивается, что политической и общественной системе требуется гибкость и устойчивость: *«глобальный мир меняется... жизнеспособными будут те страны,*

которые имеют способность меняться... имеют силу меняться. Я, вы, мы все вместе, долгое время размышляли аксиомами... это лишило нас необходимой гибкости; Конституция – это не декларация одноразового закрепления, а гибкий и содержательный инструмент». Так, армянское государство для субъектности и выживаемости должно выстроить устойчивую систему, способную выстоять перед угрозами внешнего мира. Для этого используется стратегия рационализации, через которую обществу разъясняется необходимость и разумность конституционных изменений. Так, в высказываниях премьер-министра новая Конституция поможет РА стать более конкурентоспособной и жизнеспособной, предотвратить конфликт, что не является капитуляцией, а разумным и прагматичным подходом к реальности. Никол Пашинян противопоставляет привычную культурно-историческую идентичность армянина качественно новой гражданско-государственной идентичности, ядром которой является волеизъявление гражданина РА: «в какой момент мы переходим от негосударственного народа в государственный народ? Этот момент – конституционный референдум, когда человек по своей воле, без принуждения, без фальсификаций, без манипуляций идет и фиксирует договоренность» [45]. Он выстраивает новую парадигму восприятия идентичности, которая опирается на новую формулу мышления – независимость, государственность, гражданство [46].

Казалось бы, подобные установки так необходимы для армянского общества, которое долгие годы находится в кризисе идентичности, но предложенные идеи не могут быть рассмотрены вне социально-психологического контекста армянского народа. Отказ от старой и исторически укоренившейся идентичности, от Арарата, Арцаха и идеи «Миацума», не воспринимается, ибо общество еще не успело произвести символическую «переработку» страдания и боли, поэтому конституционные изменения не выглядят как исцеление, а, наоборот, еще больше усиливают разрыв между народом и устоявшимися основами его самовосприятия. Как отмечает Хобсбаум, во время трудностей и страданий, когда теряются опоры и ориентиры, реакцией на подобный кризис является желание принадлежать и относиться, что является «симптомом болезни» [47]. Пока стадия симптома не прошла, этнические и культурные символы являются для общества формой коллективного самосохранения, боль и травма встроены в коллективный опыт армянской нации. В этом случае любая попытка рационального и прагматичного пересмотра идентичности сама по себе выглядит как угроза и нападение на коллективную память. Две идентификационные модели в общественном дискурсе поляризовали общество, сформировав дихотомию «Историческая Армения» и «Реальная Армения» как в политическом, так и экзистенциальном смысле. В рамках данной политической конъюнктуры, учитывая потерю Арцаха, все попытки обоснования необходимости изменений стали восприниматься как

уступки Азербайджану ценой собственной истории и идентичности, а не как целенаправленная деятельность армянской стороны по осмыслению основополагающих аспектов государственности. Однако без «проживания» боли и интеграции ее в новый нарратив (а не просто отказ), любые изменения и реформы будут отторгнуты обществом, находящемся в состоянии серьезного внутреннего кризиса. Если и дальше использовать конструктивистскую модель, стоит вспомнить о том, что пустые емкости национализма наполняются принципом этнической принадлежности [48], поэтому без учета культурно-символических особенностей армянского народа «Реальная Армения» останется пустым каркасом гражданской нации.

В 2025 году продолжается похожая на 2024 год динамика: Азербайджан и Армения в привычном духе делают попеременно заявления, с частотой 1–2 раза в месяц. Азербайджанская сторона продолжает связывать мирный процесс с Конституцией Армении: *«без этого [изменения в Конституции] мирный договор невозможен [49]; территориальные претензии, сохраняющиеся в Конституции Армении, остаются основным препятствием этого [мирного] процесса (МИД Азербайджана [50]); изменение Конституции Армении является неперенным условием [мирного процесса]»* [51] и т.д. Армянская сторона, занимая оборонительную, акцентирует внимание на конституционных изменениях как необходимых для самой страны, а не вынужденной мерой, тем более что мирное соглашение включает в себе нормы, регулирующие взаимоотношения с Азербайджаном: опора на Алма-Атинская декларацию, на решение Конституционного суда РА, взаимное признание территориальной целостности и суверенитета, отсутствие возможности ссылаться на внутреннее законодательство. Конституционные изменения связываются с идеологически обоснованной стратегией Реальной Армении, такая трансформация представляется более обоснованной, чем просто реакция на внешнее давление.

Продолжается дискурс формирования новой гражданско-государственной модели идентичности, с представлением идеологических положений «Реальной Армении»: родина – это государство; армянский народ является государствообразующей частью армянской нации. При использовании конструктивистского подхода, происходит трактовка, противоречащая концептам классического конструктивизма: *«нация становится народом через государство; нация – это этническая общность, не связанная общей политической правоспособностью, а народ – это общность, наделенная политической правоспособностью, имеющая общее гражданство»* [52]. При выстраивании государственной модели нации вводятся новые и внутренне противоречащие подходы: переход от «этнической нации» к «государственному народу».

Заключение

Таким образом, развертываемый в Армении дискурс конституционных преобразований, на первый взгляд, есть составляющая особой политики «модернизации» армянской государственности в целом, и национальной идентичности, в частности. Необходимость этих преобразований аргументируется вызовами развития армянской государственности в условиях интенсивных трансформаций миропорядка и процессом формирования на основе этнокультурной модели нации гражданского сообщества Республики Армения. Но, как показал наш анализ, речь скорее идет не о реализации стратегического проекта развития, а о тактическом лавировании в контексте сиюминутных внутривнутриполитических вызовов и внешнего давления со стороны Азербайджана и Турции. Между тем, конституционные преобразования могут быть эффективными только в контексте целенаправленной политики нациестроительства, что предполагает стратегические проекты политики идентичности, политики памяти и символической политики, а также конкретную внешнеполитическую доктрину. В условиях отсутствия подобных стратегических документов/проектов, на достаточно низком уровне развития политико-правовой культуры общества и фактической гражданской безграмотности конституционные преобразования, в частности, и проекты «модернизации», в целом, порождают серьезные риски и угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reisigl M., Wodak R.* The discourse-historical approach (DHA) // Wodak R., Meyer M. (eds.). *Methods for Critical Discourse Analysis*. 2nd ed. London: SAGE Publications, 2009.
2. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: «ЛИБРОКОМ», 2013.
3. Там же.
4. *Fairclough N.* *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995.
5. Там же.
6. *Fairclough, N.* The dialectics of discourse. [Эл.ресурс] / N. Fairclough, 1996. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=75300d06ee03ce14b7-5007de6d256e2d58ee5279>
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: «Ад Маргинем», 1999. 356с.
8. Премьер-министр не исключает изменение Конституции в контексте решения кризиса вокруг КС // “Armenpress”, 2019. 22 авг. URL: <https://armenpress.am/rus/news/981-997.html>.
9. Там же.
10. «Гражданин РА должен считать Конституцию своей» – премьер // «Радио Азатутюн». 2020. 15 июня. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/30672178.html>.
11. *Пашинян Н.* Поздравительное послание по случаю Дня Конституции (5 июля 2020г.) // Сайт премьер-министра Республики Армения. 05.07.2020. URL: primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2020/07/05/Nikol-Pashinyan-message/.

12. Пашинян Н. «Гражданин РА должен считать Конституцию своей» – премьер-министр Армении. Радио Свобода. Azatutyun.am, 15 июня 2020. URL: <https://rus.azatutyun.am/-a/30672178.html>.
13. Пашинян Н.В. Поздравительное послание по случаю Дня Конституции [Эл. ресурс] // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 05.07.2020. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2020/07/05/Nikol-Pashinyan-message/>.
14. Переход к полупрезидентской системе правления должен быть одним из возможных вариантов: Пашинян [Эл. ресурс] // «Арменпресс», 01.03.2021. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1044850>.
15. 2020 թվականի հունվարին Նիկոլ Փաշինյանը կիսանախագահական կառավարման համակարգը ձախողվածներից մեկ էր համարել // в оригинале на арм. языке] // «Ժողովուրդ». 02.03.2021.
16. Пашинян: Парламентская система правления в Армении не должна меняться // News.am. 24.12.2021. URL: <https://news.am/rus/news/679265.html>.
17. Rojo L. van Dijk T. “There was a problem, and it was solved!”: Legitimizing the Expulsion of “Illegal” Migrants in Spanish Parliamentary Discourse // “Discourse & Society”. 1997. Vol. 8 (4). PP. 523–566.
18. Совет по реформе Конституции проголосовал в пользу сохранения парламентской формы правления // “Armenia Today”, 30.11.2022. URL: <https://armeniatoday.news/law-ru/556279/>
19. Пашинян заявил о необходимости принятия новой Конституции // “Armenia Today”, 01.03.2021. URL: <https://armeniatoday.news/politics-ru/internal-policy/703521/>
20. Мы отмечаем День гражданина в ознаменование того, что в Армении источником власти и де-юре, и де-факто является народ: премьер-министр // Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения. 30.04.2022. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2022/04/30/Nikol-Pashinyan-meeting/>.
21. Там же.
22. Власть в Армении принадлежит народу – эта цель уже достигнута: Никол Пашинян направил обращение по случаю Дня Конституции // “1Lurer”, 05.07.2022. URL: <http://surl.li/ajvmtp>
23. Государственность должна стать предметом нашей ежедневной работы и уважения. Никол Пашинян // «Арменпресс», 28.05.2022. URL: <https://armenpress.am/ru/article/-1084471>.
24. «Да Независимости, Да Суверенитету, Да Республике Армения!» – поздравление Пашиняна с Днем Независимости // «Арменпресс», 21.09.2022. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1093038>.
25. Указами Президента Ваагна Хачатуряна присвоены высокие звания по случаю Дня Конституции // Официальный сайт Президента Республики Армения. 05.07.2023. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2023/07/05/President-Vahagn-Khachaturyan/>.
26. Поздравительное послание премьер-министра Никола Пашиняна по случаю 33-летия принятия Декларации о независимости Республики Армения // Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения. 23.08.2023. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/08/23/Nikol-Pashinyan-message/>.
27. Там же.

28. Ильхам Алиев выдвинул жёсткие требования по Конституции Армении // Москва-Баку. 01.02.2024. URL: https://moscow-baku.ru/news/society/ilkham_aliev_vydvinul_zhyestkie_trebovaniya_po_konstitutsii_armenii_1_fevralya/.
29. Президент: Если Армения не изменит свое законодательство, то мирного договора не будет // Report.az. 14.02.2024. URL: <https://report.az/ru/vnutrennyaya-politika/prezident-esli-armeniya-ne-izmenit-svoe-zakonodatelstvo-to-mirnogo-dogovora-ne-budet/>.
30. Коридор, конституция, Апарат: Турция и Азербайджан расширяют требования к Армении // EADaily. 15.03.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/03/15/koridor-konstituciya-ararat-turciya-i-azerbaydzhan-rasshiryayut-trebovaniya-k-armenii>.
31. Алиев заявил, что если Армения не изменит Конституцию, мирного договора не будет // Mediamax. 07.06.2024. URL: <https://mediamax.am/ru/news/region/54973/>.
32. Интервью премьер-министра Николы Пашиняна программе «Безопасная среда» Общественного радио Армении // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 01.02.2024. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/01/Nikol-Pashinyan-Interview-Armradio/>.
33. Ничто в мире уже не осталось в том виде, в каком было в условиях принятия действующей Конституции: премьер-министр // «Арменпресс», 07.02.2024. URL: <https://armenpress.am/rus/article/1129802>.
34. Мирзоян: Азербайджан видит проблему в Декларации независимости Армении // Новости Армения. 24.01.2024. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/mirzoyan-azerbaydzhan-vidit-problemu-v-deklaratsii-nezavisimosti-armenii/>.
35. Премьер-министр Никол Пашинян выступил с посланием по случаю 34-й годовщины принятия Декларации независимости Армении // Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения. 23.08.2024. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1198172>.
36. Фидан и Байрамов подтвердили общее желание как можно скорее установить прочный мир и стабильность на Южном Кавказе // 1lurer.am, 2024. 27 августа. Режим доступа: <http://surl.li/hfhwge>.
37. Минасян Г. Конституционный референдум в Армении планируется провести в 2027 году // Aysor.am. 2024. 29 августа. Режим доступа: <https://www.aysor.am/ru/news/2024/08/29>.
38. Ильхам Алиев. Армения не заинтересована в мирном соглашении с Азербайджаном и намеренно затягивает время // “Anadolu Agency”, 2024. 30 авг. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/ильхам-алиев-армения-не-заинтересована-в-мире-и-намеренно-затягивает-время/3316926>.
39. Пашинян: в отличие от Армении, конституция Азербайджана содержит территориальные претензии к Армении // “Armenpress”, 2024. 31 августа. Режим доступа: <https://armenpress.am/ru/article/1198730>.
40. Конституционный Суд Республики Армения. (2024). Решение РКС-1749 от 26 сентября 2024 года. Режим доступа: https://concourt.am/decision/decisions/66f6b9067b29c_-sdv-1749.pdf.
41. МИД Армении – Алиеву: Ереван не имеет агрессивных намерений по отношению к какому-либо соседу // Aysor.am. 2024. 4 окт. URL: https://www.aysor.am/ru/news/2024/10/04/МИД/2336543_.
42. Гаджизаде А. Миротворческие заявления Армении являются манипуляцией // 1news.az. 2024. 6 октября. Режим доступа: <https://1news.az/news/20241006100510222-Aikhan-Gadzhizade-Mirolyubivye-zayavleniya-Armenii-yavlyayutsya-manipulyatsiei>.

43. *Эльчин Амирбеков*: Армения должна решить вопрос территориальных претензий в её Конституции // Report.az. 14.11.2023. URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/el-chin-amirbekov-armeniya-dolzha-reshit-vopros-territorialnyh-pretenzij-v-ee-konstitucii>.
44. *Мирзоян А.* Было бы преувеличением считать процесс армяно-азербайджанского урегулирования поводом для изменения Конституции. Арменпресс, 23 января 2024. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1128714>.
45. *Пашинян Н.* Интервью программе «Безопасная среда», Общественное радио Армении. Интервью и пресс-конференции, сайт премьер-министра Республики Армения, 1 февраля 2024. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/01/Nikol-Pashinyan-Interview-Armradio/>.
46. Премьер-министр Никол Пашинян выступил с посланием по случаю 34-й годовщины принятия Декларации независимости Армении // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. 23.08.2024. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1198172>.
47. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. М.: «Праксис», 2002. 304с.
48. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе: сб. статей. Нации и национализм. М.: «Праксис», 2002.
49. *Алиев И.* Президент Азербайджана: «Упразднение Минской группы, изменение конституции – без этого мирный договор невозможен». АПА-аз.RU, 7 января 2025. URL: https://ru.apa.az/official-news/prezident-azerbaidzana-uprazhdenie-minskoi-gruppy-izmenenie-konstitucii-bez-etogo-mirnyi-dogovor-nevozmozen-599577?utm_source=chatgpt.com.
50. *Байрамов Д.* «В Баку считают, что сохраняющиеся в Конституции Армении территориальные претензии к Азербайджану являются главным препятствием в мирном процессе». ТАСС, 27 июня 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/212-19945>.
51. *Байрамов Дж.* Назвал главное препятствие для заключения мира с Арменией. Factor.am, 28 августа 2024. URL: <https://factor.am/ru/63057.html>.
52. *Пашинян Н.* Идеология Реальной Армении: премьер-министр Пашинян обратился к народу. «Арменпресс», 19 февраля 2025. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1212436>.

REFERENCES

1. *Reisigl M., Wodak R.* The discourse-historical approach (DHA) // Wodak R., Meyer M. (eds.). *Methods for Critical Discourse Analysis*. 2nd ed. London: SAGE Publications, 2009.
2. *Van Dijk T.A.* *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. M.: LIBROKOM, 2013.
3. *Ibid.*
4. *Fairclough N.* *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995.
5. *Ibid.*
6. *Fairclough, N.* The dialectics of discourse. [El. resource] / N. Fairclough, 1996. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=75300d06ee03ce14b75-007de6d256e2d58ee5279>.
7. *Foucault M.* To supervise and to punish. The birth of prison. Translated from French by N. Avtonomova. M.: “Ad Marginem”, 1999. 356p.
8. PM Pashinyan does not rule out Constitutional amendments for overcoming constitutional crisis // Armenpress. 2019. 22 Aug. URL: <https://armenpress.am/rus/news/981997.html>.
9. *Ibid.*

10. A citizen of the Republic of Armenia must consider the Constitution his own” – Prime Minister // Radio “Azatutyun”, 2020. June 15. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/30672178.html>
11. Pashinyan N. Congratulatory message on the occasion of Constitution Day (July 5, 2020) // Website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 05.07.2020. URL: primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2020/07/05/Nikol-Pashinyan-message/.
12. A citizen of the Republic of Armenia must consider the Constitution his own” – Prime Minister // Radio “Azatutyun”, 2020. June 15. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/30672178.html>.
13. Pashinyan N. Congratulatory message on the occasion of Constitution Day (July 5, 2020) // Website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 05.07.2020. URL: primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2020/07/05/Nikol-Pashinyan-message/.
14. The transition to a semi-presidential system of government should be one of the possible options: Pashinyan [El. resource] // “Armenpress”, 01.03.2021. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1044850>.
15. In January 2020, Nikol Pashinyan considered the semi-presidential system of government to be one of the failures // in the original in Armenian. language] // “Zhoghovurd”, 02.03.2021.
16. Pashinyan: The parliamentary system of government in Armenia should not change // News.am. 12/24/2021. URL: <https://news.am/rus/news/679265.html>.
17. Rojo L.M., van Dijk T.A. “There was a problem, and it was solved!”: Legitimizing the Expulsion of “Illegal” Migrants in Spanish Parliamentary Discourse // “Discourse & Society”, 1997. Vol. 8 (4). PP. 523–566.
18. The Constitutional Reform Council voted in favor of maintaining the parliamentary form of government // Armenia Today. 11/30/2022. URL: <https://armeniatoday.news/law-ru/556279/>.
19. Pashinyan announced the need to adopt a new Constitution // Armenia Today. 03/01/2021. URL: <https://armeniatoday.news/politics-ru/internal-policy/703521/>.
20. We celebrate Citizen's Day to commemorate the fact that in Armenia the source of power, both de jure and de facto, is the people: Prime Minister // Official website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 30.04.2022. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2022/04/30/Nikol-Pashinyan-meeting/>.
21. Ibid.
22. Power in Armenia belongs to the people – this goal has already been achieved: Nikol Pashinyan sent an address on the occasion of Constitution Day // 1Lurer. 05.07.2022. URL: <http://surl.li/ajvmtp>.
23. Statehood should become the subject of our daily work and respect. Nikol Pashinyan // “Armenpress”, 28.05.2022. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1084471>.
24. “Yes to Independence, Yes to Sovereignty, Yes to the Republic of Armenia!” – Pashinyan's congratulations on Independence Day // “Armenpress”, 21.09.2022. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1093038>.
25. By decrees of President Vahagn Khachaturyan, high titles were awarded on the occasion of Constitution Day // Official website of the President of the Republic of Armenia. 05.07.2023. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2023/07/05/President-Vahagn-Khachaturyan/>.
26. Congratulatory message of Prime Minister Nikol Pashinyan on the occasion of the 33rd anniversary of the adoption of the Declaration of Independence of the Republic of Armenia // Official website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 23.08.2023. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/08/23/Nikol-Pashinyan-message/>.

27. Ibid.
28. Ilham Aliyev put forward tough demands on the Constitution of Armenia // Moscow-Baku. 01.02.2024. URL: https://moscow-baku.ru/news/society/ilkham_aliev_vydvinul_zhyestkie_trebovaniya_po_konstitutsii_armenii_1_fevralya/.
29. President: If Armenia does not change its legislation, there will be no peace treaty // Report.az. 14.02.2024. URL: <https://report.az/ru/vnutrennyaya-politika/prezident-esli-armeniya-ne-izmenit-svoe-zakonodatelstvo-to-mirnogo-dogovora-ne-budet/>.
30. Corridor, constitution, Ararat: Turkey and Azerbaijan expand demands on Armenia // EA-Daily. 15.03.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/03/15/koridor-konstituciya-ararat-turciya-i-azerbaydzhane-rasshiryayut-trebovaniya-k-armenii>.
31. Aliyev said that if Armenia does not change the Constitution, there will be no peace treaty // "Mediamax", 07.06.2024. URL: <https://mediamax.am/ru/news/region/54973/>.
32. Interview of Prime Minister Nikol Pashinyan to the "Environment of Safety" program of the Public Radio of Armenia // Official website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 01.02.2024. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/01/Nikol-Pashinyan-Interview-Armradio/>.
33. Nothing in the world remains the same as it was under the conditions of the adoption of the current Constitution: Prime Minister // "Armenpress", 07.02.2024. URL: <https://armenpress.am/rus/article/1129802>
34. Mirzoyan: Azerbaijan sees a problem in the Declaration of Independence of Armenia // Armenia News. 24.01.2024. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/mirzoyan-azerbaydzhan-vidit-problemu-v-deklaratsii-nezavisimosti-armenii/>.
35. Prime Minister Nikol Pashinyan delivered a message on the occasion of the 34th anniversary of the adoption of the Declaration of Independence of Armenia // Official website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 23.08.2024. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1198172>.
36. Fidan and Bayramov reaffirmed their common desire to establish lasting peace and stability in the South Caucasus as soon as possible // 1lurer.am. 2024. August 27. Access mode: <http://surl.li/hfhwge>.
37. Minasyan G. Constitutional referendum in Armenia is planned to be held in 2027 // Aysor.am. 2024. August 29. Access mode: <https://www.aysor.am/ru/news/2024/08/29>.
38. Ilham Aliyev. Armenia is not interested in a peace agreement with Azerbaijan and is deliberately delaying time // Anadolu Agency. 2024. August 30. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/world/ilham-aliev-Armenia-is-not-interested-in-peace-and-intentionally-delays-time/3316926>.
39. Pashinyan: Unlike Armenia, Azerbaijan's Constitution Contains Territorial Claims to Armenia // "Armenpress", 2024. August 31. Access Mode: <https://armenpress.am/ru/article/1198730>.
40. Constitutional Court of the Republic of Armenia. (2024). RCC-1749 Decision of September 26, 2024 – Access Mode: https://concourt.am/decision/decisions/66f6b9067b29c_sdv-1749.pdf.
41. Armenian MFA to Aliyev: Yerevan Does Not Have Aggressive Intentions Towards Any Neighbor // Aysor.am. 2024. October 4. URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2024/10/04/МИД/2336543>
42. Gadzhizade A. Armenia's peaceful statements are manipulation // 1news.az. 2024. October 6. Access mode: <https://1news.az/news/20241006100510222-Aikhan-Gadzhizade-Mirolyubivye-zayavleniya-Armenii-yavlyayutsya-manipulyatsiei>.

43. Elchin Amirbekov: Armenia must resolve the issue of territorial claims in its Constitution // Report.az. 11/14/2023. URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/elchin-amirbekov-armeniya-dolzhna-reshit-vopros-territorialnyh-pretenzij-v-ee-konstitucii>.
44. Mirzoyan A. It would be an exaggeration to consider the process of Armenian-Azerbaijani settlement as a reason for changing the Constitution // "Armenpress", January 23, 2024. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1128714>.
45. Pashinyan N. Interview to the Safe Environment program, Public Radio of Armenia. Interviews and press conferences, website of the Prime Minister of the Republic of Armenia, February 1, 2024. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/01/Nikol-Pashinyan-Interview-Armradio/>.
46. Prime Minister Nikol Pashinyan delivered a message on the occasion of the 34th anniversary of the adoption of the Declaration of Independence of Armenia // Official website of the Prime Minister of the Republic of Armenia. 23.08.2024. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1198172>.
47. Hobsbawm E. Nations and Nationalism after 1780. M.: "Praxis", 2002. 304p.
48. Hobsbawm E. The Principle of Ethnicity and Nationalism in Modern Europe: collection of articles. Nations and Nationalism. M.: "Praxis", 2002.
49. Aliyev I. President of Azerbaijan: "Abolition of the Minsk Group, change of the constitution – without this, a peace treaty is impossible". APA-az.RU, January 7, 2025. URL: https://ru.apa.az/official-news/prezident-azerbaidzana-uprazdnenie-minskoi-gruppy-izmenenie-konstitucii-bez-etogo-mirnyi-dogovor-nevozmozen-599577?utm_source=chatgpt.com.
50. Bayramov D. "Baku believes that the territorial claims against Azerbaijan preserved in the Constitution of Armenia are the main obstacle in the peace process." TASS, June 27, 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21219945>.
51. Bayramov J. Named the main obstacle to concluding peace with Armenia. Factor.am, August 28, 2024. URL: <https://factor.am/ru/63057.html>.
52. Pashinyan N. Ideology of Real Armenia: Prime Minister Pashinyan addressed the people. Armenpress, February 19, 2025. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1212436>.

CONSTITUTIONAL REFORM DISCOURSE WITHIN THE FRAMEWORK OF ARMENIAN IDENTITY "MODERNIZATION"

H. Sargsyan, S. Khachaturian
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The discourse on constitutional reforms is actively unfolding across the post-Soviet space. However, the actual determinants of the necessity for these reforms vary across different post-Soviet countries. They are directly linked to the specific challenges of state development, primarily nation-building, which is why the politics of constitutional reforms can also be considered in the broader context of state-led identity policy. The discourse on constitutional reforms in Armenia, at first glance, appears to be a component of a particular policy of "modernization" of Armenian statehood in general, and of national identity in particular. These reforms are necessitated by the challenges to Armenian statehood arising from profound changes in the international order, alongside the process of es-

tablishing a civic nation in the Republic of Armenia informed by an ethnocultural framework. In this article, through an analysis based on a corpus of public statements regarding the Constitution of the Republic of Armenia by political figures from 2018 to 2025, and by examining these statements in light of changes in the domestic and foreign policy context, we conclude that the discussion is less about implementing a strategic development project and more about tactical maneuvering in response to immediate domestic political challenges and external pressure from specific centers of power.

Keywords: discourse on constitutional reforms, challenges in national development, national identity, nation-building, politics of identity.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-95-114
УДК 35.072

Поступила: 16.04.2025г.
Сдана на рецензию: 18.04.2025г.
Подписана к печати: 28.05.2025г.

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ГИБРИДНЫЕ МОДЕЛИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕФОРМЫ В ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИКАХ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ, ГРУЗИИ И МОЛДОВЫ)

М.А. Маркарян

Ереванский государственный университет
mmargaryan@ysu.am
ORCID: 0009-0002-6904-7467

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится комплексный анализ эволюции парадигм государственного управления, начиная с традиционных бюрократических моделей и концепции нового государственного управления, и, конечно, переход к современным подходам, основанным на принципах «хорошего управления». Исследование фокусируется на актуальных тенденциях – таких, как цифровизация, децентрализация и расширение гражданского участия. На примере реформ в странах с переходной экономикой, включая Армению, демонстрируется, как адаптация международных практик с учетом местных социокультурных особенностей способствует повышению эффективности управленческих процессов. В заключение делается акцент на необходимости создания гибридных моделей управления, объединяющих лучшие элементы нового государственного управления и принципов эффективного управления для формирования более устойчивой и адаптивной системы.

Ключевые слова: государственное управление, новое государственное управление, эффективное управление, реформы в Армении, публичная политика.

Введение

На современном этапе важно изучить государственное управление как систему, проанализировать его структуру и процессы, а также спрогнозировать его развитие. Особое внимание заслуживает исследование эволюции парадигм государственного управления, что позволяет выявить закономерности отдельных управленческих процессов и способствует повышению его эффективности. Исследование гибридных моделей государственного управления, представленных в данной работе, отражает их уникальность в контексте Армении. Одним из ключевых примеров адаптации международных практик является успешное внедре-

ние платформы e-Gov, обеспечивающей прозрачность и доступность государственных услуг. За последние пять лет уровень удовлетворенности граждан качеством услуг возрос на 27%, что свидетельствует о значительном улучшении взаимодействия между государством и обществом.

Кроме того, интеграция принципов «хорошего управления» в армянскую действительность продемонстрировала положительную динамику в снижении уровня коррупции. Согласно данным “Transparency International”, индекс восприятия коррупции (CPI) в Армении увеличился на 7 пунктов за девять лет, что отражает эффективность антикоррупционных механизмов и политической стабильности.

Особое внимание уделяется роли социальных и культурных особенностей, которые влияют на успешность реформ и адаптацию международных стандартов управления. Уникальность подхода состоит в создании гибридной модели, которая позволяет оптимально сочетать элементы нового госуправления и принципов «хорошего управления», адаптированных к армянским реалиям.

Рассматривая государственное управление как компонент социальной системы, можно заметить, что оно оказывает значительное влияние на связи и процессы внутри социальной структуры. Любая система вынуждена адаптировать связи между своими элементами в зависимости от этапов развития, внутренних условий и внешних факторов. Эти задачи успешно выполняет подсистема государственного управления [1].

Концепция «новое государственное управление» (новое госуправление) возникла как ответ на необходимость повышения эффективности управления в условиях ограниченных ресурсов и глобальных вызовов. Эта модель сформировалась в практиках крупнейших государств во второй половине 70-х годов XX века [2]. Сегодня мы переживаем период трансформационного перехода, который разрушает устаревшие структуры и нормы управления, закладывая основы нового подхода. Глобальные вызовы побуждают современных теоретиков пересматривать привычные мировоззренческие и методологические представления, чтобы предложить адекватные решения и подходы к управлению.

Государственное управление в странах с переходной экономикой сталкивается с рядом вызовов, включая ограниченность ресурсов и необходимость адаптации к глобальным стандартам. Данная статья акцентирует внимание на гибридных моделях управления, объединяющих лучшие аспекты «нового государственного управления» (“New Public Management”) и принципов «хорошего управления» (“Good Governance”), которые потенциально могут стать эффективным инструментом преодоления институциональных барьеров. Рассматриваются ключевые тенденции, причины и масштабы реформирования государственного управления, а также предлагаются рекомендации, направленные на дальнейшее развитие парадигмы государственного управления и оценку его влияния на общественные процессы.

Гипотеза исследования заключается в том, что интеграция элементов парадигмы нового государственного управления (“New Public Management”, NPM) и принципов хорошего управления (“Good Governance”) в форме гибридных моделей государственного управления обеспечивает большую эффективность и адаптивность к глобальным вызовам в странах с переходной экономикой – таких, как Армения, Грузия и Молдова. При этом успешность реформ зависит от устойчивости политической среды и последовательности реализации антикоррупционных мер и цифровизации.

Цель исследования – определить, как внедрение гибридных моделей государственного управления влияет на эффективность реформ в странах с переходной экономикой (на примере Армении, Грузии и Молдовы).

Задачи исследования:

- Изучить теоретические основы эволюции государственного управления от традиционной бюрократической модели до концепций нового государственного управления и хорошего управления.
- Провести сравнительный анализ влияния гибридных моделей управления на эффективность реформ в Армении, Грузии и Молдове.
- Выявить ключевые институциональные барьеры и успешные механизмы их преодоления в исследуемых странах.
- Разработать практические рекомендации по дальнейшему применению гибридных моделей государственного управления в странах с переходной экономикой.

Несмотря на обширное развитие теоретических концепций государственного управления, большая часть существующих работ остается на описательном уровне, не проводя глубокого эмпирического анализа взаимодействия различных управленческих моделей в условиях переходной экономики. В данном исследовании предпринята попытка устранить этот пробел посредством сравнения ключевых показателей (таких, как WGI, индекс восприятия коррупции и EGDI) для Армении, Грузии и Молдовы, что позволяет не только уточнить теоретические предпосылки формирования гибридных моделей управления, но и выявить практические механизмы их эффективности. Показано, что успех гибридных моделей, основанных на синтезе элементов нового государственного управления и принципов «хорошего управления», определяется не только внедрением цифровых технологий и реализацией антикоррупционных мер, но и наличием институциональной последовательности и политической стабильности, что является решающим фактором для успешных реформ. Таким образом, проведенный сравнительный анализ демонстрирует, как интеграция международных практик с учетом локальных политико-культурных особенностей способствует созданию более адаптивных и устойчивых государственных систем в странах с переходной

экономикой, предоставляя необходимые эмпирические данные для формирования практических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию государственного управления.

Обзор литературы

Управление представляет собой объективный процесс организации систем, основанный на обеспечении их целостности, поддержании заданных параметров функционирования и достижении поставленных целей. Это осуществляется посредством обмена информацией между подсистемами системы, включая управляющие и управляемые, через прямые и обратные связи [3], [4]. Таким образом, процесс управления предполагает взаимодействие как минимум двух участников. Кроме того, в структуре системы присутствуют дополнительные подсистемы, чья деятельность направлена на достижение главной цели – развитие.

Государственное управление, являясь частным проявлением общей теории управления, ориентировано на развитие и эволюцию страны как социальной и экономической системы.

Развитие и процессы управления неизбежно осуществляются в условиях ограниченности доступных ресурсов – таких, как время, финансовые средства, человеческий потенциал и несовершенство функционирования систем.

Преодоление ограниченного эволюционизма государства стало возможным благодаря внедрению новых подходов к управлению обществом и государством, включая теории циклического развития [5], [6] и концепции социальных изменений [7], [8].

Множество различных моделей и форм государственного управления обуславливает неоднозначность в понимании и противоречия при определении составных компонентов как социальной системы (государства), так и системы государственного управления. В обобщенном виде система представляется совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, образующих интегрированное целое. Социальная система, в свою очередь, представляет собой сложную и высокоорганизованную структуру, характеризующуюся множеством взаимозависимых связей между ее элементами [9].

Согласно теории социального выбора [10], [11], политический процесс представляет собой соревнование между различными социальными или государственными политиками, выдвигаемыми политическими деятелями или партиями. Эти политики формируют перспективные сценарии развития общества и государства как в целом, так и в отдельных аспектах общественной жизни. Победитель в данном процессе получает возможность реализовать свою программу социального развития, при этом принимая на себя функции

государственной власти. В подобной трактовке зачастую высказывается мнение о возможной идентичности понятий «социальная политика» и «государственная политика».

Однако в условиях демократии, где развитие гражданского общества достигает высокого уровня, государственная власть трансформируется в систему государственного управления, становясь существенно зависимой от общества. Это связано с постоянным влиянием и контролем со стороны гражданских структур [12]. В данном контексте уместно говорить о концепции «публичной власти», которая представляет собой интеграцию государственного управления и общественного самоуправления. Таким образом, публичная политика оказывается более широкой концепцией, поскольку она формируется и реализуется не только государственными структурами, но и обществом в целом – органами власти, бизнесом, неправительственными организациями, гражданскими объединениями и отдельными индивидами. Основная цель публичной политики – решение социально значимых задач и удовлетворение потребностей общества, различных его групп и отдельных лиц [13].

Современные исследования акцентируют внимание на значимости концепций устойчивого развития, децентрализации, а также общинного и территориального развития в рамках систем государственного управления. Эти подходы подчеркивают необходимость адаптации и обновления традиционных моделей управления для обеспечения их соответствия современным вызовам и потребностям общества [14], [15], [16].

Теоретическое осмысление парадигм государственного управления выявляет как сильные стороны, так и ограничения подходов *New Public Management* (NPM) и *Good Governance* (GG) в контексте борьбы с коррупцией. Модель NPM, ориентированная на рыночные механизмы и результативность, обладает мощным инструментарием для повышения прозрачности процессов и минимизации коррупционных рисков. Конкурсные процедуры и внедрение цифровых технологий – такие, как платформы e-Gov, являются ее ключевыми преимуществами. Однако для стран с переходной экономикой недостаток конкуренции на рынке может ограничить ее эффективность, а акцент на экономическую продуктивность нередко вызывает сокращение социальных программ, что приводит к общественному недовольству.

Модель GG, напротив, делает акцент на демократических ценностях, включая участие граждан, прозрачность и подотчетность, что способствует укреплению доверия между государством и обществом. Однако ее внедрение часто сталкивается с трудностями в странах с ограниченными ресурсами и нестабильной политической средой. Несоответствие западных стандартов локальным условиям может привести к культурным и структурным барьерам.

Сравнительный анализ практик борьбы с коррупцией в Армении, Грузии и Молдове демонстрирует различия в успешности применения этих моделей.

Армения активно интегрирует цифровые технологии NPM, что отражается в повышении уровня прозрачности государственных услуг и улучшении индекса восприятия коррупции на 7 пунктов за последние девять лет. Грузия успешно сочетает демократические принципы GG с последовательной реализацией антикоррупционной политики, в то время как Молдова сталкивается с хронической политической нестабильностью, что ограничивает эффективность обеих моделей.

Таким образом, успешность интеграции NPM и GG в странах с переходной экономикой зависит от адаптации их принципов к местным условиям, последовательности проведения реформ и устойчивости политической среды.

Методология

Методология исследования основывалась на анализе доступной литературы. Для отбора источников применялись специально разработанные критерии – такие, как использование релевантных ключевых слов и учет теоретических парадигм. Метод систематизации и обобщения был задействован для извлечения данных из научных источников, посвященных государственному управлению. Собранные данные отражали функционирование систем государственного управления в различных странах. Кроме того, были изучены веб-ресурсы, содержащие информацию о парадигмах и концепциях государственного управления.

Методология исследования основывалась на использовании сравнительного метода, позволяющего выявить основные тенденции и различия в управлении среди стран с переходной экономикой. Применение индексов EGDI и WGI позволяет объективно измерить прогресс в развитии электронного управления и институциональной устойчивости. Например, Грузия добилась значительного роста EGDI благодаря внедрению инновационных подходов – таких, как сервисные центры «одного окна», что сократило бюрократию и повысило общественное доверие. Армения выделяется своими цифровыми инициативами – такими, как e-Gov, но остается в тени лидирующего уровня Грузии из-за ограниченности финансовых и человеческих ресурсов. В Молдове внедрение реформ происходит медленными темпами, что негативно сказывается на развитии электронного управления. Метод синтеза применялся для разработки усовершенствованной модели взаимосвязи различных концепций государственного управления. Метод прогнозирования использовался для оценки влияния предложенных реформ на институциональные барьеры, а также для моделирования сценариев их долгосрочного внедрения. Системно-функциональный подход позволил выявить ключевые взаимосвязи между институциональной устойчивостью и адаптивностью управления.

Эмпирические выводы

Способность систем государственного управления к эволюционным изменениям рассматривается с позиций системно-функционального подхода, который позволяет отслеживать функционирование существующей модели управления, а также корректировать ее в ответ на новые вызовы. Для анализа используются методы структурного, функционального и сравнительного анализа управленческих объектов. Это дает основание утверждать, что изменения в системах государственного управления во многом обусловлены трансформациями внешней среды, которые накладывают свои требования на государственные институты.

Официальные отчеты свидетельствуют, что процесс реформирования государственного управления в странах с переходной экономикой характеризуется значительными институциональными барьерами. Однако результаты реформ существенно различаются между странами. Например, в Грузии последовательный курс реформ после «Революции роз» создал условия для успешной реализации антикоррупционных мер. В Армении политическая стабильность, достигнутая после «Бархатной революции» 2018 года, ускорила внедрение цифровизации и децентрализации. В то же время Молдова сталкивается с трудностями из-за непоследовательности реформ, что подтверждается данными индекса качества регулирования.

Официальные отчеты свидетельствуют о том, что процесс реформирования государственного управления в странах с переходной экономикой характеризуется значительными институциональными барьерами, но при этом результаты реформ существенно различаются между странами. В первую очередь, важную роль играет политическая стабильность. В Грузии последовательный курс реформ после «Революции роз» создает благоприятные условия для структурных изменений и антикоррупционных мер (“Transparency International”, 2024). В свою очередь, Молдова, где за период 2015–2023гг. сменилось шесть кабинетов правительств, сталкивается с проблемой непоследовательности реформ, что негативно влияет на целостность проводимых мер. Армения после «Бархатной революции» 2018 года продемонстрировала улучшение политической обстановки, что позволило более активно внедрять инициативы по цифровизации и децентрализации.

В настоящее время общество находится на этапе становления концепции нового государственного управления (“new public management”: новое государственное управление). Однако изменяющиеся запросы современного общества и стандарты, определяют необходимость перехода к новой парадигме государственного управления – концепции «хорошего управления» (“good governance”). Эта парадигма направлена на развитие прозрачности, эффективности и участия общества в управленческих процессах [17], [18], [19].

Одной из ключевых особенностей социальных систем является их способность к самоуправлению, которая выражается в выделении управленческой функции, характерной исключительно для социальных систем. Управление в данном случае выступает как важнейший атрибут и свойство социальной структуры, обеспечивающее ее устойчивость и развитие.

С функциональной точки зрения, управление может быть определено как совокупность функций социальной системы, выполняемых отдельным элементом или группой элементов, наделенных полномочиями осуществлять управление. В составе любой социальной системы обязательным компонентом является подсистема управления, которая обеспечивает взаимодействие ее структурных элементов. С точки зрения системного подхода, подсистема управления представляет собой функциональный механизм, определяющий разделение системы на составляющие элементы и подсистемы, каждая из которых выполняет строго определенные задачи и функции.

Термин «менеджмент» интерпретируется неоднозначно. Например, понятия «администрация» и «управление» воплощают разные парадигмы управления [20]. Они являются существенно различными и не могут быть объединены в рамках одной системы, аналогично тому, как политология и социология представляют собой самостоятельные дисциплины. Поэтому целесообразно выбрать одну из парадигм для практического применения и следовать ей.

Переход от бюрократического управления к конкурентным рынкам и сетевым политическим процессам стал объектом пристального внимания исследователей.

Такие преобразования часто трактуются как «неизбежный переход» к более современным и адаптивным административным формам, наблюдаемым в развитых странах. Новая модель государственного управления сыграла значительную роль в реформировании публичной администрации, особенно в развитых «демократиях». Основой данного перехода является изменение парадигмы от директивных моделей к более открытым и гибким формам.

Ключевые изменения при переходе к новой парадигме государственного управления включают:

- Перенаправление усилий государства на решение социальных проблем, создание условий для обеспечения высокого качества жизни граждан, признания человека высшей ценностью общества [21].
- Развитие организационно-экономических условий, которые поддерживают принципы экономической свободы и самостоятельности для всех субъектов хозяйственной деятельности.
- Переход от использования статистических данных к систематическому мониторинговому госуправлению для проведения аналитики и контроля социально-экономической, политической и экологической ситуации [22].

- Оценку эффективности государственного управления на основе сопоставления уровня экономического развития с уровнем жизни населения.

Новая парадигма государственного управления с 1980-х гг. занимает доминирующее положение в теории и практике государственного управления. Новое госуправление характеризуется как нормативная концепция, принципиально отличающаяся от традиционного подхода.

Основная цель данной модели – предоставление услуг, которые в наибольшей степени удовлетворяют потребности граждан. Она акцентирует внимание на повышении независимости общественных менеджеров и стимулировании организаций и отдельных лиц к повышению производительности государственного сектора [23], [24].

Новое госуправление представляет собой административную парадигму, направленную на изменение традиционной системы государственного управления путем улучшения взаимодействия между правительствами, государственными служащими и общественностью.

Одним из наиболее часто применяемых подходов в рамках данной модели является «управление по целям», который обеспечивает формирование целей и контроль их достижения. При этом сохраняются и интегрируются традиционные методы планирования и реализации государственного управления, что позволяет учитывать специфику каждой конкретной административной системы.

Современные исследования подчеркивают, что новое госуправление сталкивается с вызовами в условиях цифровой трансформации и глобализации. Например, некоторые авторы утверждают, что новое госуправление уступает место цифровой эре управления, которая акцентирует внимание на интеграции функций, ориентации на потребности и цифровизации процессов [25]. Более того, последние исследования подчеркивают важность инноваций, коллаборативного управления и внедрения технологий в государственном секторе [26].

На протяжении последних десятилетий New Public Management утвердилось как доминирующая доктрина в реформировании государственного управления. Этот подход, ориентированный на рыночные механизмы, эффективность и результативность, стал основой для модернизации публичного сектора. Однако критика нового госуправления, связанная с недостаточной ориентацией на общественные ценности и участие граждан, привела к появлению новой парадигмы – “good governance” хорошее управление, которое акцентирует внимание на демократических принципах, прозрачности, подотчетности и вовлечении граждан в процесс принятия решений.

Переход между этими парадигмами нельзя считать линейным. В странах с переходной экономикой – таких, как Армения, реформы государственного

управления сталкиваются с институциональными барьерами, ограниченными ресурсами и недостаточной политической стабильностью. Например, в Армении элементы нового госуправления: такие, как цифровизация и повышение эффективности, интегрируются с принципами “good governance”. В Армении применение платформы e-Gov стало важным шагом к улучшению прозрачности и доступности государственных услуг. Уровень удовлетворенности граждан качеством услуг вырос на 27% за последние пять лет. Однако сохраняется необходимость в дальнейшем укреплении доверия через цифровизацию и антикоррупционные механизмы.

Анализ индекса восприятия коррупции (CPI) “Transparency International” за 2024 год подтверждает, что Грузия имеет наилучшие показатели (53 из 100), а Армения демонстрирует значительный прогресс (+7 пунктов за 9 лет). Молдова же испытывает трудности, отставая с наименьшим ростом индекса. Эти данные подчеркивают важность устойчивой политической воли для реализации успешных реформ. В области цифровизации наиболее положительные изменения наблюдаются в Армении и Грузии благодаря внедрению электронных платформ.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых показателей государственного управления (2015–2024гг.).

Показатель	Армения	Грузия	Молдова
Эффективность работы правительства (WGI)	– 0.04 → 0.27	0.40 → 0.59	–0.51 → –0.43
Качество регулирования (WGI)	0.06 → 0.31	0.69 → 0.83	–0.03 → 0.04
Верховенство закона (WGI)	– 0.15 → 0.08	0.24 → 0.35	–0.38 → –0.27
Контроль коррупции (WGI)	– 0.54 → –0.14	0.71 → 0.78	– 0.94 → –0.71
Индекс восприятия коррупции (TI CPI, баллы)	42 (2015) → 47	52 (2015) → 53	33 (2015) → 43
Индекс развития электронного правительства (EGDI)	0.59 → 0.70	0.61 → 0.73	0.52 → 0.60

Сравнительный анализ демонстрирует явные различия в эффективности реформирования государственного управления в Армении, Грузии и Молдове. Грузия достигла значительных успехов в повышении уровня верховенства закона (WGI), который за последние 10 лет увеличился с 0,24 до 0,35. Это подчеркивает успешность антикоррупционной стратегии, последовательной реализации реформ и стимулирования экономического роста. В Армении, несмотря на впечатляющий рост индекса восприятия коррупции “Transparency International” (+7 пунктов за девять лет), продолжают существовать институциональные барьеры, замедляющие прогресс в цифровиза-

ции и децентрализации. Молдова, напротив, сталкивается с хронической политической нестабильностью, что подтверждается ее низкими показателями качества регулирования (0,04 в сравнении с 0,83 в Грузии) и медленным темпом внедрения реформ. Анализ данных по индексу восприятия коррупции (CPI) “Transparency International” за 2024 год подтверждает, что Грузия показывает наилучшие результаты (52 баллов из 100), в то время как Армения (42 балла) и Молдова (33 балла) продолжают испытывать трудности в сфере борьбы с коррупцией. При этом, по сравнению с 2015 годом, Армения зафиксировала рост на 5 баллов, а Молдова – на 10 балла, что указывает на некоторое позитивное смещение в рамках проводимых реформ. Новое госуправление предоставляет инструменты для повышения эффективности и результативности, в то время как “good governance” обеспечивает устойчивость, участие и демократичность процессов. Однако современные вызовы требуют гибридных решений, объединяющих лучшие аспекты обеих парадигм [27]. В Армении примером такого подхода является реформа местного самоуправления, реализуемая в рамках программы Совета Европы. Она направлена на децентрализацию, повышение компетенций местных органов власти и развитие межмуниципального сотрудничества.

Особое внимание уделяется адаптации международных практик к местным условиям. Например, в рамках программы “Open Government Partnership” Армения активно внедряет механизмы участия граждан в разработке политики и мониторинге деятельности государственных органов. В условиях глобального кризиса и растущей сложности международных процессов возникает необходимость создания новой парадигмы государственного управления. Этот подход должен сочетать гибкость и устойчивость, внедрение цифровых технологий и акцент на ценности сообщества. Армения, с ее опытом интеграции новое госуправление и “good governance”, может стать примером для других стран с переходной экономикой. В частности, дальнейшее развитие цифровых платформ и усиление общественного контроля могут стать ключевыми элементами трансформации государственного управления.

Большинство правительств, внедряющих принципы нового госуправления, сформулировали ряд унифицированных целей реформ, направленных на повышение эффективности управления и улучшение взаимодействия между государственным и частным секторами. Основные направления трансформаций включают следующие аспекты:

Оптимизация государственных расходов: целью реформ является уменьшение государственных затрат, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и обеспечение конкурентоспособности национальных предприятий. Это достигается за счет повышения эффективности управления государственными программами [28].

Повышение управляемости общества: реформы предполагают улучшение механизмов взаимодействия между гражданским обществом и правящей элитой. Это выражается в укреплении подотчетности государственных структур и вовлечении заинтересованных сторон в процесс принятия решений.

Соппротивление заинтересованных сторон: в рамках реформ новое госуправление также акцентирует внимание на преодолении противодействия со стороны определенных групп, связанных с сокращением социальных программ или изменениями правовой политики, путем создания прозрачных и демократических процедур взаимодействия [29].

Роль государства как работодателя: государство трансформируется в «ответственного работодателя», привлекающего квалифицированные кадры при минимизации затрат на оплату труда. Примером может служить внедрение контрактной системы, где эффективность и результативность выступают ключевыми критериями оценки работы.

Улучшение качества услуг: одной из важнейших задач является повышение доверия общественности и частного сектора к государству посредством предоставления более качественных и доступных услуг. В рамках нового госуправления широко применяются цифровые технологии и стандарты оценки эффективности работы государственных учреждений [30], [31].

На уровне предприятий и локальных сообществ реформы нового госуправления акцентируют внимание на использовании сбалансированных систем показателей, которые обеспечивают комплексное измерение всех аспектов деятельности организаций.

Основные показатели включают:

- Финансовую эффективность: затраты и доходы, эффективность использования ресурсов.
- Удовлетворенность потребителей: степень удовлетворенности пользователей услугами.
- Процессные показатели: оптимизация внутренних процедур и устранение издержек.
- Рост и развитие: обучение персонала и инновационные решения, адаптированные к местным условиям [32].

В условиях современных преобразований в системе государственного управления Армении требуется избегать поспешных и упрощенных решений. Модернизация государственного управления, в целом, должны быть тщательно обоснованы и учитывать многогранность данного процесса. Практики управления, используемые в европейских странах, предлагают апробированные механизмы, которые могут быть адаптированы для развития современных систем государственного управления. Одним из таких подходов является концепция «хорошего управления» (“Good Governance”), которая объединяет

демократию и эффективность. Основными элементами этой концепции являются: демократическая практика принятия решений, основанная на участии граждан, подотчетности власти и верховенстве закона, и эффективность управления, предполагающая оптимальное использование ресурсов и сознательную деятельность государственных и общественных институтов.

Как отмечают исследователи [33],[34] государства, эффективно внедряющие эти элементы, создают устойчивые и стабильные структуры управления, способные обеспечивать политическую стабильность и поддерживать социально-экономическое развитие.

Эффективность государственного управления определяется достижением поставленных целей в рамках установленных сроков и при минимальных затратах государственных ресурсов. Однако, как отмечают исследователи на определенных этапах демократических преобразований эффективность и демократичность могут восприниматься как противоречащие друг другу категории. Это особенно характерно для стран, находящихся на начальных этапах демократической трансформации. Здесь часто возникает соблазн перехода к авторитарной модернизации, мотивированной необходимостью решения масштабных и острых социальных и экономических проблем.

Специфика постсоветских государств, включая Армению, заключается в ограниченной результативности заимствования европейских практик управления. Исследователи указывают, что это может быть связано как с различиями в историческом развитии, так и с неполным усвоением демократических ценностей. Таким образом, задача разработки адаптированных моделей государственного управления становится особенно важной в условиях глобальных экономических и социальных трансформаций.

Армения сталкивается с вызовом формирования современной парадигмы управления, которая будет соответствовать требованиям информационной эпохи. В современном контексте основные направления реформ государственного управления в Армении включают:

- Децентрализацию управления, что позволит повысить эффективность взаимодействия государства и граждан.
- Борьбу с коррупцией, создавая механизмы подотчетности и прозрачности.
- Интеграцию европейских стандартов, что требует не только структурных, но и институциональных изменений.
- Инновационное управление ресурсами, включая финансовые, трудовые и инновационные ресурсы для ускорения социально-экономического развития.

Армения уже предприняла шаги в направлении реформ. Однако действующая централизованная модель управления остается препятствием на пути реализации стратегического курса страны. Недостаточная открытость органов власти

и их отчужденность от граждан ведут к низкой легитимности и эффективности управления.

Повышение эффективности деятельности государственных органов и качества предоставляемых ими услуг остаётся одной из ключевых задач государственного управления, особенно в контексте современных вызовов общества. Важнейшую роль в формировании и развитии систем управления играют культурные факторы, политические процессы и юридические процедуры. Эти элементы определяют специфику государственного управления в каждой стране, но при этом демонстрируют определённое сходство в своей эволюции. Особое значение имеют правовые процедуры, регулирующие деятельность государственных органов. Соблюдение правовых норм и принципов является неотъемлемым условием для принятия законных и обоснованных управленческих решений. Правовая прозрачность обеспечивает не только легитимность, но и предсказуемость в управленческих процессах, что важно для доверия со стороны общества.

Несмотря на различия между государственными системами, исторический анализ показывает наличие общей структуры и элементов, которые создают модели управления, устойчивые к глобальным изменениям. Развитие государственного управления всегда следовало за трансформациями в обществе, порождая универсальные принципы, которые применимы к различным государствам. Современные теории всё чаще обращают внимание на конвергенцию систем управления. Ключевые принципы, такие как эффективность, прозрачность и подотчётность, приобрели универсальное значение.

Одна из центральных причин заимствования международных управленческих практик связана с процессами глобализации. Современный мир представляет собой систему взаимосвязанных государств, где мировые процессы оказывают значительное влияние на развитие отдельных стран. Глобальные экономические и политические изменения требуют адаптации внутренних процессов управления, направленных на поддержание устойчивости и эффективности. Заимствование успешных практик, с учётом культурных и исторических особенностей стран, становится важным инструментом для достижения этих целей.

Современные вызовы государственного управления требуют подхода, который сочетает глобальные стандарты с учетом локальных особенностей. Интеграция международных стандартов, гибкость в принятии решений и адаптивность к вызовам глобализации играют ключевую роль в построении устойчивых и эффективных систем управления. Только такой подход позволит государствам одновременно соответствовать требованиям времени и сохранять свою идентичность.

Для стран – таких, как Армения, важно учитывать следующие аспекты:

- Интеграция международных стандартов. В условиях глобализации адаптация принципов управления англосаксонской модели может выступать фактором укрепления международного авторитета.
- Учет специфики. Важно не слепо копировать модели, а адаптировать их с учетом культурных и исторических особенностей.
- Гибкость в принятии решений. Влияние международных процессов требует от систем управления адаптивности к внешним вызовам.

Таким образом, формирование современных моделей управления основано на синтезе локальных и глобальных подходов. Это позволяет странам, включая Армению, внедрять эффективные инструменты управления, которые отвечают вызовам времени.

Методологический подход к анализу государственных систем позволяет решать задачи их различных подсистем, включая систему государственного управления. Для реализации качественных изменений в государственном управлении необходимо определить вектор его дальнейшего развития, что требует системного и последовательного подхода.

Социальная система и управление в ней представляют собой сложные, организованные структуры, характеризующиеся множеством взаимосвязанных элементов. Такие системы обладают функциями саморазвития, саморегуляции, самоуправления и самоорганизации [35].

Одной из обязательных подсистем социальных систем является управление, которое делится на два ключевых направления: общественное и государственное. Процесс управления в таких системах инициируется изменением условий их функционирования или развития, что приводит к трансформации потребностей и мотивации объектов управления и, как следствие, формирует новые задачи.

Роль технологий в совершенствовании управления в современных условиях требует активного использования информационных технологий. Симбиоз концепции «хорошего управления» и электронного управления позволяет повысить прозрачность процессов, минимизировать бюрократию и обеспечить более активное участие граждан в принятии решений [36]. Такие инициативы могут способствовать укреплению доверия между государством и обществом.

Заключение и перспективы

Проведенный анализ подтвердил выдвинутую гипотезу о том, что гибридные модели управления, сочетающие элементы “New Public Management” и “Good Governance”, имеют значительный потенциал в преодолении институциональных барьеров в странах с переходной экономикой. Сравнительный анализ практик Армении, Грузии и Молдовы показывает, что эффек-

тивность реализации таких моделей напрямую связана с последовательностью проводимых реформ, устойчивостью политической среды и качеством внедрения цифровых технологий.

Опыт Армении демонстрирует положительную динамику после «бархатной революции» 2018 года, что отражается в росте удовлетворенности граждан государственными услугами и существенном улучшении индекса восприятия коррупции (+7 пунктов). Тем не менее, дальнейшее укрепление институциональной устойчивости требует более глубокой интеграции международных практик и последовательного применения антикоррупционных механизмов и цифровых решений.

Практический вывод состоит в том, что для успешного внедрения гибридных моделей управления странам с переходной экономикой необходимо учитывать следующие факторы:

- **Последовательность и устойчивость реформ:** непрерывность курса и стабильность политической среды являются ключевыми факторами успеха реформ, как показывает пример Грузии.
- **Цифровая трансформация:** развитие цифровых платформ и электронных услуг играет важнейшую роль в повышении прозрачности и доверия общества к государственным институтам, что подтверждает опыт Армении.
- **Адаптация международных стандартов:** внедрение и адаптация элементов “Good Governance” должны осуществляться с учетом локальных социально-культурных условий, избегая прямого копирования западных моделей без их соответствующего приспособления.

Кроме того, полученные результаты подчёркивают необходимость дальнейшего анализа роли международного сотрудничества и обмена опытом. Особое внимание следует уделить разработке стратегий, которые позволяют интегрировать гибридные модели управления в контекст стран с переходной экономикой, сохраняя баланс между глобальными стандартами и локальными особенностями. Это создаст основу для долгосрочной устойчивости и адаптивности государственных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Migdal J. The State in Society. New Directions in Comparative Politics. “Routledge”, 2018. PP. 63–79.
2. Flynn N. Explaining the New Public Management: The Importance of Context. New Public Management, “Routledge”, 2005. PP. 69–88.
3. Lascoumes P., Le Galès P. Introduction: Understanding Public Policy through Its Instruments – From the Nature of Instruments to the Sociology of Public Policy Instrumentation. “Governance”, vol. 20, № 1, 2007. PP. 1–21.
4. Cairney Pl. Complexity Theory in Political Science and Public Policy // “Political Studies Review”, vol. 10, № 3, 2012. PP. 346–358.

5. Zeb-un-Nisa, Ghulam M., et al. Theoretical Approaches to Study the Public Policy: An Analysis of the Cyclic/Stages Heuristic Model. *Palarch s Journal of Archaeology of Egypt / "Egyptology"*, vol. 18, 2021. PP. 1307–1321.
6. Werner J., Wegrich K. Theories of the Policy Cycle // *Handbook of Public Policy Analysis*, "Routledge", 2017. PP. 69–88.
7. Hill M., Varone F. The Public Policy Process. "Routledge", 2021.
8. Parsons V. *Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis*. "Edward Elgar Publishing", 1995.
9. Friedman B., Neuman K. Systems Theory // *Theory & Practice in Clinical Social Work*, vol. 2, № 3, 2011. PP. 3–20.
10. Kogelmann B. Public Choice and Political Equality. Wealth and Power. "Routledge", 2022. PP. 67–84.
11. Shaw J.S. Public Choice Theory. *The Concise Encyclopedia of Economics*, 2002. PP. 1–7.
12. Heifetz R.A. Leadership Without Easy Answers. "Harvard University Press", 1994. PP. 1–15.
13. Kjær A.M. The Paradigm Shift of Danish Development Policy (1990–2020) // "Forum for Development Studies", vol. 49, № 3, "Routledge", 2022.
14. Pollitt Ch., Geert B. Public Management Reform: A Comparative Analysis – Into the Age of Austerity. "Oxford University Press", 2018.
15. Martinus M. The Paradigm Shift from Traditional Public Administration to Sustainable Public Administration // "African Journal of Development Studies", vol. 12, № 2, 2022. PP. 99–129.
16. Peters B. The Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration. "Routledge", 2018.
17. Müller R. Principles of Good Governance. Research Handbook on the Governance of Projects. "Edward Elgar Publishing", 2023. PP. 20–30.
18. Luther L. OECD principles of corporate governance. *Encyclopedia of Sustainable Management*. Cham: "Springer International Publishing", 2023. PP. 2497–2500.
19. Weiss Th. "Governance, good governance, and global governance: conceptual and actual challenges" *Thinking about global governance*. "Routledge", 2012. 168–189.
20. Yan J. and Q. Wang. Paradigms in Public Administration: Comparing Administration and Management. "Public Management Review", vol. 19, № 3, 2017. PP. 295–315.
21. Heeks R. Reinventing government in the information age. "Routledge", 2002. PP. 31–43.
22. Peters B. Guy. The Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration. Routledge, 2018.
23. Heeks R. Reinventing government in the information age. "Routledge", 2002. PP. 31–43.
24. Dunleavy P. and Christopher H. From Old Public Administration to New Public Management. "Public Money & Management", vol. 14, № 3, 1994. PP. 9–16.
25. Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // «Полит. наука», № 3, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-gosudarstvennom-upravlenii-ot-novogo-gosudarstvennogo-menedzhmenta-k-upravleniyu-publichnoy-politikoy/viewer> (дата обращения: 17.03.2025).
26. Ugyel Lhawang. Paradigms of Public Administration. Paradigms and Public Sector Reform: Public Administration of Bhutan, 2016. PP. 17–52.
27. Christensen T., Lægreid P. Taking Stock: New Public Management (NPM) and Post-NPM Reforms – Trends and Challenges. *Handbook on the Politics of Public Administration*, 2022. PP. 38–49.

28. *Pollitt Ch., Geert B.* Public Management Reform: A Comparative Analysis – Into the Age of Austerity. “Oxford University Press”, 2018.
29. *Dunleavy P. and Christopher H.* From Old Public Administration to New Public Management // “Public Money & Management”, vol. 14, № 3, 1994. PP. 9–16.
30. *Sebata D.* Global Perspectives on the Latest Developments in Public Sector Management: Challenges, Opportunities, and Impacts. “IntechOpen”, 2025. DOI:10.5772/Intechopen.115093.
31. *Lartey P.* Recent Advances in Public Sector Management. “IntechOpen”, 2025. P. 224.
32. *Kepling Yu.* Governance and good governance: A new framework for political analysis // “Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences”, № 11, 2018. PP. 1–8.
33. *Pollitt Ch., Geert B.* Public Management Reform: A Comparative Analysis – Into the Age of Austerity. “Oxford University Press”, 2018.
34. *Osborne D.* Reinventing government: What a difference a strategy makes // “7th global forum on reinventing government: Building trust in government”, 2007.
35. *Шкаратан О.И.* Общество как социальная система // «Социологический журнал», № 4, 2011. CC.116–143.
36. *Heeks R.* Reinventing government in the information age. “Routledge”, 2002. PP. 31–43.

REFERENCES

1. *Migdal J.* The State in Society. New Directions in Comparative Politics. “Routledge”, 2018. PP. 63–79.
2. *Flynn N.* Explaining the New Public Management: The Importance of Context. New Public Management. “Routledge”, 2005. PP. 69–88.
3. *Lascombes P., Le Galès P.* Introduction: Understanding Public Policy through Its Instruments – From the Nature of Instruments to the Sociology of Public Policy Instrumentation. “Governance”, vol. 20, № 1, 2007. PP. 1–21.
4. *Cairney Pl.* Complexity Theory in Political Science and Public Policy// “Political Studies Review”, vol. 10, № 3, 2012. PP. 346–358.
5. *Zeb-un-Nisa, Dr Ghulam Mustafa, et al.* Theoretical Approaches to Study the Public Policy: An Analysis of the Cyclic/Stages Heuristic Model // “Palarch s Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology”, vol. 18, 2021. PP. 1307–1321.
6. *Werner J., Wegrich K.* Theories of the Policy Cycle. Handbook of Public Policy Analysis. “Routledge”, 2017. PP. 69–88.
7. *Hill M., Varone F.* The Public Policy Process. “Routledge”, 2021.
8. *Parsons W.* Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis. “Edward Elgar Publishing”, 1995.
9. *Friedman B., Neuman K.* Systems Theory // “Theory & Practice in Clinical Social Work”, vol. 2, № 3, 2011. PP. 3–20.
10. *Kogelmann B.* Public Choice and Political Equality. Wealth and Power. “Routledge”, 2022. PP. 67–84.
11. *Shaw J.* Public Choice Theory. The Concise Encyclopedia of Economics, 2002. PP. 1–7.
12. *Heifetz R.A.* Leadership Without Easy Answers. “Harvard University Press”, 1994. PP. 1–15.
13. *Kjær A.* The Paradigm Shift of Danish Development Policy (1990–2020) // “Forum for Development Studies”, vol. 49, № 3, “Routledge”, 2022.
14. *Pollitt Ch., Geert B.* Public Management Reform: A Comparative Analysis – Into the Age of Austerity. “Oxford University Press”, 2018.

15. *Martinus M.S.* The Paradigm Shift from Traditional Public Administration to Sustainable Public Administration // “African Journal of Development Studies”, vol. 12, № 2, 2022. PP. 99–129.
16. *Peters B.* The Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration. “Routledge”, 2018.
17. *Müller R.* Principles of Good Governance. Research Handbook on the Governance of Projects. “Edward Elgar Publishing”, 2023. PP. 20–30.
18. *Luther L.* “OECD principles of corporate governance”. Encyclopedia of Sustainable Management. Cham: “Springer International Publishing”, 2023. PP. 2497–2500.
19. *Weiss Th.* Governance, good governance, and global governance: conceptual and actual challenges. Thinking about global governance. “Routledge”, 2012. 168–189.
20. *Yan J. and Q. Wang.* Paradigms in Public Administration: Comparing Administration and Management. “Public Management Review”, vol. 19, № 3, 2017. PP. 295–315.
21. *Heeks R.* Reinventing government in the information age. “Routledge”, 2002. PP 31–43.
22. *Peters B. Guy.* The Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration. Routledge, 2018.
23. *Heeks R.* Reinventing government in the information age. “Routledge”, 2002. PP 31–43.
24. *Dunleavy P. and Christopher H.* From Old Public Administration to New Public Management. “Public Money & Management”, vol. 14, № 3, 1994. PP. 9–16.
25. *Smorgunov L.* Modern trends in public administration: from new public management to governance of public policy // “Political science”, № 3, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-gosudarstvennom-upravlenii-ot-novogo-gosudarstvennogo-menedzhmenta-k-upravleniyu-publichnoy-politikoy/viewer> (accessed: 17.03.2025).
26. *Ugyel Lhawang and Lhawang Ugyel.* Paradigms of Public Administration. Paradigms and Public Sector Reform: Public Administration of Bhutan, 2016. PP. 17–52.
27. *Christensen T., Lægreid P.* Taking Stock: New Public Management (NPM) and Post-NPM Reforms – Trends and Challenges. Handbook on the Politics of Public Administration, 2022. PP. 38–49.
28. *Pollitt Ch., Geert B.* Public Management Reform: A Comparative Analysis – Into the Age of Austerity. “Oxford University Press”, 2018.
29. *Dunleavy P. and Christopher H.* From Old Public Administration to New Public Management. Public Money & Management, vol. 14, № 3, 1994. PP. 9–16.
30. *Sebata D.* Global Perspectives on the Latest Developments in Public Sector Management: Challenges, Opportunities, and Impacts. “IntechOpen”, 2025. doi:10.5772/Intechopen.1-15093.
31. *Lartey P.Y.* Recent Advances in Public Sector Management. “IntechOpen”, 2025. P. 224.
32. *Keping Yu.* Governance and good governance: A new framework for political analysis // “Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences”, № 11, 2018. PP. 1–8.
33. *Pollitt Ch., Geert B.* Public Management Reform: A Comparative Analysis – Into the Age of Austerity. “Oxford University Press”, 2018.
34. *Osborne D.* Reinventing government: What a difference a strategy makes // “7th global forum on reinventing government: Building trust in government”, 2007.
35. *Shkaratan O.* Society as social system // “Journal of Sociology”, № 4, 2011. PP.116–143.
36. *Heeks R.* Reinventing government in the information age. “Routledge”, 2002. PP 31–43.

**EVOLUTION OF PUBLIC ADMINISTRATION:
HYBRID MODELS AND THEIR IMPACT ON REFORMS
IN TRANSITION ECONOMIES (CASE STUDY OF ARMENIA,
GEORGIA AND MOLDOVA)**

M. Margaryan

Yerevan State University

ABSTRACT

The article delves into the progression of paradigms within public administration, tracing the transition from the conventional bureaucratic framework to the models of new public administration and further, to governance strategies grounded in the principles of “good governance”. It critically examines contemporary dynamics, such as digital transformation, decentralization, and the enhancement of civic engagement. Through case studies of administrative reforms in transitional economies, focusing on Armenia, the article underscores the significance of tailoring global best practices to the unique socio-cultural contexts of local systems. It concludes by advocating for the development of hybrid governance models that effectively integrate key components of both new public administration and good governance methodologies.

Keywords: State governance, new public management, good governance, reforms in Armenia, public policy.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-115-134
УДК 32

Поступила: 12.05.2025г.
Сдана на рецензию: 16.05.2025г.
Подписана к печати: 10.06.2025г.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНО- ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД СССР: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н.И. Маргарян

Российско-Армянский (Славянский) университет
nina-markaryan@yandex.com
ORCID: 0000-0002-7369-116X

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что современная основа транспортно-логистического каркаса Южного Кавказа – результат планомерного выстраивания транспортно-логистической системы Закавказского экономического района в советский период. Необходимость форсированного развития транспортной системы новообразованного СССР в условиях новой идеологической парадигмы, с вовлечением широких слоев населения, необходимости обеспечения территориальной взаимосвязи и политической интеграции территориальных единиц, входящих в СССР, а также на фоне участия государства во Второй мировой войне породили ряд проблем в вопросе выстраивания эффективной сети транспортного сообщения, по сей день оказывающих влияние на транспортно-логистическую систему Южного Кавказа, в частности, Армении, Грузии и Азербайджана, что особенно актуально в условиях протекающих на международной арене политических процессов и обострения политических противоречий между странами.

Целью работы является анализ политики СССР в сфере построения и развития транспортно-логистической системы Закавказского экономического района, политических мотивов развития транспортной сети данного региона, выявление основных проблем, оказавших (помимо конфликтов на данной территории в постсоветский период) существенное влияние на современное состояние транспортного каркаса Южного Кавказа.

Автором были исследованы исторические документы, отражающие процесс выстраивания транспортной системы СССР и Южного Кавказа (в пер. СССР – Закавказского экономического района), в частности, проведен сравнительный анализ трансформации подходов к развитию отдельных видов транспорта, рассмотрены и выявлены политические и геополитические мотивы, повлиявшие на реализацию подходов к выстраиванию транспортного каркаса Советского Союза и Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР.

Ключевые слова: транспортная система СССР, транспортная система Армянской ССР, транспортная система Азербайджанской ССР, транспортная система Грузинской ССР, железнодорожное сообщение, автомобильное сообщение.

Введение

В большинстве современных исследований, посвященных вопросам транспортно-логистической системы Южного Кавказа, либо отдельных государств данного региона, исходной точкой анализа той или иной проблемы является период после распада СССР, либо же авторы обращаются к современному состоянию транспортно-логистической системы региона, без отражения результатов ретроспективного анализ ситуации [1]. В ряде же исследований ретроспективный анализ применяется для исследования проблем, связанных с определенным видом транспорта, безотносительно к иным видам транспорта [2]. Исследования же, посвященные ретроспективному анализу формирования и развития транспортно-логистического каркаса Южного Кавказа как единой системы, выстраиваемой на протяжении всего периода существования СССР, практически отсутствует.

При этом формирование транспортно-логистической системы Закавказского экономического района СССР осуществлялось не только исходя из сугубо экономической целесообразности, но и с учетом политических и геополитических целей и задач, формулируемых высшим руководством СССР, а также из идеологических соображений. Рассмотрение этих задач, комплексный анализ политики выстраивания транспортного каркаса Закавказского экономического района на протяжении всего периода существования СССР и на отдельных этапах, выявление мотивов приоритетного развития того или иного вида транспорта, исходя из политической целесообразности, дает ключ к комплексному пониманию современных проблем транспортно-логистической системы Южного Кавказа, актуализировавшихся, в частности, в результате политико-идеологических противоречий после распада СССР, но заложенных еще на этапе его существования.

Данное утверждение актуально также при анализе транспортно-логистической системы Республики Армения, так как основные маршруты транспортной системы РА были выстроены именно в период СССР¹. Более того, именно в период существования СССР были заложены основы диспропорции

¹ Данный тезис доказывает анализ плотности автомобильных дорог Армении в 1980г. (0,259 км/км²), и 2023г. (0,252 км/км²), не отражающий существенного расширения сети автомобильных дорог общего пользования после распада СССР (некоторое сокращение, при этом, обусловлено спрямлением ряда направлений).

онального развития отдельных видов транспорта, и после 1991г. данная тенденция сохранилась, что стало, по сути, инструментом политического давления на республику.

Основные подходы к формированию транспортно-логистической системы СССР в первые годы существования Союза

Основы современного транспортно-логистического каркаса Южного Кавказа были заложены в результате проводимой с 1930-х гг. в СССР планомерной политики по наращиванию транспортно-логистического потенциала страны, что было обусловлено необходимостью, с одной стороны, активного освоения ресурсной базы новых территорий, вошедших в состав Советского Союза, а с другой – быстрого развития промышленности, сельского хозяйства, обеспечения взаимосвязи между территориями новообразованного государства. В положении о Народном комиссариате путей сообщения СССР [3] как главного органа, ответственного за осуществление политики по развитию транспортно-логистического потенциала государства, особо подчеркивалась роль транспорта (с акцентом на железнодорожный и водный виды) как важнейшего механизма обеспечения и реализации политических, экономических и оборонных интересов СССР. Транспорт в данном контексте рассматривался как важнейший механизм обеспечения территориальной взаимосвязанности между различными регионами СССР, без чего процесс интеграции районов страны в единое экономическое и политическое пространство был бы невозможным, особенно учитывая национально-культурное разнообразие народов, входивших в состав СССР, так как слаборазвитая, фрагментированная транспортно-логистическая сеть усугубляет территориальное замыкание. Данное обстоятельство, в свою очередь, негативным образом сказывается на процессе формирования единого политико-идеологического сознания ввиду ослабления связи между центральной властью и периферией, а также низкого уровня мобильности населения между городом (в котором, как правило, уровень политического сознания выше, нежели в сельской местности как оплоте традиционного мышления)² и сельской местностью.

По итогам прошедшей в январе-феврале 1932г. XVII Конференции ВКП (б) были разработаны Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933–1937гг.), ряд пунктов которой касался

² Так, в Постановление от 19 февраля 1988г. № 272 «О государственной программе строительства и реконструкции автомобильных дорог в нечерноземной зоне РСФСР» прямо отмечается, что развитие автомобильного транспорта непосредственным образом влияет на повышение культурного уровня граждан. URL: https://e-ecolog.ru/docs/pUMlm8KKSQVuy0N07e9NM/full?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F

необходимости системного пересмотра подходов к планированию развития железнодорожного и иных видов транспорта, прокладки ок. 30 тыс. км железнодорожного полотна (с соответствующей инфраструктурой) для усиления темпов экономического развития республик, входящих в состав СССР. При этом необходимость развития транспортно-логистического потенциала страны воспринималась сквозь призму идеологических целей и установок, так как экономическое развитие государства, одним из важнейших условий которого являлось налаживание бесперебойного транспортного сообщения, рассматривалось как залог обеспечения политической мощи государства. Так, в сфере расширения транспортно-логистического потенциала государства была провозглашена необходимость внедрения принципов «стахановского движения», а также коренного пересмотра подходов к квалификации и образованию специалистов, занятых в данной отрасли [4]. В 1933г. Постановлением ЦК ВКП(б) «О политотделах на железнодорожном транспорте» [5] было принято решение о создании органов партийно-политической работы в сфере железнодорожного транспорта³, сотрудники которых путем агитационной работы с персоналом, задействованным в функционировании железнодорожного сообщения, должны были способствовать улучшению дисциплины, повышению качества работы, повышению уровня осознания важности железнодорожного транспорта в жизни страны, пресечению случаев сокрытия недобросовестной работы. Данные меры должны были привести к сокращению числа аварий в сфере ж/д транспорта, повышению эффективности осуществления грузоперевозок, сокращению масштабов перебоев в функционировании железнодорожного транспорта и т.д. В постановлении особо подчеркивалась роль железнодорожного транспорта в экономической жизни страны, связи между сельской и городской местностями, а также его ключевое значение в обеспечении обороноспособности государства. Подобные отделы были созданы также в сфере водного транспорта.

По сути, инициаторы создания данных отделов осознавали важность формирования у широких слоев населения новых политико-идеологических установок, нового типа мировоззрения с осознанием важности труда как залога личного благополучия путем достижения общего прогресса.

В 1934г. в Резолюции XVII съезда ВКП(б) (январь-февраль 1934г.), помимо ранее неоднократно декларируемой в различных программных документах необходимости развития сетей железнодорожного и водного транспорта, было заявлено о необходимости активного развития сети автомобильных дорог с целью перераспределения грузовых нагрузок на железнодорожный и водные виды транспорта. При этом, нагрузку автомобильного вида

³ В 1943г. данные органы были упразднены ввиду неэффективности деятельности последних.

транспорта предлагалось увеличить в 16 раз – с 1 млрд ткм до 16 млрд ткм. (посредством расширения также общего числа автомобилей – с 75 тыс. до порядка 580 тыс. единиц), а общую протяженность автодорог – на 210 тыс. км [6]. Провозглашался курс на строительство ключевых транспортных линий СССР – Байкало-Амурскую магистраль, ж/д Москва-Донбасс, Караганда-Балхаш и т.д., расширение системы водного транспорта (Беломорско-Балтийский канал, Москва-Волга и пр.) и т.д.

Таким образом, руководство СССР, осознавая место и роль развитой, диверсифицированной транспортно-логистической системы в вопросе эффективной реализации экономического, политического и оборонного потенциала страны, провозгласило курс на активное расширение транспортно-логистической системы СССР. Более того, необходимость развития транспортного потенциала государства была обоснована сквозь призму успешности достижения политико-идеологических целей советской власти.

Особенности развития транспортно-логистической системы СССР после Второй мировой войны

К 1950 году вопросы развития транспортно-логистического потенциала СССР становятся неотъемлемой частью Директив КПСС по пятилетним планам развития, что, помимо увеличения темпов роста промышленности, сельского хозяйства, освоения новых территорий и т.д., было продиктовано также необходимостью преодоления экономических последствий Второй мировой войны и восстановления разрушенной инфраструктуры. При этом приоритетное значение придавалось расширению сети железных дорог как наиболее эффективных и стратегически важных (несмотря на финансовую затратность на этапе прокладки и в дальнейшем обслуживании) с точки зрения осуществления грузооборота. Директивой 1951–1955 гг. предполагалось увеличение грузооборота (к 1955 г. по сравнению с 1950 г.) железнодорожного транспорта на 40%, морского транспорта – на 60%, строительство железнодорожных ветвей «Красноярск-Енисейск», «Гурьев-Астрахань» и т.д., модернизация Латвийской, Литовской и Эстонской ж/д [7].

Вместе с тем, несмотря на приоритетность в отношении развития железнодорожного транспорта, начиная с 1950-х годов наблюдается также тенденция развития автотранспорта и речного транспорта (как наименее затратных с точки зрения осуществления грузооборота и пассажирооборота), с увеличением нагрузки на 85% и 80% соответственно. Была поставлена задача по улучшению качественных характеристик системы, в частности, повышению уровня безопасности на автомобильных дорогах (улучшение качества покрытия, системы дорожных знаков и т.д.).

Значительное внимание проблемам развития транспорта и инфраструктуры было уделено в программе Шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы [8]. Развитие транспортно-логистического потенциала страны воспринималось теперь не просто с точки зрения реализации внутренних потребностей государства в вопросах обеспечения эффективной связи между различными регионами страны, в частности, обеспечения транспортной связи между Центральной Россией и районами Донбасса, Кавказа, Средней Азии, Урала и Поволжья, Урала и Сибири и т.д., увеличения товарооборота по Дальневосточному, Азово-Черноморскому и Северному морским путям и т.д. Транспортная система рассматривалась теперь в качестве инструмента для поддержания экономической связи и геополитического сотрудничества с приграничными соседями, разделяющими идеологические и политические установки СССР, в частности, Китайской Народной Республикой (путем строительства ж/д ветви «Алма-Ата – Госграница») [9], а также расширения сферы геополитического влияния на сопредельные государства и регионы путем наращивания товарооборота, осуществление которого невозможно без эффективной транспортно-логистической связи.

Планомерное выстраивание и развитие транспортно-логистической сети СССР привело к тому, что к 1970-м годам в транспортной сфере от политики выстраивания транспортно-логистической системы был, условно, осуществлен переход к политике повышения качества функционирования транспортно-логистической сферы (что отражено, в частности, в Директиве XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. [10]). Данная тенденция была сохранена и далее.

При этом, развитие эффективной сети транспортно-логистических путей все еще воспринималось как органичное, политически-значимое продолжение реализации идей социализма на пути к коммунизму. Так, комментируя строительство БАМа, руководитель строительно-монтажного поезда А. Фролов в беседе с сотрудником журнала «Огонек» отметил: «Тут сильно политическая жизнь! Мы, как говорится, не дорогу – людей строить будем. Да... Людей... Обкатка поколения...» [11], а лозунг «БАМ – ударная стройка коммунизма» – был неотъемлемым лозунгом этого масштабного мероприятия.

В целом, за период 1940–1988 гг. в СССР было проложено ок. 123 тыс. км железнодорожных путей, 1156 тыс. км шоссейных дорог с твердым покрытием, а общая протяженность автомобильных дорог на период 1988 г. составила 1737 тыс. км [12]. При этом, несмотря на то, что основной акцент в Директивах к составлению пятилетних планов развития был сделан на развитии железнодорожной сети, масштабы строительства шоссейных дорог с твердым покрытием (и шоссейных дорог в целом) были значительно выше масштабов строительства железных дорог (Рис. 1.), что было обусловлено рядом объек-

тивных причин (в частности, особенностями рельефа, финансовой целесообразностью, затратностью строительных работ и обеспечения необходимой численности подвижного состава и т.д.).

Выделяемые же государством средства на реализацию проектов расширения сети железнодорожного транспорта и автотранспорта, несмотря на декларируемый государством приоритет в вопросе развития сети железнодорожного сообщения, были практически равны: так, в период с 1970–1985 гг. на строительство железных дорог на пятилетний период выделялось в среднем 19753 млн рублей, в то время как на строительство автомобильных путей – в среднем 19733 млн рублей⁴.

Рисунок 1. Эксплуатационная длина железных дорог и шоссейных дорог с твердым покрытием (1940–1988 гг.) (тыс. км)⁵.

Вместе с тем, в соотношении общей протяженности отдельных видов транспортных путей, а также их плотности к территории СССР Советский Союз значительно уступал своему главному сопернику – США. Так, к 1985 году общая протяженность железнодорожных путей общего пользования в

⁴ Расчет сделан на основе данных статистического сборника «Транспорт и связь СССР». М.: «Финансы и статистика», 1990.

⁵ Источник: составлено автором на основе данных статистического сборника «Транспорт и связь СССР». М.: Государственное статистическое изд-во, 1957; «Транспорт и связь СССР». М.: «Финансы и статистика», 1990.

СССР с территорией порядка 22402 тыс.км² составляла 145 тыс.км (в совокупности с путями необщего пользования – 249 тыс.км), шоссейных дорог – 1542,6 тыс.км., при этом плотность железнодорожных путей общего пользования составляла 6,5 км/тыс.км², плотность шоссейных дорог общего пользования – 44 км/тыс.км² [13]. Общая же протяженность железнодорожных путей в США с территорией порядка 9826,6 тыс.км² в 1985г. составляла 235 тыс.км, шоссейных дорог – 6214 тыс.км., при плотности железнодорожных путей общего пользования – 25 км/тыс.км², плотности шоссейных дорог общего пользования – 663 км/тыс.км² [14].

Относительно низкая плотность путей сообщения оказывала негативное влияние на эффективность интеграции отдельных регионов в единое политико-культурное и экономическое пространство СССР, и руководство страны осознавало важность развитой транспортной сети в вопросе обеспечения политико-культурной интеграции. Так, в Постановление от 19 февраля 1988 г. N 272 «О государственной программе строительства и реконструкции автомобильных дорог в нечерноземной зоне РСФСР» прямо отмечается, что развитие автомобильного транспорта оказывает непосредственное влияние на повышение культурного уровня граждан [15], как результат – способствует повышению уровня политической культуры граждан.

Анализ же в сфере иных видов транспорта, в частности, водного транспорта, который мог бы выступать в качестве альтернативы вышеотмеченным видам транспорта, учитывая географические особенности СССР, показал, что несмотря на значительно бо́льшую протяженность внутренних водных путей сообщения в СССР (126,6 тыс. км) по сравнению с США (41,1 тыс.км), грузооборот в США внутренним водным транспортом практически в 2 раза превышал грузооборот аналогичным видом транспорта в СССР: 440 млрд тонн-километров и 261 млрд тонн-километров соответственно [16].

Отмеченные обстоятельства порождают ряд вопросов относительно эффективности реализации транспортно-логистической политики СССР, особенно с учетом декларируемых в программных документах целей и задач, а также плановых показателей. Кроме того, в программных документах, в которых тем или иным образом были отражены плановые установки и вопросы развития транспортно-логистической системы Союза, прослеживается отсутствует четко сформулированного, развернутого стратегического обоснования тех или иных транспортных проектов, политическая и экономическая целесообразность их реализации. Провозглашение же политических и геополитических целей в вопросах развития транспортно-логистического потенциала СССР и реализации ряда проектов (как, например, в упомянутом Шестом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР) носят фрагментарный, декларативный характер, так и не получив доктринального оформления, что,

на наш взгляд, в условиях сложившейся международной обстановки и идеологического противостояния с капиталистическими странами было необходимым условием для эффективной реализации транспортных проектов, которые в перспективе могли выступать в качестве инструмента политического влияния на фоне проблем в области транспортного развития в пограничных государствах.

Особенности выстраивания транспортной системы Закавказского экономического района как важнейшего звена транспортно-логистического каркаса СССР

Важное место в транспортном каркасе СССР занимал Закавказский участок транспортной сети, играющий значительную роль в вопросах транспортировки продуктов нефтепромышленности, полезных ископаемых (преимущественно – марганцевой руды, сырья алюминиевой промышленности), продукции промышленного производства (в частности, продукции химической промышленности: каустическая сода, каучук, удобрения, карбид кальция, газовая сажа и пр.), машиностроения, сельского хозяйства, обеспечения маневренности военных сил.

Стратегическая значимость данного участка была обусловлена также пограничным положением Закавказского района с Ираном и Турцией, что было особенно важно в условиях протекающих на международной арене процессов, направленных на расширение сфер влияния Великобритании, Германии, США, СССР, Турции и т.д.

Закавказский участок транспортной сети играл важную роль, в частности, в плане наступления фашистской Германии через Кавказ с целью овладения нефтяными районами и дальнейшего продвижения на Багдад [17]. В разделе «Оценка противника» было отмечено, что военно-политическое руководство СССР рассматривает Кавказ и Закавказье в качестве защитного барьера нефтяных месторождений и возможности выхода к Персидскому заливу, и что оно ожидает наступление войск Германии в данном направлении именно исходя из наличия на данном участке пригодных для передвижения военных сил дорог [18].

К 1923г. основной грузопоток осуществлялся с задействованием железнодорожного сообщения по двум основным направлениям: Баку-Батуми (через Баладжары, далее Поти-Михайлово), Навтлуг-Александрополь-Ереван-Джульфа [19]. Функционировало также третье направление – Сабучинская, Сурамская, Боржомская и Бакурианские ветви, однако, грузопоток по данным ветвям составлял порядка 10% по сравнению с общим грузопотоком по двум основным направлениям.

Важное значение придавалось удлинению ж/д ветки по маршруту «Джульфа-Алят» как кратчайшему маршруту, соединяющему Российские

железные дороги с Арменией и Азербайджаном, а также Тавризской ж/д, что позволяло увеличить эффективность и объемы товарооборота с Ираном (и далее – с Турцией, благодаря удобному географическому расположению Котурчайского и Ханесурского перевалов), заинтересованной в расширении торговли с целью нивелирования влияния Великобритании, а также осуществлении эффективного сообщения между Тегераном и Тавризом ввиду отсутствия развитой транспортной инфраструктуры между отмеченными городами (и по всей территории Ирана в целом⁶), что делало маршрут «Джульфа-Тавриз-Баку-Энзели» стратегически важным для Ирана⁷. Более того, в рамках прошедшего с 1-го по 6-е марта 1923г. в Тбилиси Закавказского Экономического Совещания особо подчеркивалось, что железнодорожное направление «Баку-Батуми» (с выходом в Карс и Джульфу) прокладывалось именно исходя из политико-стратегических интересов, нежели исходя из экономической целесообразности [20].

Политический аспект необходимости поддержания транспортного сообщения между СССР и Ираном был обусловлен, в частности, соперничеством СССР с США, Великобританией и Германией за раздел сфер влияния также на восточном направлении. Так, к августу 1919г. правительство Великобритании в лице британского посланника в Иране Перси Кокса добилось, по сути, денонсации действующего от 1907г. англо-русского соглашения (согласно которому Иран был разделен на зоны влияния между Англией и Россией) подписанием нового соглашения с Персией, согласно которому британская сторона обязалась выделить значительный финансовый займ правительству Персии, способствовать реформированию экономики и армии, выстраиванию транспортной системы [21]. Соглашение значительно ослабляло позиции России в Персии, а также вызвало недовольство националистически настроенного местного населения, которое после столкновений большевистских и английских войск в Энзели и отступления

⁶ В дальнейшем данное обстоятельство значительным образом повлияло на процесс строительства Трансиранской железной дороги, которая воспринималась Ираном как инструмент суверенизации страны.

⁷ В данном контексте стоит, однако, отметить, что данная заинтересованность была, скорее, вынужденной, так как с точки зрения экономических условий осуществление товарооборота с СССР вызывало раздражение иранской стороны (о чем свидетельствует ряд исторических документов, например, письмо временного поверенного в делах СССР в Иране И.А. Карташева народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову. 21 января 1939г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/104991-pismo-vremennogo-poverennogo-v-delah-sssr-v-irane-i-a-kartasheva-narodnomu-komissaru-inostrannyh-del-sssr-m-m-litvinovu-21-yanvary-1939-g#mode/-inspect/page/3/zoom/4>), так как Советский Союз, пользуясь геополитической ситуацией, сложившейся вокруг Ирана и учитывая его стремление снизить зависимость от британского капитала, осуществлял закупки местной продукции (в частности, хлопка) по заниженным ценам.

последних рассматривало сотрудничество с большевистским правительством как возможность ослабления позиций Великобритании. В свете этого руководство СССР считало важным налаживание бесперебойного транспортного сообщения с Ираном для активизации экономических отношений с целью усиления политического влияния в стране, что, свою очередь, находило свое отражение в политике выстраивания транспортно-логистической системы Закавказского экономического района.

Среди основных проблем Закавказских железных дорог к 1923г. были выделены проблемы электрификации станций, необходимость увеличения их протяженности (что было обусловлено также несоответствием пропускной способностью линий росту интенсивности грузопотока и пассажиропотока), а также необходимость обновления подвижных составов.

Среди шоссейных дорог государственного значения [22], требовавших значительных инвестиций ввиду изношенности (которые потенциально могли бы разрешить вопрос чрезмерной загруженности железнодорожного транспорта, а также снизить затраты на транспортировку), к 1923г. выделялись: «Военно-Грузинская», «Военно-Осетинская», «Тбилиси-Манглис», «Михайлово-Боржом», «Ахалцых-Кутаис», Черноморская, «Актафа-Дилижан-Александрополь», «Дилижан-Еленовка-Ереван», «Евлах-Шуши» и т.д.

Ряд проблем наблюдался также в функционировании крупнейших портов: Батуми, Поти, Баку, Сухуми, технические характеристики которых, в частности, в вопросах необходимой глубины входа в порт, состояния причала, наличия необходимых механизмов для осуществления разгрузочных работ, состояние примыкающих транспортных линий, не позволяли полноценным образом задействовать их потенциал, в результате чего на период к 1923г. большинство данных портов реализовывали свой потенциал примерно на 20–25% от показателей, зафиксированных в 1913г.

Необходимость разрешения вышеотмеченных проблем, а также выстраивания эффективной транспортно-логистической сети была обусловлена быстрым ростом промышленности в Закавказском экономическом районе (Рис. 2, с сохранением тренда в последующем десятилетии), увеличивающейся численностью населения республик, входящих в Закавказский экономический район (Рис. 3., с сохранением тренда в последующем десятилетии), необходимостью налаживания внутрирайонных связей.

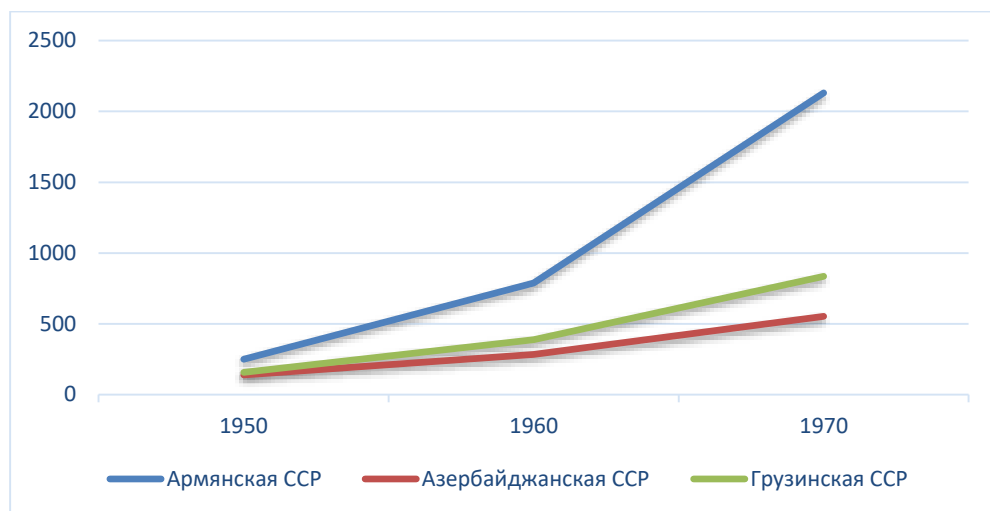

Рисунок 2. Темпы роста общего объема продукции промышленности в странах Закавказского экономического района (1940–1970гг.) (в % к 1940г.)⁸.

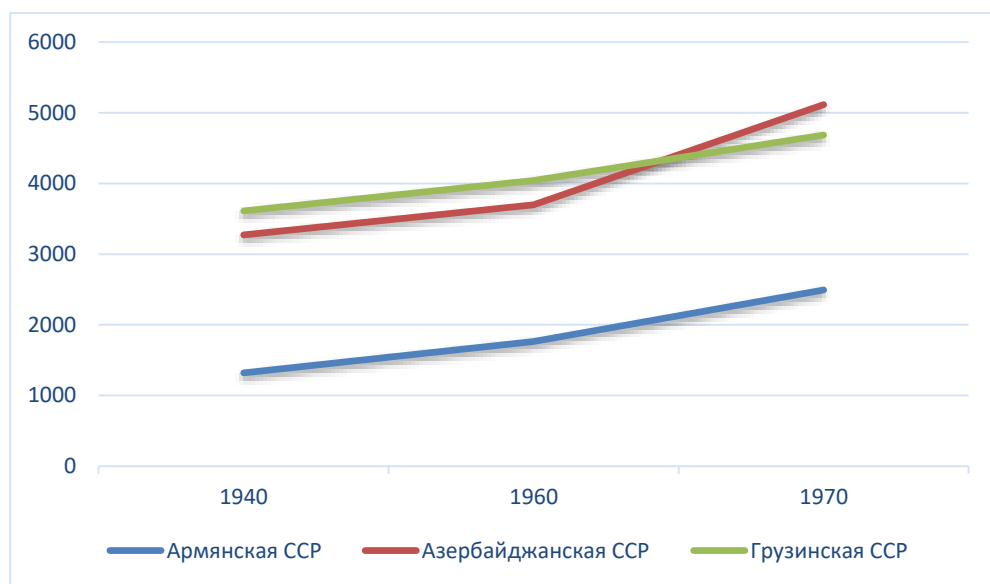

Рисунок 3. Темпы роста численности населения в странах Закавказского экономического района (1940–1970гг.) (тыс. чел.)⁹.

⁸ Составлено на основе данных статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник)», М.: Изд-во «Статистика», 1971. С. 139.

⁹ Составлено на основе данных статистического сборника «СССР в цифрах в 1985г.», М.: Изд-во «Финансы и статистика», 1986. С. 7.

В период 1940–1970 гг. в Закавказском экономическом районе было проложено 1030 км железнодорожных путей общего пользования и около 2 тыс. км путей необщего пользования [23]. К 1970 г. основной грузопоток Закавказского экономического района осуществлялся по ж/д магистрали «Веселое-Цхакая-Самтредия-Навтлуги-Актафа-Алят-Баладжары» с ответвлениями Поти, Батуми, Ленинакан, Масис, Джульфа, Дербент, Баку [24]. При этом, протяженность железнодорожных линий, плотность железнодорожной сети не соответствовали темпам роста промышленного производства и требовали значительной модернизации. Так, согласно оценке К.Н. Хуршудяна, для обеспечения эффективного обслуживания потребностей экономики Закавказского экономического района требовалось увеличить протяженность железнодорожной сети на 2680 км [25].

В Армении на период 1970 г. основной внутренний грузопоток осуществлялся преимущественно автомобильным транспортом. Выделялись 4 основных направления из Еревана: Ленинакан (далее – с возможностью задействования ж/д ответвления для осуществления межрайонных перевозок), Кировакан, Алаверди, Севан.

При этом, несмотря на тот факт, что уже к 1980 г. по плотности ж/д путей и автомобильных дорог республик Закавказского экономического района значительно опережали ряд стран СССР (Рис. 4¹⁰), однако, недостаточная разветвленность железнодорожной сети Армянской ССР и Азербайджанской ССР, а также недостаточная протяженность автомобильных дорог и неравномерность их распределения в целом в Закавказском экономическом районе являлись серьезным препятствием для развития промышленности (ввиду ее неравномерного территориального расположения, что было также обусловлено особенностями транспортно-логистической системы региона), эффективного осуществления межрайонного сообщения и равномерного распределения населения территорий республик, что, с точки зрения, в частности, демографической безопасности, является одной из основных угроз для обеспечения национальной безопасности.

¹⁰ Рассчитано автором на основе данных: Транспорт и связь СССР: Статистический сборник / М.: Изд-во «Финансы и статистика», 1990. С. 111; СССР в цифрах в 1985 г. Краткий статистический сборник. М.: Изд-во «Финансы и статистика», 1986. С. 7; Народное хозяйство СССР в 1980 году (Статистический ежегодник), М.: Изд-во «Финансы и статистика», 1981. С. 307.

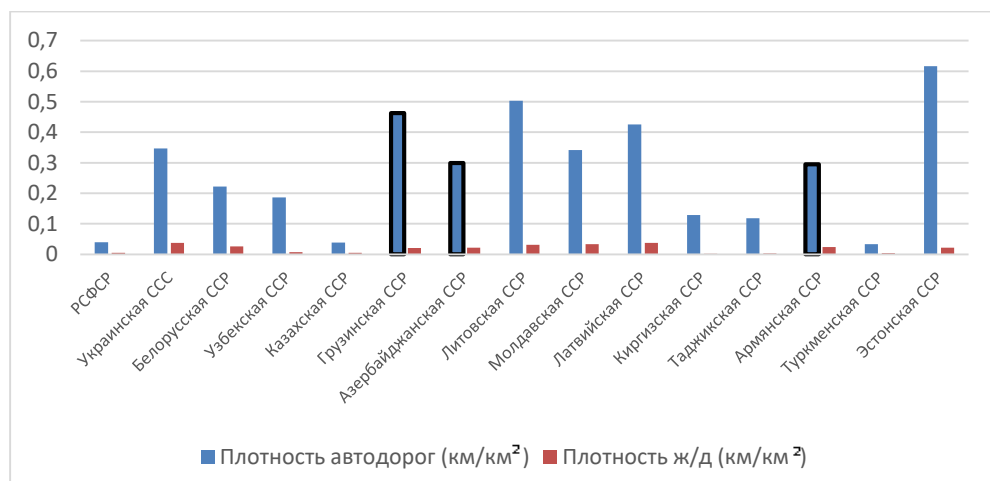

Рисунок 4. Плотность автомобильных дорог и железнодорожных путей общего пользования, 1980г. (км/км²).

Более того, анализ плановых Директив КПСС по развитию народного хозяйства вплоть до 1975г. показал отсутствие восприятия транспортно-логистической сети Союза как единой, гармонично развитой системы, в которой различные виды транспорта взаимодополняют друг друга (а не находятся в состоянии конкуренции, либо обособленного развития) с целью выстраивания единого транспортно-логистического каркаса государства.

Заключение

Таким образом, процесс выстраивания транспортно-логистической системы СССР и Южного Кавказа, в частности, преследовал не только сугубо экономические цели, но и являлся инструментом выстраивания единого политического пространства, а также расширения геополитического влияния. Однако анализ программных документов, решений съездов, директив, резолюций КПСС, документов Наркома путей сообщения СССР и иных документов показал отсутствие системного, последовательного подхода к позиционированию транспортно-логистической системы как инструмента политического и геополитического влияния, хотя имплицитно и на уровне отдельных документов, а также в реализации ряда транспортно-логистических проектов данный подход прослеживался.

Данный недостаток, на наш взгляд, значительным образом препятствовал эффективности процесса выстраивания транспортно-логистической системы СССР, о чем свидетельствует ряд исторических документов, авторы которых отмечали необходимость донесения до широких масс идеи о важности расширения транспортных сетей и повышения эффективности деятельности уже

существующих дорожных маршрутов как важнейшего инструмента построения процветающего социалистического общества.

Помимо этого, с учетом сложной международной ситуации, идеологического противостояния ведущих международных игроков, борьбы за расширение сферы политического влияния и в отношении Ирана, Турции, Китая, Индии и др. транспортно-логистические проекты могли стать эффективным инструментом реализации политических целей СССР, в частности, посредством развития транспортной системы Южного Кавказа как важнейшего пограничного района Союза, имевшего серьезный международный транспортный потенциал. Однако необходимость развития транспортной системы Закавказского экономического района рассматривалась преимущественно сквозь призму внутригосударственной экономической целесообразности, а отдельные заявления о необходимости расширения транспортной сети Армянской ССР, Грузинской ССР и Азербайджанской ССР, исходя из геополитической целесообразности, не получили своего программного оформления, и, по сути, не были реализованы в полном объеме. Не был реализован также транзитный потенциал региона, который в условиях сложившейся геополитической конъюнктуры мог стать весомым международным транспортным коридором ввиду своего геополитического расположения и ряда проблем транспортно-логистического характера в сопредельных регионах.

Более того, отсутствие системного, последовательного подхода к выстраиванию транспортной системы СССР, в целом, привело к диспропорциональности развития отдельных видов транспорта, а также недостаточному уровню диверсификации маршрутов в республиках, входящих в Закавказский экономический район, в частности. Последствия подобной ситуации стали в полной мере очевидными после распада СССР, особенно на фоне возникших на территории бывшего Закавказского экономического района военных конфликтов (Нагорно-Карабахский конфликт, Грузино-Абхазский, Грузино-Осетинский конфликты), в рамках которых стороны стали использовать фактор диспропорционального развития отдельных видов транспорта в республиках Южного Кавказа, а также недостаточной диверсификации транспортно-логистических маршрутов в качестве инструментов политического влияния на оппонента (например, Транскавказская магистраль, автомобильная дорога Тбилиси-Зугдиди-Очамчира-Сухуми-Сочи, ж/д Баку-Тбилиси-Гюмри-Карс, вопрос «Зангезурского коридора» и т.д.). Таким образом, сложившаяся сегодня в регионе Южного Кавказа ситуация в сфере транспорта – результат непоследовательности в вопросе осуществлении транспортно-логистической политики СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meister S. Geopolitics of Infrastructure and Connectivity in the South Caucasus: The Case of Armenia and Azerbaijan // *Caucasus Analytical Digest*, 132, 2023. PP. 21–25; Papava V., Charaia V. Regional railways in the Central Caucasus and Georgia's economic interests

- // *The Caucasus & Globalization*, №1–2, 2014. PP. 58–67; *Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А.* Проблемы интеграции и инновационного развития транспортных систем России и стран Южного Кавказа // Монография. Институт проблем рынка РАН, 2011; *Пылин А.* Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // «Геоэкономика энергетики», № 4. 2018.; *Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Мустафаев А.А.* Развитие транспортных систем государств Южного Кавказа и российские интересы // РППЭ, №1. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-transportnyh-sistem-gosudarstv-yuzhnogo-kavkaza-i-rossiyskie-interesy> (дата обращения: 15.07.2025).
2. *Исмаилова А.М.* Значение железнодорожного транспорта в развитии экономики Южного Кавказа на рубеже веков (XIX – начало XXв.) // «Вестник Челябинского государственного университета», № 18 (309), 2013. СС. 27–30; *Чо Ё.* Развитие сотрудничества стран на Южном Кавказе в сфере железнодорожного транспорта. Роль международного режима после Карабахской войны // «Мировая политика», № 1, 2021. СС. 16–24.
 3. Постановление 3-й сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР I созыва. Положение о Народном Комиссариате Путей Сообщения Союза Советских Социалистических Республик. 12 ноября 1923г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/359455-postanovlenie-3-y-sessii-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-soyuza-s-s-r-i-sozyva-polozhenie-o-narodnom-komissariate-putey-soobscheniya-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-12-noyabrya-1923-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 4. Резолюция пленума ЦК ВКП(б), 25 декабря 1935г. Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354631-rezolyutsiya-plenuma-tsk-vkp-b-25-dekabrya-1935-g-voprosy-promyshlennosti-i-transporta-v-svyazi-so-stahanovskim-dvizheniem#mode/inspect/page/9/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 5. Постановление ЦК ВКП(б) «О политотделах на железнодорожном транспорте. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/8618#mode/inspect/page/84/zoom/5> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 6. Резолюция XVII съезда ВКП(б), январь-февраль 1934г. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937гг.) (Извлечение). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354611-rezolyutsiya-xvii-sezda-vkp-b-yanvar-fevral-1934-g-o-vtorom-pyatiletнем-plane-razvitiya-narodnogo-hozyaystva-sssr-1933-1937-gg-izvlech-enie#mode/inspect/page/10/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 7. Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955гг. Приняты XIX съездом КПСС 10 октября 1952г. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952гг. М.: «Политиздат», 1968. СС. 729–731. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246669-direktivы-po-pyatому-pyatiletнему-planu-razvitiya-sssr-na-1951-1955-gg-prinyaty-xix-sezdom-kpss-10-oktyabrya-1952-g#mode/inspect/page/16/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 8. Двадцатый съезд КПСС. Москва. 14–25 февраля 1956г. Резолюции и постановления съезда. Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. М.: «Политиздат», 1986. (58) СС. 59–63. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446297-dvadtsaty-sezd-kpss-moskva-14-locale-nil-25-fevralya-1956-g>

- rezolyutsii-i-postanovleniya-sezda-direktivyy-xx-sezda-kpss-po-shestomu-pyatiletнему-planu-razvitiya-narodnogo-hozyaystva-sssr-na-1956-locale-nil-1960-gody#mode/inspect/page/32/zoom/4 (дата обращения: 11.03.2025г.).
9. Там же.
 10. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975гг. Утверждены 9 апреля 1971г. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 8. 1970 г. – февраль 1972г. М.: «Политиздат», 1972. (124). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355744#mode/inspect/page/33/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 11. Журнал «Огонек», апрель, № 17 М.: Изд-во «Правда», 1975. С. 18. URL: https://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/%27%27Ogonek%27%27_%28jurnal%29/%ce%e3%ee%ed%e5%-ea,%201975,%20%b917.pdf
 12. Статистический сборник «Транспорт и связь СССР». М.: «Финансы и статистика», 1990.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.02.1988, № 272, «О Государственной программе строительства и реконструкции автомобильных дорог в Нечерноземной зоне РСФСР» URL: https://e-ecolog.ru/docs/pUMlm8KKSQVuy0N07e9NM/full?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 07.03.2025г.).
 16. Там же.
 17. План наступления через Кавказ. Июль 1941г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/333664#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 10.03.2025г.)
 18. Там же.
 19. Труды Закавказского Экономического Совещания (1–6 марта 1923г.). Ч. II. Тифлис, Закркрайком ВКП(б), 1923. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82574-ch-2-1923#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.).
 20. Труды Закавказского Экономического Совещания (1–6 марта 1923г.). Ч. I. Тифлис, Закркрайком ВКП(б), 1923. С. 35.
 21. *Арабаджян З.А.* Иран: Противостояние империям (1918–1941). М., 1996. С. 18. URL: <https://www.knigago.com/books/history-all/sci-history/734253-z-a-arabadzhyan-iran-protivostoyanie-imperiyam-1918-1941/?p=2>
 22. Труды Закавказского Экономического Совещания (16 марта 1923г.). Ч. II. Тифлис, Закркрайком ВКП(б), 1923. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82574-ch-2-1923#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 11.03.2025г.)
 23. *Хуришудян К.Н.* Проблемы развития транспорта Закавказского экономического района. Ер.: изд-во ЕГУ, 1972, 238с. С. 33.
 24. Там же.
 25. Там же. С.11.

REFERENCES

1. *Meister S.* Geopolitics of Infrastructure and Connectivity in the South Caucasus: The Case of Armenia and Azerbaijan // *Caucasus Analytical Digest*, 132, 2023. PP. 21–25; *Papava V., Charaia V.* Regional railways in the Central Caucasus and Georgia's economic interests // *The Caucasus & Globalization*, №1-2, 2014. PP. 58–67; *Tsvetkov V., Zoidov K., Medkov A.* Problems of integration and innovative development of transport systems of Russia and the South Caucasus countries // *Monograph. Market Problems Institute of the Russian*

- Academy of Sciences, 2011; Pylin A. International transport corridors in the South Caucasus and their transit potential // *Goeconomics of Energy*. 2018. № 4; *Tsvetkov V., Zoidov K., Medkov A., Mustafaev A.* Development of transport systems of the South Caucasus states and Russian interests // *RPET*. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-transportnyh-sistem-gosudarstv-yuzhnogo-kavkaza-i-rossiyskie-interesy> (accessed: 15.07.2025).
2. *Ismailova A.* The Importance of Railway Transport in the Development of the Economy of the South Caucasus at the Turn of the Century (19th – Early 20th Centuries) // “Bulletin of the Chelyabinsk State University”, № 18 (309), 2013. PP. 27–30; Cho Y. Development of Cooperation between Countries in the South Caucasus in the Sphere of Railway Transport. The Role of the International Regime after the Karabakh War // “World Politics”, № 1, 2021. PP. 16–24.
 3. Resolution of the 3rd session of the Central Executive Committee of the USSR of the 1st convocation. Regulations on the People's Commissariat of Railways of the Union of Soviet Socialist Republics. November 12, 1923. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/-359455-postanovlenie-3-y-sessii-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-soyuza-s-s-r-i-soz-yva-polozhenie-o-narodnom-komissariate-putey-soobscheniya-soyuza-sovetskih-sotsialistich-eskih-respublik-12-noyabrya-1923-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 4. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), December 25, 1935. Questions of Industry and Transport in Connection with the Stakhanovite Movement. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354631-rezolyutsiya-plenuma-tsk-vkp-b-25-dekabrya-1935-g-voprosy-promyshlennosti-i-transporta-v-svyazi-so-stahanovskim-dvizheniem#mode/inspect/page/9/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 5. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) “On political departments in railway transport. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8618#mode/inspect/page/84/zoom/5> (accessed: 11.03.2025).
 6. Resolution of the 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), January-February 1934. On the Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1933–1937) (Extract). Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354611-rezolyutsiya-xvii-sezda-vkp-b-yanvar-fevral-1934-g-o-vtorom-pyatiletнем-plane-razvitiya-narodnogo-hozyaystva-sssr-1933-1937-gg-izvlech-enie#mode/inspect/page/10/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 7. Directives on the Fifth Five-Year Plan for the Development of the USSR for 1951–1955. Adopted by the 19th Congress of the CPSU on October 10, 1952. Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 volumes: Coll. documents for 50 years. Vol. 3. 1941–1952. M.: “Politizdat”, 1968. PP. 729–731. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246669-direktivы-po-pyatomu-pyatiletнему-planu-razvitiya-sssr-na-1951-1955-gg-prinyaty-xix-sezdom-kpps-10-oktyabrya-1952-g#mode/inspect/page/16/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 8. 20th Congress of the CPSU. Moscow. February 14–25, 1956. Resolutions and decisions of the congress. Directives of the 20th Congress of the CPSU on the Sixth Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR for 1956–1960. The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 9. 1956–1960. Moscow: “Politizdat”, 1986. (58). PP. 59–63. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446297-dvadtsatyy-sezd-kpps-moskva-14-locale-nil-25-fevralya-1956-g-rezolyutsii-i-postanovleniya-sezda>

- direktivyy-xx-sezda-kpss-po-shestomu-pyatiletnemu-planu-razvitiya-narodnogo-hozyaystva-sssr-na-1956-locale-nil-1960-gody#mode/inspect/page/32/zoom/4 (accessed: 11.03.2025).
9. Ibid.
 10. Directives of the XXIV Congress of the CPSU on the five-year plan for the development of the national economy of the USSR for 1971–1975. Approved on April 9, 1971. Decisions of the party and government on economic issues: Coll. doc. Vol. 8. 1970-February 1972. M.: "Politizdat", 1972. (124). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355744#mode/inspect/page/33/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 11. Magazine "Ogonyok", April, № 17, , M., Publishing House "Pravda", 1975. P. 18. URL: https://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/%27%27Ogonek%27%27_%28jurnal%29/%ce%e3%e-e%ed%e5%ea,%201975,%20%b917.pdf
 12. Statistical book "Transport and communications of the USSR". M.: "Finances and statistics", 1990.
 13. Ibid.
 14. Ibid.
 15. Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of 19.02.1988 № 272 "On the State Program for the Construction and Reconstruction of Highways in the Non-Black Earth Zone of the RSFSR". URL: https://e-ecolog.ru/docs/p-UlMm8KKSQVuy0N07e9HM/full?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com-%2F (accessed: 07.03.2025).
 16. Ibid.
 17. Plan of attack through the Caucasus. July 1941. URL: <https://docs.historyrussia.org-ru/nodes/333664#mode/inspect/page/1/zoom/4> (accessed: 10.03.2025).
 18. Ibid.
 19. Proceedings of the Transcaucasian Economic Conference (March 1–6, 1923). Part II. Tiflis, Zakrkraicom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1923. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82574-ch-2-1923#mode/inspect/page/5/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 20. Proceedings of the Transcaucasian Economic Conference (March 1–6, 1923). Part I. Tiflis, Zakrkraicom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1923.
 21. Arabajyan Z. Iran: Confrontation with Empires (1918–1941). Moscow, 1996. Page 18. URL: <https://www.knigago.com/books/history-all/sci-history/734253-z-a-arabadzhyan-iran-protivostoyanie-imperiyam-1918-1941/?p=2> (In Russian).
 22. Proceedings of the Transcaucasian Economic Conference (March 1–6, 1923). Part II. Tiflis, Zakrkraicom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1923. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82574-ch-2-1923#mode/inspect/page/5/zoom/4> (accessed: 11.03.2025).
 23. Khurshudyan K. Problems of transport development in the Transcaucasian economic region. Er.: ESU Publishing House, 1972, 238p. P. 33. (in Russian).
 24. Ibid.
 25. Ibid. P. 11.

FEATURES OF THE FORMATION OF THE TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEM OF THE SOUTH CAUCASUS DURING THE USSR PERIOD: PROBLEMS AND APPROACHES IN THE NEW POLITICAL REALITY

N. Margaryan

Russian-Armenian (Slavonic) university

ABSTRACT

The modern basis of the transport and logistics framework of the South Caucasus is the result of the systematic construction of the transport and logistics system of the Transcaucasian economic region during the period of the USSR. The need for accelerated development of the transport system of the newly formed USSR in the context of a new ideological paradigm, with the involvement of broad sections of the population, the need to ensure territorial interconnection and political integration of territorial units included in the USSR, as well as against the background of the state's participation in World War II, gave rise to a number of problems in the issue of building an effective transport network, which to this day affect the transport and logistics system of the South Caucasus, in particular, Armenia, Georgia and Azerbaijan, which is especially relevant in the context of political processes taking place in the international arena and the aggravation of political contradictions between countries. The aim of the work is to analyze the policy of the USSR in the sphere of construction and development of the transport and logistics system of the Transcaucasian economic region, political motives for the development of the transport network of this region, identification of the main problems that had (in addition to the conflicts in this territory in the post-Soviet period) a significant impact on the current state of the transport framework of the South Caucasus.

The author studied historical documents reflecting the process of building the transport system of the USSR and the South Caucasus (in the trans. USSR – Transcaucasian economic region), particularly, using a comparative analysis of the transformation of approaches to the development of individual modes of transport was carried out, political and geopolitical motives that influenced the implementation of approaches to building the transport framework of the Soviet Union and the Armenian, Georgian and Azerbaijan SSRs were considered and identified.

Keywords: transport system of the USSR, transport system of the Armenian SSR, transport system of the Azerbaijan SSR, transport system of the Georgian SSR, rail communication, automobile communication.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-135-145
УДК 341

Поступила: 04.12.2024г.
Сдана на рецензию: 06.12.2024г.
Подписана к печати: 21.02.2025г.

ОГОВОРКА “REBUS SIC STANTIBUS” И КАРССКИЙ ДОГОВОР ОТ 13 ОКТЯБРЯ 1921 ГОДА

В.А. Оганесян

Российско-Армянский (Славянский) университет
volodya.hovhannisyan@rau.am
ORCID: 0009-0000-1385-4548

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования – раскрыть международно-правовое содержание оговорки *rebus sic stantibus* и ее влияние на действительность международных договоров. Научная новизна работы заключается в том, что Карсский договор от 13 октября 1921г., заключенный 100 лет назад, рассматривается в контексте современного международного права и особенно с точки зрения оговорки *rebus sic stantibus*. В результате проведенного анализа взаимодействия принципов *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus* в статье отмечается, что между этими дефинициями не только нет противоречий или элемента состязания, но, наоборот, они объективно взаимообусловлены, и как юридические постулаты развивались и будут в дальнейшем развиваться параллельно. Автор статьи, рассматривая Карсский договор с точки зрения оговорки *rebus sic stantibus*, приходит к выводу, что в настоящее время он действует лишь как документ, определяющий статус Нахиджевана и государственные границы сторон договора.

Ключевые слова: действительность международных договоров, современное международное право, юридические постулаты, международно-правовая концепция, государственные границы.

В 26-й статье Венской конвенции о праве международных договоров 1969г. отмечается, что «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». Это положение в науке международного права сформулировано как принцип, согласно которому «договоры должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*)». Этот принцип возник вместе с международным правом в результате всестороннего международного сотрудничества государств. Без него невозможно существование международного права и международного сотрудничества [1], так как было бы бессмысленно заключать международный договор, если у государства или

других международных акторов не было готовности соблюдать взятые на себя обязательства по данному договору.

Принцип *pacta sunt servanda* по существу является юридической основой, обеспечивающей действительность международного договора.

Международно-правовая концепция о действительности международных договоров базируется на презумпции, согласно которой договор может иметь преимущественную силу, если фактические и правовые обстоятельства вокруг него неизменны и относительно стабильны, цель и условия заключения договора не претерпевают существенных изменений и продолжают отвечать ожиданиям сторон договора.

Иначе говоря, договор считается юридически действительным пока на основе международного права, то есть на основе Венской конвенции о праве международных договоров не установлена его недействительность [2]. Очевидно, что в этом вопросе граница усмотрения государств об основах недействительности международного договора находится исключительно в пределах права и не может иметь политические, экономические или иные составляющие.

В праве международных договоров существует оговорка под названием *rebus sic stantibus*. Данная формулировка в научной литературе часто встречается также под названием: «клаузула *rebus sic stantibus*»¹. Этим латинским термином называют правовую доктрину, согласно которой действующий международный договор для сторон/стороны становится неприменимым из-за фундаментального изменения обстоятельств.

Согласно ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969г., на коренное изменение, которое произошло в отношении обстоятельств, существовавших при заключении договора и которое не предвиделось участниками, нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора или выхода из него, за исключением тех случаев, когда: наличие таких обстоятельств составляло существенное основание согласия участников на обязательность для них договора; и последствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, которые все еще подлежат выполнению по договору. Одновременно, в пункте 3 данной статьи установлено, что «На коренное изменение обстоятельств нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора или выхода из него:

- а) если договор устанавливает границу или
- б) если такое коренное изменение, на которое ссылается участник договора, является результатом нарушения этим участником либо обязательства по договору, либо иного международного обязательства, взятого им на себя по отношению к любому другому участнику договора».

¹ В переводе с латыни – «о вещах, остающихся в том же положении».

Следует подчеркнуть, что, согласно, Венской конвенции, участник договора вправе на основании изменения обстоятельств не только прекратить или выйти из него, но может и приостановить действие договора (ст. 62, п. 3).

Таким образом, доктрина *Rebus sic stantibus* предоставляет возможность одной из сторон договора выйти из него в одностороннем порядке. То есть в случае фундаментального изменения обстоятельств данный факт может стать правовым основанием для прекращения, выхода или приостановления действия договора. Это логично, ибо неизменность обстоятельств – важное условие заключения и соблюдения договора, согласно которому договор остается в силе до тех пор, пока остается неизменным условие договора, подразумеваемое или прямо оговоренное в момент заключения договора².

В процессе действия международного договора часто происходит изменение обстоятельств, и легко констатировать, что произошло фундаментальное изменение обстоятельств. На самом деле это не означает, что договор утратил силу. Такое изменение обстоятельств часто используется как повод для ухода от обременительных договоров [3]. Между тем необходимо подчеркнуть, что государство не может прекращать договор из-за того, что заключен невыгодный для себя международный документ или в нем недостаточно серьезно учтены будущие возможные непредвиденные и негативные последствия для себя в результате заключения этого договора.

У придирчивого юриста может создаться впечатление, что налицо конфликт между оговоркой *rebus sic stantibus* и международно-правовым принципом *pacta sunt servanda* из-за их противоположного характера, так как оговорка *rebus sic stantibus* поможет государствам избежать соблюдения принципа *pacta sunt servanda*, который предусматривает, что все государства должны добросовестно соблюдать договоры, заключенные между ними. Однако однозначно можно утверждать, что между этими дефинициями не только нет противоречий или элемента состязания, но, наоборот, они объективно взаимообусловлены и как юридические постулаты развивались и будут в дальнейшем развиваться параллельно. По этому поводу профессор Т. Элайес считает, что принципы *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus* «ныне являются общими нормами международного права, которые дополняют друг друга» [4].

Иными словами, принцип *pacta sunt servanda* никоим образом не может отрицать или ущемлять международно-правовое значение оговорки *rebus sic stantibus*. По этому поводу Л. Оппенгейм, отмечая принципиальное правило о том, что договоры не могут быть расторгнуты путем отказа одной из сторон,

² В труде “De Beneficiis” Сенека высказал мнение, согласно которому «все условия должны быть такими же, какие были в момент, когда я дал обещание, если намереваются обязать меня к исполнению данного обещания». URL: https://www.gutenberg.org/files/3794/3794-h/3794-h.htm#link2H_4_0006 (дата обращения: 25.10.24).

одновременно указывает на существование исключения, согласно которому существенное изменение обстоятельств может оказаться достаточным для того, чтобы одна сторона могла потребовать от другой освобождения ее от обязательств такого договора. Он в качестве доказательства ссылается на латинское крылатое выражение, согласно которому: «всякое соглашение подразумевает неизменность обстоятельств»³. Л. Оппенгейм утверждает также, что большинство авторов и правительства цивилизованных государств защищают этот принцип, поэтому они считают, что все договоры заключаются при молчаливом предположении *rebus sic stantibus* [5].

Бесспорно, что нелегко по конкретному договору определить, распространяется ли оговорка *rebus sic stantibus* на него или нет, особенно когда отдельные государства используют этот инструмент для «освобождения» от невыгодных международных договоров. Однако, как подсказывает практика, встречаются такие договоры, которые подпадают под 62 статью Венской конвенции 1969 года почти безоговорочно.

Таким договором является «Договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР с одной стороны и Турцией с другой, при участии РСФСР», заключенный 13 октября 1921г. в городе Карс.

Карсский договор является действующим, поскольку стороны не заявили о выходе из него, однако в нем содержится статья 6, содержание которой после вступления в силу Устава ООН и формирования современного международного права противоречит таким принципам *jus cogens*, как суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела государств и так далее.

В статье 6 Карсского договора говорится, что Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над городом и портом Батум и территорией, лежащей к северу от границы и составляющей часть Батумского округа, при следующих условиях:

- население местностей, указанных в настоящей статье, будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и население будет иметь возможность установить в указанных местностях земельный закон, соответствующий его пожеланиям;
- Турции будет обеспечен свободный транзит всяких товаров, отправляемых в Турцию или из нее, через батумский порт, беспошлинно, без учинения каких-либо задержек и без обложения их какими бы то ни было сборами, с предоставлением Турции права пользоваться батумским портом без взимания за это специальных сборов.

³ *Conventio omnis intelligitur rebus sic stantibus.*

Если учесть, что Карсский договор был подписан в условиях военной оккупации и под диктовку большевистской России и, по сути, являлся имплементационным актом Московского договора между Советской Россией и Турцией от 1921г., говорить о том, что данный договор является результатом свободного волеизъявления сторон, мягко говоря, нереально.

Сегодня, спустя 100 лет после подписания Карсского договора, говорить о правомерности статьи 6 этого договора несерьезно, так как, согласно статье 64 Венской конвенции, «если возникает новая императивная норма общего международного права, то любой существующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, становится недействительным и прекращается». Данная правовая норма является логическим выводом из положений, содержащихся в статье 53 Венской конвенции, согласно которой: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права».

Указанное правовое положение предполагает, что, если возникает новая императивная норма (*jus cogens*), будут ничтожными не только договоры, но и уже существующие на момент ее возникновения, которые могут быть заключены вопреки ей. Это положение вытекает из того, что норма *jus cogens* по своей юридической силе является высшей нормой, лишаящей правомерности любые действия или ситуации, которые ей противоречат [6].

О проблеме действительности Карсского договора вновь вспомнили, когда возникло противоречие между центральным руководством Грузии и руководством Аджарии. По поводу этого конфликта посол Турции в Азербайджане Унал Чевикоз заявил, что «власти Турции, согласно Карсскому договору 1921 года, имеют право ввести свои войска в Аджарию». Он также отметил: «Я думаю, нет необходимости прояснять, в связи с этим что-либо. Просто соглашение остается в силе, и сказать это достаточно» [7].

В ответ турецкий посол Грузии в Москве Константин Кемулария заявил, что Аджария не может ожидать защиты со стороны Турции, так как на современном этапе нет ни юридических, ни политических оснований для применения в отношении Аджарии Карсского договора. Посол назвал абсурдными утверждения некоторых политиков о том, что этот договор возможно применить в отношении Аджарии и в нынешнее время. Константин Кемулария также заявил, что была бы абсурдной реализация 6-й статьи Карсского договора, которая предусматривает возможность проведения коммерческих операций Турцией в Батуми без каких-либо пошлин [8].

Таким образом можно констатировать, что положение, закрепленное в статье 6 Карсского договора вследствие «коренного изменения обстоятельств», в настоящее время противоречит ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров от 1969г., и, следовательно, не действует.

В ст. 62 конвенции раскрывается правовое содержание дефиниции «коренное изменение обстоятельств». Согласно этой статье, если произошло изменение обстоятельств, существовавших при заключении договора, которое не предусматривалось участниками, то можно сослаться как на основание для прекращения договора или выхода из него, когда «последствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, которые все еще подлежат выполнению по договору».

Как нам представляется, таким существенным обстоятельством является прекращение действия «старого международного права», на основе которого был заключен Карсский договор, и формирование нового международного права, в том числе и принципов *jus cogens*. Ни один международный договор, несмотря на срок действия, не может быть соблюден в случае «наступления событий, которые коренным образом изменяют положение и делают исполнение договора либо невозможным, либо беспредметным и неразумным» [9].

После заключения Карсского договора произошло коренное изменение характера и сущности международного права, и маловероятно, что Грузия спустя 100 лет со дня подписания этого договора позволит Турции осуществить свободный транзит всяких товаров, отправляемых в Турцию или из нее через батумский порт, «беспошлинно, без учинения каких-либо задержек и без обложения их какими бы то ни было сборами, с предоставлением Турции права пользоваться Батумским портом без взимания за это специальных сборов».

Таким образом, можно констатировать, что Карсский договор в силу статьи 62 (2.b) Венской конвенции в настоящий момент реально действует лишь как документ, определяющий статус Нахиджевана и государственные границы сторон этого договора.

Необходимо отметить следующий немаловажный факт: чтобы избежать создания явного источника угрозы миру [10] в проекте Комиссии международного права и в Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 года (п. 2, ст. 62) предусмотрено, что на коренное изменение обстоятельств нельзя сослаться как на основание для прекращения договора или выхода из него, если договор устанавливает границу.

Анализ содержания пункта 2, статьи 62 Конвенции в контексте права нации на самоопределение дает основание утверждать, что международно-правовое содержание статьи 62 (2.b) имеет не абсолютный, а относительно императивный характер. Как известно, практическая реализация права нации и народов на самоопределение – *ipso facto* – приводит к фактическому изменению государственных границ метрополии. Данное обстоятельство требует ответить на вопрос: изменение государственных границ метрополии в результате национально-освободительного движения подпадает под пункт 2 статьи 62 Венской конвенции или нет? Как нам представляется, можно однозначно ответить, что указанная статья Венской Конвенции ни в коем случае не может

обезопасить колониалистскую метрополию от изменения ее государственных границ вследствие национально-освободительных движений.

Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, каждое государство обязано содействовать осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава. Целью ООН является «незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов, а также имея в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением настоящего принципа, равно как и отрицанием основных прав человека, и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций».

Декларация 1970 года устанавливает, что в результате реализации своего права на самоопределение данный народ может выйти из состава метрополии и «создать суверенное и независимое государство»; «свободно присоединиться к независимому государству» или «объединиться с ним», или «установить любой другой политический статус» [11]. То есть принцип неизменности государственных границ метрополии как бы уходит на второй план.

Пакистанский юрист Р.М. Кхан в статье, посвященной анализу ст. 62 Венской конвенции, в частности, ее положения о недопустимости ссылок на коренное изменение обстоятельств в отношении договоров о границах, справедливо отмечает, что это не затрагивает принципа самоопределения наций в случае колониалистских и неравноправных договоров [12].

Карсский договор 1921г. был заключен в результате турецкой агрессии против Армении и Грузии; эти государства были доведены до бессилия и не были способны защищать свои национальные интересы. Более того, большевиками и кемалистами 6 марта 1921г. в Москве был заключен договор, по которому Россия взяла на себя обязательство: «Предпринять в отношении Закавказских республик шаги, необходимые для обязательного признания этими республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора, непосредственно их касающихся (статья XV)». То есть Россия пообещала Турции принуждать Закавказские республики согласиться с еще незаключенным договором – независимо от того, будет ли этот договор для них выгоден или нет.

Доктрина международного права по этому поводу предусматривает, что если государство доведено до степени бессилия, лишившего его возможности противостоять, то даже если на момент заключения договора нет очевидных попыток навязать договор силой, а правительство проигравшего государства подписывает договор без демонстрации протеста, то такой договор, тем не менее, должен считаться недействительным.

О несправедливом характере Карсского договора с точки зрения международного права свидетельствует и четкая позиция, занятая во время Берлинской (Потсдамской) конференции руководством Советского Союза. Народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов во время беседы с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом на Потсдамской конференции руководителей союзных держав заявил: «В 1921 году турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении. Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными. В силу этих причин Советское правительство подняло вопрос о возвращении законно принадлежащих Советскому Союзу территорий» [13]. Вопрос о необходимости возвращения Армении Карсского района, а Грузии – Ардаганского района, поднял также Сталин во время Потсдамской конференции руководителей союзных держав [14].

Годы спустя, в процессе разработки проекта Венской конвенции о праве международных договоров 1969г., известный ученый Г. Лаутерпахт в своем специальном докладе в Комиссии международного права утверждал следующее: «Если государство, в результате применения силы, сведено к степени бессилия, лишившего его возможности противостоять, то даже если на момент заключения договора нет очевидных попыток навязать договор силой, а правительство проигравшего государства подписывает договор без демонстрации протеста, то такой договор тем не менее должен считаться недействительным» [15].

Следующей проблемой, связанной с оговоркой *rebus sic stantibus*, является вопрос о том, может ли каждый участник многостороннего договора ссылаться на коренное изменение обстоятельств и прекратить договор, выйти из него или приостановить его действие, или такое право имеет только тот участник, чьи права были нарушены?

По этому вопросу довольно кардинальную, но, на наш взгляд, объективную позицию занимает В.М. Шуршалов. Он считает, что, независимо от срока действия договора, он перестает фактически применяться, как только перестают существовать породившие его объективные условия, так как его объем и цель, как правило, отражают изменяющиеся потребности международной жизни [16].

Примером его правоты может служить Карсский договор, так как одной из основ заключения и действия Карсского договора 1921г. – *inter alia* – являлось «старое международное право». После формирования нового международного права, в том числе и принципов *jus cogens*, практически «перестали существовать породившие его объективные условия», то есть международно-правовая основа, которая если и не допустила, то и не запретила заключение таких договоров, как Карсский договор.

В отличие от Карсского договора, могут встречаться международные договоры, по которым применение оговорки *rebus sic stantibus* может иметь реально

спорный характер. В таких случаях последнее слово, естественно, должно принадлежать международному суду. Примером может служить спор Англии и ФРГ с Исландией о ширине рыболовной зоны [17]. При решении спора по этому делу Суд отклонил ссылки последней на коренное изменение обстоятельств, признав, что изменение не было существенным. То есть Суд не отверг этого права, но по данному конкретному делу счел невозможным его применение [6].

Подытоживая, можно констатировать, что оговорка *rebus sic stantibus* является важной нормативно-правовой гарантией того, что ни одно государство не обязано соблюдать международный договор, если после его заключения произошло такое коренное изменение обстоятельств, которое радикальным образом затронуло существующую международно-правовую и фактическую основу договора в момент его заключения.

Изучение оговорки *rebus sic stantibus* в праве международных договоров сегодня особенно оправдано тем, что развал двухполярного мира и турбулентность в мировой политике могут стать причиной пересмотра конвенционных основ отдельных международных экономических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий» М., 1997. С. 64.
2. Там же. С. 115.
3. *Mahendra Pratap Singh Shekhawat & Manvendra Singh Shekhawat*. Doctrine Of Rebus Sic Stantibus. Manipal University, Jaipur. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/injloitd2&div=254&id=&page=> (дата обращения: 25.10.24).
4. *Elias T.* The modern Law of Treaties. Leiden, 1974. P. 128. Цит. по: Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 171.
5. *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I. Мир, полутом 2. М.: «Иностранная литература», 1949. СС. 457–458.
6. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 179.
7. Турция может ввести войска в Аджарию по Карсскому договору, заявил турецкий посол в Баку // Информационный портал NewsRu.com. URL: <https://www.news-ru.com/world/17mar2004/turkie.html> (дата обращения: 20.10.24).
8. Сейчас нет ни юридических, ни политических оснований для применения к Аджарии Карского договора – посол Грузии в РФ // Сетевое издание РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20040422/575169.html> (дата обращения: 18.10.24).
9. *Шуришлов В.М.* Основные вопросы теории международного договора. М., 1959.
10. *Броунли Я.* Международное право (в двух книгах). Книга вторая. М., 1977. С. 329.
11. «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970г.).
12. *Khan R.* Vienna Convention in the Law of Treaties. Article 62 (Fundamental Change of Circumstances) // *Pakistan Horizon*, Karachi. 1973. Vol. 26. № 1. PP. 16–28. Цитата по: «Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий». М., 1997. С. 171.
13. *МИД СССР* «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция

- руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) Сборник документов» М., 1980. № 1. СС. 37–41.
14. Там же. СС. 155–161.
 15. Report on the Law of Treaties by Mr. H. Lauterpacht, Special Rapporteur Extract from the Yearbook of the International Law Commission, vol. II, 1953, п.149–150.
 16. *Шуршалов В.М.* Основания действительности международных договоров М., 1957. С. 12.
 17. «Дело о юрисдикции над рыбными промыслами (Федеративная Республика Германии против Исландии) (существо вопроса)» Решение от 25 июля 1974г. «Дело о юрисдикции над рыбными промыслами (Соединенное Королевство против Исландии) (существо)» Решение от 25 июля 1974г. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 08.11.24).

REFERENCES

1. Vienna Convention on the Law of Treaties. Comment. M., 1997. P. 64.
2. The same. P. 115.
3. *Mahendra Pratap Singh Shekhawat & Manvendra Singh Shekhawa.* Doctrine of Rebus Sic Stantibus. Manipal University, Jaipur. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/injloiid2&div=254&id=&page=_ (accessed: 10/25/24).
4. *Elias T.* The Modern Law of Treaties. Leiden, 1974. P. 128. Quote from: Vienna Convention on the Law of Treaties. Commentary. M., 1997. P. 171.
5. Oppenheim. International Law. Volume I World in Half Volume 2. 1949. PP. 457–458.
6. Vienna Convention on the Law of Treaties. Comment. M., 1997. P. 179.
7. “Türkiye may send troops to Adjara under Kars Treaty, Turkish ambassador to Baku says” // Information portal NewsRU.com. URL: <https://www.newsru.com/world/17mar2004/turkie.html> (accessed: 10/20/24).
8. “There are currently no legal or political grounds for applying the Treaty of Kars to Adjara – Georgian Ambassador to the Russian Federation” // Online resource RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20040422/575169.html> (Accessed: 10/18/24).
9. *Shurshalov V.* Basic Questions of the Theory of International Treaty. M., 1959. P. 205.
10. *Brownlee Ya.* International Law (in Two Books). Book Two. M., 1977. P. 329.
11. Declaration of Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. (Adopted by Resolution 2625 (XXV) of the UN General Assembly on October 24, 1970.).
12. *Khan R.* Vienna Convention in the Law of Treaties. – Article 62 (Fundamental Change of Circumstances) // Pakistan Horizon, Karachi. 1973. Vol. 26. N 1. PP. 16–28. Quote from: Vienna Convention on the Law of International Treaties. Commentary. M. 1997. P. 171.
13. USSR Ministry of Defense. The Soviet Union at International Conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. T.VI. Berlin (Potsdam) Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – USSR, USA, and Great Britain (July 17 – August 2, 1945) Collection of Documents. M., 1980. № 1. PP. 37–41.
14. The same. PP. 155–161.
15. Report on the Law of Treaties by Mr. H. Lauterpacht, Special Rapporteur Extract from the Yearbook of the International Law Commission, 1953, vol. II. PP. 149–150.
16. *Shurshalov V.* Grounds for the validity of international treaties M., 1957. P. 12.
17. Fisheries Jurisdiction (Federal Republic of Germany v. Iceland). Judgment - Merits - 25 July 1974 Fisheries Jurisdiction (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v.

Iceland). Judgment-Merits-25 July, 1974. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (accessed: 11/08/24).

**REBUS SIC STANTIBUS CLAUSE AND THE KARS TREATY
OF OCTOBER 13, 1921**

V. Hovhannisyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The purpose of the present study is to reveal the international legal content of the “*rebus sic stantibus*” clause and its impact on the validity of international treaties. The scientific novelty of the work lies in the fact that the Kars Treaty of October 13, 1921, signed 100 years ago, is analyzed in the context of modern international law, with a particular focus on the legal clause “*rebus sic stantibus*”. The study of the two legal clauses – “*pacta sunt servanda*” and “*rebus sic stantibus*” – demonstrates that there are no contradictions or competitive elements between these definitions. On the contrary, they are interdependent and, as legal postulates, have developed and will continue to develop in parallel in the future. The author of the present article, researching the treaty rights of Turkey from the perspective of the “*rebus sic stantibus*” clause, concludes that, at present, the Kars Treaty functions solely as a document defining the status of Nakhijevan and the state borders of the parties to the treaty.

Keywords: validity of international treaties; modern international law; legal postulates; international legal concept; state borders.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-146-154
УДК 341.171

Поступила: 09.04.2025г.
Сдана на рецензию: 15.04.2025г.
Подписана к печати: 17.05.2025г.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В ЕС И ЕАЭС

А.К. Айрапетян¹, А.А. Даниелян²

*Российско-Армянский (Славянский) университет
hayrapetyanarshak@gmail.com, danielyan_alya@mail.ru
ORCID¹: 0009-0009-2240-9548; ORCID²: 0009-0004-1530-5541*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются ключевые аспекты правового регулирования криптоактивов в Европейском Союзе (ЕС) и Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Рассматриваются нормативные акты, судебные дела и перспективы развития регулирования в этих интеграционных объединениях. Особое внимание уделяется вызовам унификации подходов в рамках ЕАЭС и последствиям введения MiCA в ЕС.

Ключевые слова: криптоактивы, ЕС, регулирование, сравнение, ЕАЭС.

В современном мире большинство крупных институтов используют передовые технологии для реализации своих проектов. Одной из данных технологий является использование блокчейн-технологий (от англ. “blockchain”, далее: «блокчейн»).

Правовая среда применения блокчейн является предметом бурной дискуссии как среди профессионалов в секторе информационных технологий, так и среди ученых и практикующих юристов.

На данный момент не существует единого и всеобщего документа, с помощью которого было бы возможно определить правовое регулирование и ипотася блокчейн, а также основанных на данной технологии криптоактивов.

Главная особенность блокчейна – это наличие свойств открытости и распределенности. Открытость предусматривает право любого пользователя проверить каждый блок цепочки и всю информацию, которая там хранится. Данная особенность наличия более простого и легкого способа получения определенной информации не характерна для таких финансовых институтов, как банки. Например, лицо не может получить информацию о том или ином банковском переводе без соответствующего доступа, но в блокчейне данные сведения будут открыты для публичного просмотра.

Распределенный характер и транснациональный охват блокчейнов также вызывают серьезные проблемы с юрисдикцией. С технической точки зрения, национальные границы в значительной степени не имеют значения для функционирования сетей, основанных на блокчейне. И, действительно, многие сервисы и приложения, основанные на блокчейне, нацелены на работу по всему миру. Эти системы охватывают весь Земной шар, вызывая вопросы о том, как правительства могут регулировать и, при необходимости, ограничивать использование блокчейнов или связанных с ними децентрализованных приложений и криптовалют.

В настоящий момент глобальный подход к регулированию криптовалют пока окончательно не сформирован. Как правило, криптовалюта рассматривается не в качестве платежного средства, а как товар или инвестиционный актив, и в целях налогообложения связаны с определенным законодательством. Однако в контексте данного вопроса также необходимо руководствоваться не только национальным законодательством, но и учитывать рекомендации международных организаций, например, таких, как Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег и Организация Экономического Сотрудничества и Развития.

В целом, существует несколько групп подходов по данному вопросу (см. Табл. 1):

Таблица 1. Подходы стран.

Подход	Реализующая практика
Цифровые активы не являются платежным средством.	Европейский союз, США, Казахстан, Белоруссия.
Цифровые активы не являются виртуальной валютой.	США, Белоруссия, Норвегия, Израиль.
Наличие разграничения цифровых активов на криптовалюты, токены и цифровые знаки.	США, Сингапур, Швейцария.
Цифровой кошелек является комплексом услуг по хранению цифровых активов.	Европейский союз, Япония, США
Обязательная регистрация организаторов торговли криптоактивами.	Япония, США, Сингапур, Мексика, Канада.
Обязательная идентификация личности участников торговли криптоактивами и хранение информации о них.	Все страны, где легализованы цифровые финансовые активы.
Страхование рисков организаторов торговли криптоактивами.	США, Канада, Мексика.

Криптоактивы формируют новую экономическую реальность, где децентрализованные технологии становятся инструментами трансформации финансовых рынков. В ЕС предпринимаются попытки создания единой правовой базы, тогда как в ЕАЭС регулирование остается фрагментарным. Эти различия оказывают значительное влияние на правоприменение, развитие инноваций и защиту инвесторов. Целью исследования является анализ особенностей регулирования криптоактивов в ЕС и ЕАЭС, выявление ключевых проблем и возможных направлений унификации. Методологической основой исследования являются сравнительно-правовой анализ нормативных актов ЕС и ЕАЭС, а также изучение судебной практики. Используется системный подход для выявления правовых коллизий и оценка влияния регуляторных норм на рынок криптоактивов. Рассматриваются кейсы Европейского суда (CJEU) и национальных судов стран ЕС и ЕАЭС.

В 2024 году вступила в силу директива MiCA [1], которая регулирует отношения на рынке криптоактивов на территории всего ЕС (далее: «Директива о Рынке криптоактивов», «Директива» или «MiCA»). Целями правового акта являются создание единого рынка для криптоактивов, защита инвесторов и пользователей, обеспечение стабильности финансовой системы, а также борьба с финансовыми преступлениями. Директива направлена на создание единого подхода к регулированию, на создание того, чего не хватает как миру, так и юридическому миру – криптовалюты.

Как известно, директива, как источник права ЕС, является средством гармонизации законодательства государств-членов, устанавливая общие рамки правового регулирования в данной сфере общественных отношений, но не внося полного единообразия. Директива содержит лишь «типовые» правовые нормы, которые государства-члены должны установить в своем внутреннем законодательстве [2], MiCA предоставляет определенные требования к каждому законодательству национальных стран ЕС, но все еще большая часть регулирований остается на внутригосударственном решении. Таким образом, Директива лишь предоставляет ориентир, за пределы которого государства-члены не могут выйти.

MiCA охватывает широкий спектр криптоактивов, включая утилитарные токены, токены, привязанные к активам (например, “stablecoins”), и токены электронных денег, устанавливая четкую классификацию и регулируя их использование, устанавливает обязательное лицензирование для провайдеров услуг и усиливает контроль за борьбой с отмыванием денег (AML) и идентификацией клиентов (KYC). Судебное дело *Skatteverket v. David Hedqvist* [3] стало ключевым для определения правового статуса операций с криптоактивами и освобождения их от НДС.

Одним из ключевых элементов документа является обязательное лицензирование всех участников рынка. Компании, предоставляющие услуги с

криптоактивами – такие, как криптобиржи или провайдеры кошельков, должны пройти процедуру регистрации и получить лицензию. Это сопровождается строгими требованиями к прозрачности, предоставлению информации потребителям и защите их интересов. Например, провайдеры обязаны страховать средства пользователей и соблюдать правила возврата в случае мошенничества.

Особое внимание в MiCA уделяется токенам, привязанным к активам, так называемым “stablecoins”. Для эмитентов таких токенов вводятся обязательные требования поддерживать резервы активов в полном объеме, а также устанавливаются лимиты на их использование в повседневных транзакциях с целью предотвращения угроз финансовой стабильности. Эмитенты обязаны публиковать подробные документы, так называемые «белые книги», где описываются характеристики токенов, связанные с ними риски и меры по их минимизации. «Белая книга» должна быть открытой и публичной, быть всегда в доступе, она также может подвергаться проверкам со стороны государственных органов. Данное условие установлено для того, чтобы любой пользователь имел возможность ознакомиться со всей необходимой информацией. Естественно, данное требование распространяется также на организации, сфера деятельности которых направлена на рынок ЕС. Мы также считаем это нововведение крайне правильным и логичным, т.к. пользователю должна быть известна информация о том, кем и на каких условиях производится эмиссия, какие есть риски и какой процент возврата существует.

Важным аспектом является усиление контроля за борьбой с отмыванием денег (AML) и процедурами идентификации клиентов (KYC). Все криптоплатформы обязаны проверять своих клиентов и предоставлять отчетность по операциям, что способствует прозрачности рынка и повышению доверия со стороны пользователей. Надзор за соблюдением правил осуществляется Европейским управлением по ценным бумагам и рынкам (ESMA) совместно с Европейским центральным банком (ЕЦБ), которые также разрабатывают технические стандарты для криптовалютной экосистемы.

Внедрение MiCA знаменует собой важный этап в развитии криптовалютного рынка ЕС. Директива способствует защите прав инвесторов, создает благоприятные условия для бизнеса и, одновременно, устанавливает жесткие правила для предотвращения незаконных операций. Это позволяет ЕС оставаться лидером в области регулирования цифровых активов, способствуя формированию устойчивой и прозрачной криптоэкономики.

Таким образом, другим участникам международного сообщества несомненно стоит обратить внимание на данную Директиву, учитывая прецедентные случаи, когда ЕС стал одним из главных «экспортеров» законодательства. Данную тенденцию можно заметить на опыте имплементации Общего

Регламента по защите персональных данных ЕС [4], государства берут за основу данное регулирование и используют в своей правовой системе. В связи с этим, вероятность имплементации законодательства ЕС о едином регулировании рынка криптоиндустрии может дать толчок для создания определенной законодательной политики в странах вне ЕС.

Правовое регулирование криптоактивов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) характеризуется фрагментарным и национально ориентированным подходом, при котором каждая из стран-участниц Союза устанавливает собственные правила и нормы. В отличие от Европейского Союза, где действует единый свод правил, в ЕАЭС отсутствует унифицированное законодательство в этой сфере, что затрудняет гармонизацию правил и трансграничное сотрудничество.

В России правовое регулирование криптоактивов основывается на федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], вступившем в силу в январе 2021 года. Этот закон устанавливает правовой статус цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты, определяя, что криптовалюта не признается законным средством платежа на территории страны. ЦФА рассматриваются как имущественные права в цифровой форме и могут использоваться в инвестиционных и корпоративных целях. Операции с ними подлежат регулированию и контролю со стороны Банка России, который также определяет порядок выпуска и обращения таких активов. Организации, осуществляющие выпуск или обмен ЦФА, обязаны пройти регистрацию и соблюдать требования по противодействию отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Физические лица обязаны декларировать доходы от операций с криптовалютами и уплачивать соответствующие налоги. При этом юридическая практика по вопросам налогообложения и правового статуса криптовалют в России все еще находится в стадии становления.

Беларусь является лидером ЕАЭС в области либерального подхода к регулированию криптовалют. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» [6] предоставляет налоговые льготы для резидентов Парка высоких технологий (ПВТ), работающих с блокчейн-проектами, криптовалютами и майнингом. Благодаря этому Беларусь создала привлекательную правовую среду для криптоиндустрии, хотя эффективность этого подхода ограничена его локальной применимостью.

Казахстан сосредоточился на регулировании майнинга и создании специальных зон, таких как Международный финансовый центр «Астана» (AIFC). Здесь действуют упрощенные условия для запуска криптовалютных старта-

пов, что позволяет стране привлекать инвестиции и использовать преимущества низкой стоимости электроэнергии. Однако налоговое обложение майнинга остается ключевой проблемой для правоприменения.

В Киргизии регулирование деятельности, связанной с криптовалютами, осуществляется, в первую очередь, на основе «Закона о виртуальных активах» [7]. Помимо него, существуют дополнительные нормативные акты, которые конкретизируют порядок регулирования и надзора за операциями с криптовалютой. Эти документы охватывают вопросы регистрации криптовалютных бирж, установления требований к обеспечению безопасности и защите данных пользователей, а также определяют стандарты прозрачности осуществляемых транзакций. Кроме того, Национальный банк Киргизии издает постановления, касающиеся лицензирования криптовалютных операторов и мер по противодействию отмыванию денежных средств. С юридической точки зрения, криптовалюты в Киргизии не имеют статуса официального платежного средства, однако широко применяются для обмена и инвестирования. В соответствии с законодательством, криптовалюты рассматриваются как форма собственности, что обязывает их владельцев выполнять определенные налоговые обязательства. В частности, пользователи должны декларировать доходы, полученные от операций с криптовалютами, для целей налогообложения.

В Армении до недавнего времени правовая база в отношении криптоактивов была слабо развита, однако в 2024 году началось ужесточение правил лицензирования криптоплатформ посредством введения законопроекта закона «О криптоактивах» [8]. Это связано с увеличением числа мошеннических операций и необходимостью защиты инвесторов. Упор делается на создании механизмов контроля и согласование их с международными стандартами по AML/CFT. Согласно Гражданскому Кодексу РА, криптоактив будет являться имуществом, но не будет являться средством платежа, а обмен криптоактива на другое имущество будет запрещен. В случае несоответствия граждане вправе обратиться в офис финансового примирителя РА. Стоит отметить, что инициатором создания специализированного закона стал ЦБ РА, который отметил, что ориентиром для разработки регулирования является Директива. В случае публичного предложения может быть необходимо предварительно предоставить ЦБ РА «белую книгу», а также подвергать постоянному изменению документ предложения (в случае обращения на торговой платформе), при этом эмитентом может быть только юридическое лицо.

Общей проблемой для стран ЕАЭС остается отсутствие единой правовой базы и координации действий между государствами. Это создает барьеры для трансграничного использования криптоактивов и ограничивает возможность привлечения крупных инвестиций. MiCA является примером эффективного подхода к регулированию, который может быть использован для разработки единой правовой базы в ЕАЭС. Основные барьеры для унификации в ЕАЭС

включают различия в национальных подходах к налогообложению, лицензированию и AML-процедурам. Развитие общего рынка криптоактивов требует координации законодательных инициатив и создания специализированного надзорного органа. Развитие единого подхода к регулированию криптоактивов могло бы стать важным шагом к укреплению интеграции в рамках Союза.

Мы считаем, что необходимо установить единые определения для таких терминов, как «криптовалюта», «токен», «майнинг», «смарт-контракт» и других ключевых понятий данной сферы. Для более ясного и четкого понимания также важно разработать единую классификацию криптоактивов – с различными подвидами и характеристиками, включая утилитарные, инвестиционные и платежные токены. Именно данный шаг будет являться стартовым на пути к формированию единой правовой политики в данной сфере.

Кроме того, для более эффективного урегулирования правовых вопросов, возникающих в сфере цифровых финансов, необходимо расширить сферу деятельности и компетенцию Суда ЕАЭС. Также, крайне важно разработать единую процедуру решения споров и жалоб, связанных с транзакциями криптоактивов. Целью данного предложения является обеспечение защиты прав инвесторов и пользователей, включая меры противодействия мошенничеству и хищениям, а разработка алгоритмов действий для финансовых институтов при проверке сделок, связанных с криптоатктивами, станет одним из механизмов правовой защиты.

Мы придерживаемся мнения, что организация совместного наблюдения и анализа рынка криптоактивов для предотвращения его использования в незаконной деятельности, а также разработка совместных подходов к регулированию новых технологий – таких, как блокчейн, распределенные реестры может оказать значительное влияние на эффективность упразднения рыночными процессами и поможет в обеспечении стабильности.

Таким образом, несмотря на то, что ЕС уже определил ЕАЭС в разработке единого правового регулирования рынка криптоактивов, унификация данного института в рамках ЕАЭС необходима как для роста деятельности Союза, так и для защиты граждан ЕАЭС.

При объединении общих сил и усилий ЕАЭС может стать площадкой и отправной точкой в регулировании сферы криптоактивов для стран СНГ. Более того, снижение налоговой нагрузки на операции с криптовалютами может существенно повысить конкурентоспособность стран ЕАЭС и повысить их привлекательность для инвесторов.

Вышеперечисленные рекомендации и предложения позволят странам ЕАЭС не только адаптироваться к быстро меняющемуся цифровому ландшафту, но и взять на себя лидерство в создании стабильной и безопасной среды для криптовалют на международном уровне.

Для их реализации мы рекомендуем государствам-членам ЕАЭС разработать скоординированную политику и создать принципиально новое законодательство, отвечающее потребностям и тенденциям мирового цифрового сообщества. Кроме того, сотрудничество с третьими странами, интеграционными системами и международными организациями становится актуальным при разработке стандартов рынка. Механизмами реализации данной рекомендации являются применение международных правил борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма и обмен информацией о транзакциях.

Таким образом, правовое регулирование криптоактивов в ЕАЭС находится на стадии становления и демонстрирует значительные различия между странами. Для повышения эффективности необходимы унификация правил, обмен опытом и внедрение лучших международных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets (MiCA) // “Official Journal of the European Union”, 2023.
2. *Кашкин С.Ю.* Право Европейского союза: учебник для вузов / С.Ю. Кашкин, П.А. Калиниченко, А. О. Четвериков; под редакцией С.Ю. Кашкина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2024г. С. 86.
3. Решение Суда ЕС от 22 октября 2015 года по делу C-264/14 Skatteverket v David Hedqvist.
4. General Data Protection Regulation, GDPR; Постановление ЕС 2016/679.
5. Федеральный закон №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», 2020.
6. Декрет №8 «О развитии цифровой экономики» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 2017.
7. Закон Кыргызской Республики «О цифровых финансовых активах» (проект) // Законодательство Кыргызской Республики, 2024.
8. Законопроект закона Республики Армения «О криптоактивах» // Национальный правовой интернет-портал Республики Армения, 2024.

REFERENCES

1. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets (MiCA) // Official Journal of the European Union, 2023.
2. *Kashkin S. Yu.* Law of the European Union: textbook for universities / S. Yu. Kashkin, P. A. Kalinichenko, A.O. Chetverikov; edited by S. Yu. Kashkin. 5th ed., revised. and additional. M.: “Yurait” Publishing house, 2024. P. 86. (In Russian).
3. Judgment of the Court of Justice of the EU of 22 October 2015 in case C-264/14 Skatteverket v David Hedqvist.
4. General Data Protection Regulation, GDPR; Resolution of EU 2016/679.
5. Federal Law №. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, 2020.
6. . Decree № 8 “On the Development of the Digital Economy” // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus, 2017.

7. Law of the Kyrgyz Republic "On Digital Financial Assets" (draft) // Legislation of the Kyrgyz Republic, 2024.
8. Draft Law of the Republic of Armenia "On Cryptoassets" // National Legal Internet Portal of the Republic of Armenia, 2024.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF CRYPTO ASSETS IN THE EU AND THE EAEU

A. Hayrapetyan, A. Danielyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article analyzes the key aspects of the legal regulation of crypto-assets in the European Union (EU) and the Eurasian Economic Union (EAEU). It examines regulatory acts, key court cases, and the prospects for regulatory development in these integration associations. Special attention is given to the challenges of unifying approaches within the EAEU and the implications of the introduction of MiCA in the EU.

Keywords: crypto-assets, EU, regulation, comparison, EAEU.

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-155-171

УДК 1751

Поступила: 09.12.2024г.

Сдана на рецензию: 11.12.2024г.

Подписана к печати: 08.04.2025г.

ՍՈՎՈՐՈՂՆԵՐԻ ԿԱՐՈՂՈՒՆԱԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԶԵՎԱՎՈՐՈՒՄԸ ՇԱՐԱՀՅՈՒՍԱԿԱՆ ՀՈՄԱՆԻՇՆԵՐԻ (ՓՈԽԱԿԵՐՊՈՒՄ) ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ

Մ.Ֆ. Թորգոմյան¹, Ռ.Պ. Զուլֆայան²

*Խ. Արուլյանի անվան Հայաստանի պետական մանկավարժական
համալսարան*

sofitorgomyan@gmail.com¹, rrdzh@mail.ru²

ORCID¹: 0000-0002-7024-361X, ORCID²: 0000-0001-5798-2699

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Ամեն նոր օր աշխարհը մարդուն ներկայանում է նոր դեմքով, ամեն օր նոր իրավիճակ է ստեղծվում, որում իր գոյությունը պահպանելու, ստեղծված խնդիրները լուծելու համար յուրաքանչյուր անհատ պիտի իրադրությունը վերլուծելու, իմաստավորելու և համապատասխան վճիռներ կայացնելու կարողություններ ունենա: Կյանքը հասարակությանն ապրելու և գործելու նոր ռազմավարություն է պարտադրում: Այդ նոր ռազմավարության մշակումն էլ ամենաընդհանուր իմաստով կազմում է ժամանակակից կրթական քաղաքականության բովանդակությունը: Ընթանում է վերակառուցման մի պրոցես, որը ոչ միայն մեր կրթական կառույցներին է վերաբերում, այլ նաև մեր մտածողությանը: Անհրաժեշտություն է առաջանում նախևառաջ սովորողների մեջ ամրապնդելու այն համոզմունքը, որ հասարակության ակտիվ անդամ դառնալու և տարազան գործընթացներից անմասն չմնալու համար նրանց հարկավոր է ամբողջ կյանքում սովորել:

Լեզուն մտածողություն է, հաղորդակցման միջոց, խոսքով մտածումներն ու հույզերը ձևակերպելու կարողություն:

Սույն հոդվածում քննել ենք բազմաբնույթ մտածողության և հանրակրթության պետական չափորոշիչներով սահմանված կարողունակությունների տրամաբանական կապը և լեզվի քերականական կառույցների (մեր դեպքում ընտրել ենք շարահյուսական հոմանիշներից երկուսը) ուսուցման դերը և նշանակությունը այդ

կարողությունների ձևավորման գործում: Մեր խնդիրն է ներկայացնել բազմաբնույթ մտածողության տեսակներն ու առանձնահատկությունները, միջնակարգ կրթության կարողունակությունները, շարահյուսական հոմանիշների ուսուցման միջոցով դրանց զարգացման հնարավորությունները: Միաժամանակ նշենք նաև, որ ավագ դպրոցում, նաև բուհական համակարգում շեշտադրվում է սովորողների ինքնուրույն ուսումնառությունը:

Ուսուցման գործընթացում կարողունակությունների աստիճանակարգման մեջ առաջնային է սովորել սովորելու կարողունակությունը, այնուհետև ինքնաճանաչողական ու սոցիալական, ժողովրդավարական և քաղաքացիական, թվային և մեդիա, մշակութային կարողունակությունները՝ որպես ընդհանրական կարողունակություններ: Մինչդեռ լեզվական գրագիտություն և կարողունակությունը ու մաթեմատիկական և գիտատեխնիկական կարողունակությունը ներկայացվում են ըստ շարահյուսական հոմանիշների (փոխակերպումներ) ուսուցման առաջարկվող տարբերակի՝ հաշվի առնելով հանրակրթական հիմնական ծրագրերի բովանդակության պարտադիր նվազագույնը:

Հիմնաբառեր՝ բազմաբնույթ մտածողություն, կարողունակություններ, շարահյուսական հոմանիշներ, փոխակերպումներ, կրթական վերջնարդյունքներ:

Ներածություն

Այսօր մանկավարժության մեջ կիրառվում է «բազմաբնույթ մտածողություն» տեխնոլոգիան: Բազմաբնույթ մտածողության (հնարավորություն, օժտվածություն) տեսակները ընկած են հանրակրթության պետական չափորոշիչներով սահմանված կարողունակությունների հիմքում: Մեր ընտրած թեմայի (թեման ընդգրկված է 11-րդ դասարանի հայոց լեզվի առարկայական ծրագրում և դասագրքում) ուսուցումը փորձել ենք կառուցել՝ ըստ վերոնշյալ կարողունակությունների կամ մտածողության տեսակների:

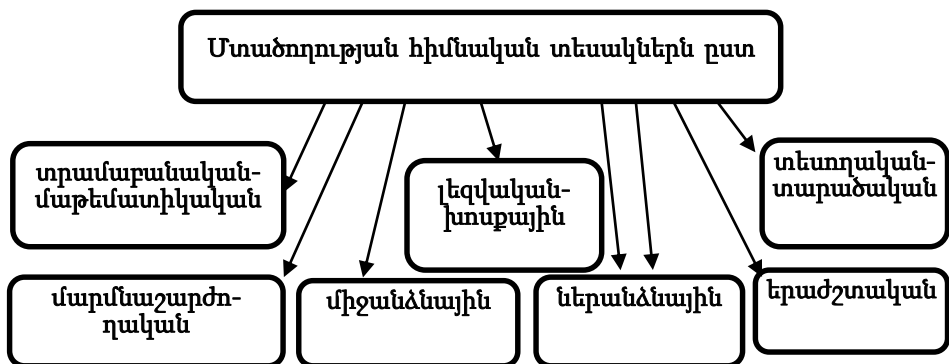
Մեթոդաբանություն

Փոխակերպումների քննությունը ենթադրում է որոշակի լեզվական նորմերի պահպանում, քանի որ համեմատվում են այնպիսի իրողություններ, որոնք ունեն բովանդակային ընդհանրություններ և քերականական կառուցվածքի տարբերություններ: Ըստ այդմ՝ հետազոտությունը կատարվել է համադրական, վերլուծական և մոդելավորման մեթոդներով:

Քննարկում

«Բազմաբնույթ մտածողության» (ԲՄ) տեխնոլոգիայի հիմքում ընկած համանուն տեսությունը ձևավորվել է 20-րդ դարի 80-ական թթ. ամերիկացի մանկավարժ, հոգեբան, Հարվարդի համալսարանի պրոֆեսոր Հովարդ Գարդների կողմից: Հենց այս տեսության հիման վրա էլ այսօր մանկավարժության մեջ կիրառվում է «բազմաբնույթ մտածողություն» տեխնոլոգիան: Մարդու բազմապիսի հնարավորությունները Հովարդ Գարդները անվանել է բազմաբնույթ մտածողություն [1]:

Հ. Գարդները կարծում է, որ բոլոր մարդիկ ունեն բազմաթիվ ներքին հնարավորություններ, որոնք նա անվանում է «մտածողություն»: Ուսուցչի կարևոր նպատակն է բացահայտել ամեն մի սովորողի ներուժը, հնարավորությունները («մտածողություն») և ուսուցման գործընթացը կազմակերպել դրանց հիման վրա: Հ. Գարդները ներկայացնում է մարդկանց հատուկ «մտածողության» յոթ հիմնական տեսակ:

Հ. Գարդների կողմից առաջարկված «մտածողության» յոթ ձևերից առաջին չորսը՝ լեզվական-խոսքայինը, տրամաբանական-մաթեմատիկականը, տեսողական-տարածականը և երաժշտականը, այս կամ այն չափով ընդգրկված են ավանդական ուսուցման մեջ: Գարդների առաջարկած հինգերորդ մտածողությունը՝ մարմնաշարժողականը, հավանաբար ամենաանսովորն է մեզ համար, քանի որ այն կիրառվում է որպես մկանային վարժանք (ֆիզկուլտ դադար, ֆիզիկական դաստիարակության դասեր):

Մտածողության մյուս ձևերը՝ միջանձնային և ներանձնային մտածողությունները, Գարդներն անվանում է «անձնային մտածողություններ»: Յուրաքանչյուր ոք կարող է զարգացնել իր բոլոր մտածողությունները, և եթե ճանաչենք դրանց զանազան զուգորդումները, ապա հնարավորություն կունենանք լուծելու այն հիմնախնդիրները, որոնք ծառացած են մեր

առջև: «ԲՄ տեսությունը ոչ թե նպատակ է, այլ գործիք՝ այդ նպատակին հասնելու համար» [2]:

Հաշվի առնելով մարդուն հատուկ մտածողության բազմազանությունը, մտքի բազմակողմանի և բազմապիսի հնարավորությունները՝ Գարդները առաջարկում է ուսուցման ընթացքում հենվել ոչ թե մտածողություններից մեկի կամ երկուսի, այլ միաժամանակ բոլորի վրա:

Կարծում ենք՝ գարդներյան բազմաբնույթ մտածողության (հնարավորություն, օժտվածություն) այս տեսակները հենց այն հիմնաքարերն են, որոնք ընկած են հանրակրթության պետական չափորոշիչներով սահմանված **կարողունակությունների** հիմքում:

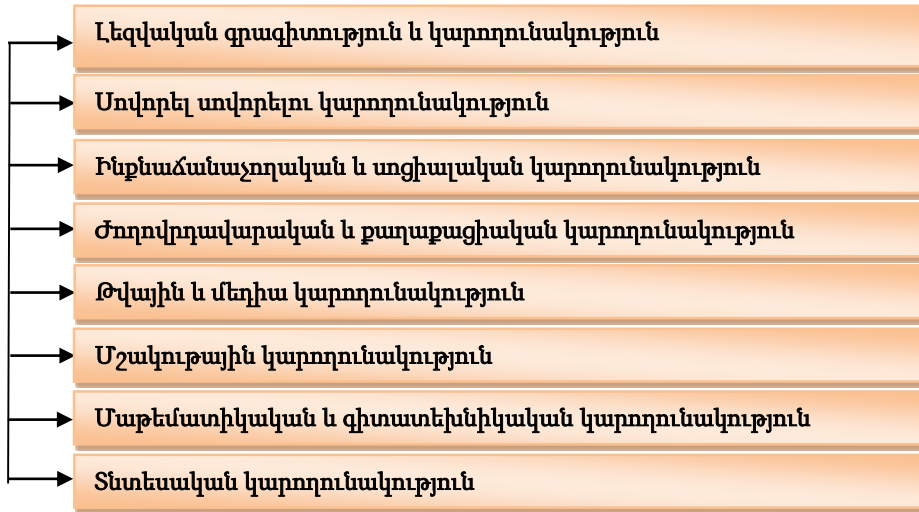
Հանրակրթության պետական չափորոշիչը ելնում է կարողունակությունների վրա հիմնված մոտեցումից և սահմանում է շրջանավարտներին ներկայացվող որակական պահանջները՝ ըստ կրթական աստիճանների (կարողունակություններ (կոմպետենցիաներ) և ըստ կրթական աստիճանների ուսումնառության՝ ակնկալվող վերջնարդյունքները, ուսումնական բնագավառները, դրանց բովանդակությանը ներկայացվող պահանջները, հանրակրթական հիմնական ծրագրերի բովանդակության պարտադիր նվազագույնը, ուսումնական պլանի և առարկայացանկերի ձևավորման հիմնական սկզբունքները, սովորողների գնահատման ձևերը, սանդղակը, հաշվառման կարգը [3]:

Հանրակրթական հիմնական ծրագրերը (հիմնական և ավագ դպրոց) մշակվում են Չափորոշիչի նորմերի և դրույթների համաձայն [4]:

Չափորոշիչը նպատակաուղղված է հավասարապես հասանելի, ներառական և որակյալ կրթության քաղաքականության ապահովմանը:

Չափորոշիչի պահանջները պարտադիր են հանրակրթական հիմնական և այլընտրանքային ծրագրերի, այդ թվում՝ առարկայական ծրագրերի, ուսումնական պլանների, դասագրքերի և ուսումնական գործընթացի բովանդակությանն առնչվող այլ ուսումնական նյութերի համար:

Միջնակարգ կրթության կարողունակությունները ներկայացնենք գծակարգով՝

Մեր ընտրած թեմայի (հիմնահարցի) ուսուցումը փորձել ենք կառուցել՝ ըստ վերոնշյալ կարողունակությունների կամ մտածողության տեսակների: Թեման ընդգրկված է 11-րդ դասարանի հայոց լեզվի առարկայական ծրագրում և դասագրքում (աղյուսակ 1):

Աղյուսակ 1. 11-րդ դասարանի հայոց լեզվի առարկայական ծրագիր:

Թեմա 3
ՇԱՐԱՀՅՈՍԱԿԱՆ
Հիմնական նպատակները
1. Զարգացնել շարահյուսական հոմանիշները խոսքում կիրառելու հմտություններ: 2. Նպաստել շարահյուսական հոմանիշների կիրառության կարևորմանը խոսքում: 3. Զարգացնել հաղորդակցական հմտություններ:
Վերջնարդյունքներ
1. Ճանաչի և համեմատի շարահյուսական հոմանիշները: 2. Խոսքում կիրառի շարահյուսական հոմանիշներ: 3. Տրված բառակապակցությունն արտահայտի մեկ բարդ բառով: 4. Բարդ ստորադասական նախադասությունը փոխակերպի՝ դերբայական դարձվածով պարզ նախադասության և հակառակը՝ որոշելով ստորադաս նախադասության պաշտոնը: 5. Ներգործական կառուցվածքով նախադասությունը դարձնի կրավորական կառուցվածքի և հակառակը:

6. Մեջբերվող ուղղակի խոսքը վերածի անուղղակի խոսքի և հակառակը: 7. Կազմի երկխոսություն: 2-րդ հատված 8. Կազմի կապակցված խոսք՝ օգտագործելով դերբայական դարձվածներ: 9. Կետադրի տեքստը՝ առանձնացնելով դերբայական դարձվածները և բացատրելով կետադրությունը: 10. Կետադրի տեքստը՝ բացատրելով ուղղակի խոսքի կետադրությունը:	
Բովանդակություն 1. Շարահյուսական հոմանիշներ 2. Բարդ բառ և բառակապակցություն 3. Հոլովաձև և կապական կառույց 4. Բարդ ստորադասական նախադասություն և դերբայական դարձվածով պարզ նախադասություն. նրանց փոխակերպումը և կետադրական օրինաչափությունները 5. Մեջբերվող ուղղակի և անուղղակի խոսք. նրանց փոխակերպումը և կետադրական օրինաչափությունները 6. Ներգործական և կրավորական կառույցներ. նրանց փոխակերպումը	
Առաջարկվող գործունեության ձևեր 1. Տրված նախադասությունների կապական կառույցները փոխարինել հոլովաձևերով: 2. Կազմել նախադասություններ՝ բարդ բառերը փոխարինելով բառակապակցություններով: 3. Տրված նախադասություններից ընտրել պարզ (դերբայական դարձվածով) նախադասությունը բարդ ստորադասականի փոխակերպելու ճիշտ տարբերակը: 4. Տրված բարդ ստորադասական նախադասությունները փոխակերպել դերբայական դարձվածով պարզ նախադասությունների՝ ընդգծելով դերբայական դարձվածները:	Խաչվող հասկացություններ Կայունություն և փոփոխություն Նախադասության անդամների շարադասության հնարավոր փոփոխությունները խոսքում: Ժամանակ և տարածություն Ժամանակի և տարածության ներգործությունը խոսքի ձևավորման վրա: Զարգացում Ժամանակի ընթացքում շարահյուսական հոմանիշների կիրառության հաճախականության փոփոխությունը խոսքում:

5. Տրված բարդ ստորադասական նախադասությունները փոխակերպել պարզ նախադասությունների՝ որոշելով ստորադաս նախադասությունների պաշտոնը: 6. Ստեղծել տեղեկատվական տեքստ՝ կիրառելով դերբայական դարձվածներ: 7. Գտնել և ներկայացնել բարդ ստորադասական նախադասություններով հարուստ պատմական տեքստ: 8. Ներգործական կառուցվածքով նախադասությունները փոխակերպել կրավորականի և հակառակը: 9. Կազմել կրավորական կառուցվածքով նախադասություններով հարուստ գործնական գրություններ: 10. Տեքստի մեջբերվող ուղղակի խոսքերը դարձնել անուղղակի, նշել կատարած փոփոխությունները: 11. Առանձնացնել և վերլուծել արձակ և չափածո տեքստերում հանդիպած երկխոսություններն ու մենախոսությունները: 12. Շարադրել և վերարտադրել երկխոսություններով հագեցած փոքրիկ պատմվածք: 13. Վերապատմել վերջերս դիտած գեղարվեստական կինոնկարը՝ կիրառելով անուղղակի խոսք: 14. Գրական որևէ երկից ընտրել և ներկայացնել երկխոսություններ: 15. Կազմակերպել այց որևէ թանգարան, հանդես գալ որպես էքսկուրսավար՝ խոսքում կիրառելով մեջբերվող ուղղակի և անուղղակի խոսք: 16. Մշակել և վարել հարցազրույցներ տարբեր տարիքի անձանց հետ:	
---	--

Ձայնագրել հարցազրույցները, վերլուծել հնչած խոսքը, ցույց տալ կիրառված պարզ և բարդ նախադասությունների կիրառման հաճախականությունը: 17. Թարգմանել փոքրածավալ տեքստեր՝ կիրառելով մեջբերվող ուղղակի խոսք: 18. Կազմել երկխոսություն վերջերս տեղի ունեցած մշակութային կամ սպորտային միջոցառման մասին, կետադրել, ներկայացնել: 19. Նախադասությունները վերլուծել շարահյուսորեն:	
Միջառարկայական (միջբնագավառային) կապեր	
Հասարակագիտություն: Վարչական տեքստերում, գործնական գրություններում բառակապակցությունների և կրավորական կառուցվածքով նախադասությունների կիրառման ուսումնասիրություն: Բնագիտամաթեմատիկական առարկաներ: Ներգործական և կրավորական կառուցվածքով նախադասությունների կիրառումը մասնագիտական տեքստերում: Պատմություն: Բարդ նախադասությունների կիրառում պատմական տեքստերում: Օտար լեզուներ: Մեջբերվող ուղղակի խոսքի, կրավորական կառուցվածքով նախադասությունների և դերբայական դարձվածով պարզ նախադասությունների թարգմանում: Գրականություն: Գրական ստեղծագործություններում բառերի ու բառակապակցությունների, մեջբերվող ուղղակի խոսքի կիրառում: Արվեստ: Բեմական արվեստում մեջբերվող ուղղակի խոսքի կիրառության հաճախականության մեկնաբանում:	
Կապը Հանրակրթության պետական չափորոշչի միջնակարգ ծրագրի վերջնարդյունքների հետ	
Մ1, Մ11, Մ14, Մ15, Մ24, Մ25, Մ26, Մ28, Մ33, Մ39, Մ40, Մ41	

Մեր դիտարկմամբ ուսուցման (առավել ևս լեզվի ուսուցման) գործընթացում կարողունակությունների հետևյալ աստիճանակարգումն առավել նպատակային է. առաջնային պետք է լինի սովորել սովորելու

կարողունակությունը, այնուհետև ինքնաճանաչողական ու սոցիալական, ժողովրդավարական և քաղաքացիական, թվային և մեդիա, մշակութային կարողունակությունները՝ որպես ընդհանրական կարողունակություններ:

Մինչդեռ լեզվական գրագիտություն և կարողունակությունը ու մաթեմատիկական և գիտատեխնիկական կարողունակությունը ներկայացնում ենք ըստ շարահյուսական հոմանիշների (փոխակերպումներ) ուսուցման մեր տարբերակի՝ ելնելով մեր ընտրած թեմայի բովանդակությունից և հաշվի առնելով հանրակրթական հիմնական ծրագրերի բովանդակության պարտադիր նվազագույնը:

Սովորել սովորելու կարողունակություն

Ըստ այս կարողունակության՝ սովորողներն ինքնուրույն և մյուսների հետ արդյունավետ սովորում և աշխատում են կյանքի տարբեր իրավիճակներում: Նրանք ճանաչում են իմացածի և չիմացածի սահմանները, ինքնակազմակերպվում են և ձևավորում են ժամանակի արդյունավետ կառավարման հմտություն: Սովորելու ընթացքում աշակերտները ձևավորում են իրողությունները վերլուծելու, ստեղծագործական ու նորարար մոտեցումներ կիրառելու ունակություններ, ձևավորում են համակարգային և ինտեգրված մտածողություն:

Ինքնաճանաչողական և սոցիալական կարողունակություն

Ըստ այս կարողունակության՝ սովորողները հաջողությամբ կառավարում են սեփական ժամանակը, գիտելիքներն ու հմտությունները: Նրանք դպրոցական միջավայրում ձևավորում են դասարանային մշակույթ. գործում են կառուցողական և համերաշխ, դրսևորում են ընկերակցելու ունակություն և տարակարծությունների խաղաղ և համագործակցային կարգավորման հմտություններ:

Ժողովրդավարական և քաղաքացիական կարողունակություն

Ըստ այս կարողունակության՝ սովորողները արժևորում են մարդու կյանքն ու արժանապատվությունը, կարևորում սեփական քաղաքացիական պարտքը, քաղաքացիական մասնակցության մշակույթը, ցուցաբերում են նախաձեռնողականություն, ինքնուրույն որոշումներ կայացնելու, դրանք իրագործելու ունակություն և հետևանքների համար պատասխանատու լինելու պատրաստակամություն: Նրանք ճանաչողության միջոցով ձևավորում են սեր հայրենիքի՝ նկատմամբ, արժևորում են մարդու կյանքն ու արժանապատվությունը (վերառարկայական կապեր):

Թվային և մեդիա կարողունակություն

Ըստ այս կարողունակության՝ սովորողները տիրապետում են մեղիագրագիտության կանոններին ու հմտություններին, գտնում և տարածում են տեղեկություններ, քննադատորեն վերլուծում, գնահատում և արժևորում դրանք: Աշակերտները տիրապետում են մեղիա արտադրանք ստեղծելու տեխնիկական և ստեղծագործական հմտություններին, ինչպես նաև կարողանում են արդյունավետորեն կիրառել մեղիա գործիքները՝ դասագործընթացում նպատակային կիրառելու համար:

Մշակութային կարողունակություն

Ըստ այս կարողունակության՝ սովորողները ճանաչում են հայ և համաշխարհային գրականությունն ու արվեստը՝ ձևավորելով մշակութային գրագիտություն և ճաշակ, արժևորելով հոգևոր և նյութական ժառանգությունն ու մշակութային բազմազանությունը:

Շարահյուսական հոմանիշներից անդրադառնանք բարդ ստորադասական նախադասության փոխակերպմանը պարզի և ուղղակի մեջբերվող խոսքի փոխակերպմանը անուղղակի խոսքի ուսուցման հարցերին՝ ելնելով կարողունակություններից:

Բարդ ստորադասական նախադասության փոխակերպումը պարզի

Լեզվական գրագիտություն և կարողունակություն

Ըստ այս կարողունակության՝ սովորողները տիրապետում են հայոց լեզվին, գրավոր և բանավոր գրագետ հաղորդակցվում են՝ ըստ լեզվական կանոնների և իրավիճակների:

Նրանք կիրառում են լեզուն՝ որպես ուսումնառության և հասարակական կյանքին մասնակցության համապիտանի գործիք: Սովորողներն ընդունակ են բանավոր և գրավոր ճանաչելու, ըմբռնելու, արտահայտելու, ստեղծելու և մեկնաբանելու տարբեր հայեցակարգեր, փաստեր:

Ինչպես վերը նշեցինք, լեզվական գրագիտություն և կարողունակությունը ու մաթեմատիկական և գիտատեխնիկական կարողունակությունը ներկայացնում ենք ըստ շարահյուսական հոմանիշների (փոխակերպումներ) ուսուցման մեր տարբերակի:

Դիսարկումներ: Շարահյուսական հոմանիշները շարահյուսական այն կառույցներն են, որոնք տարբեր կազմություններ ունեն, սակայն գրեթե նույն իմաստն են արտահայտում. նրանց ճիշտ և տեղին գործածությունը խոսքի միօրինակությունից խուսափելու, տարբեր ձևերով խոսքն արտահայտելու հնարավորություն է ստեղծում:

Ցուցումներ

1. Գլխավոր նախադասությունը չի փոփոխվում. փոփոխվում է երկրորդական նախադասությունը:
2. Ստորադասական շաղկապը փոխարինվում է համապատասխան կապով կամ ընկնում է:
3. Երկրորդական նախադասության ստորոգյալը դառնում է դերբայ

ում / գրում եմ / - → ող / գրող

ել / գրել եմ / - → ած / գրած /

Եթե երկրորդական նախադասության ստորոգյալը բայական չէ, անուն խոսքի մասին ավելանում է *լինել* բայը:

4. Եթե երկրորդական նախադասության ենթական *անձ* է, փոխվում է սեռական հոլովի, *իր* է, կարող է փոխվել սեռական հոլովի, կարող է մնալ ուղղականով:

Մաթեմատիկական և գիտատեխնիկական կարողունակություն

Ըստ այս մտածողության՝ սովորողներն օգտագործում են մաթեմատիկական մտածողություն՝

- փոխակերպման օրինաչափությունները ճանաչելու և դրանք մաթեմատիկական կառուցվածքների,
- բանաձևերի, մոդելների, աղյուսակների միջոցով արտահայտելու, հասկանալու համար:

Բանաձևեր

- Որպեսզի, որ (*նպատակ*) → ելու // ալու (+ համար, նպատակով)
- Որովհետև, քանի որ (*պատճառ*) → ելու // ալու + պատճառով //
- շնորհիվ
- Եթե [երբ, որ, թե] (*պայման*) → ելու // ալու + դեպքում
- Թեև, չնայած /որ/, թեպետ (*հակառակ հիմունք*) → չնայած ելուն// ալուն, ելով // ալով հանդերձ
- Քան, քան թե (*փոխարինում*) → ելու // ալու + փոխարեն // ելուց, ալուց
- Հենց, հենց որ, թե չէ (*ժամանակ այդ պահին*) → ելուն // ալուն + պես
- Երբ (ժամանակ) → ա) իս, ելու // ալու ժամանակ
- բ) ելուց // ալուց հետո

գ) ելուց // ալուց առաջ

դ) ելով // ալով

✓ ԺՊ, երբ... /միջադաս /,... → ԺՊ՝ - իս / մասնավորեցնող պարագայական բացահայտիչ դդ/:

✓ Գլխավոր նախ. գոյական, երբ / միջադաս/..., → որոշիչ դդ:

❖ Գլխավոր նախ. ստորոգյալ, որ / խնդիր երկրորդական / →
 ա) ի՞նչ (ը) → ել(ը), ալ(ը) , գ) ինչի՞ց → ելուց, ալուց
 բ) ինչի՞ն → ելուն, ալուն, դ) ինչի՞ մասին → ելու,
 ալու + մասին

❖ Գլխավոր նախ. ստորոգյալ, թե →
 ա) ի՞նչ(ը) → ելը, ալը
 բ) ինչի մասին → ելու, ալու + մասին

Գլխավոր նախադասություն → **հարաբերյալ**

[3-րդ դեմքի անձնական կամ ցուցական դերանուն]

Երկրորդական նախադասություն → **Հարաբերական**

ա) այն..., որ //որոնք → **ոյ** **ած**

բ) նա..., ով / նրանք..., ովքեր → **ոյր** **ածը**

դ) այնպես..., ինչպես // որ → ելու, ալու + պես // նման , ձևով

ե) այնքան..., որքան // որ / այնչափ ..., ինչչափ → ելու, ալու + չափ

ե) այնտեղ, ուր // որտեղ → ելու, ալու + տեղում

Ուղղակի խոսքի փոխակերպումն անուղղակիի

Ցուցումներ

1. Հեղինակի խոսքը որևէ քերականական փոփոխության չի ենթարկվում:

2. Հեղինակի խոսքը ինչ դիրք էլ ունենա, փախակերպման ժամանակ իբրև գլխավոր նախադասություն գործածվում է նախադաս:

3. Ուրիշի ուղղակի խոսքը ավարտվելուց հետո հեղինակի խոսքում սկզբից գործածվում է ստորոգյալը, հետո ենթական, մինչդեռ փոխակերպման դեպքում ենթական գործածվում է ստորոգյալից առաջ:

Փոխակերպման մոդել

Բանաձևեր

✓ Որ շաղկապ + պատմողական երանգի ուրիշի ուղղակի խոսք - նախադասություն:

✓ Թե շաղկապ + հարցական երանգի ուրիշի ուղղակի խոսք - նախադասություն:

1. Եթե ուղղակի խոսքում հարցումը արտահայտվում է որևէ հարցական դերանվան միջոցով, երկրորդական նախադասությունը սկսվում է *թե երբ, թե ինչպես, թե որտեղ, թե ինչու* և նման կառույցներով:

2. Եթե ուղղակի խոսքում հարցումը արտահայտվում է *ստորոգյալը* կամ նախադասության այլ անդամ, փոխակերպման դեպքում ավելանում է *արդյոք* բառը:

3. Կոչականը ուղղակի խոսքում կարող է

ա) գործածվել *գլխավոր նախադասության մեջ որպես հաղորդման անուղղակի խնդիր*,

բ) գործածվել *երկրորդական նախադասության մեջ որպես ենթակա*:

գ) Կոչականի փաղաքշական լրացումները, ձայնարկությունները փոխակերպվելիս ընկնում են:

դ) Փոխակերպվելիս կոչականն ընկնում է, եթե հեղինակի խոսքում նշվում է նա, ում ուղղված է խոսքը:

4. Ուղղակի խոսքի ա) *հրամայական եղանակի բայաձևերը* անուղղակի խոսքում փոխվում են *ըղձական եղանակի* (կարող է ավելանալ *թող* բառը), բ) *արգելական հրամայականի բայաձևերը* գործածվում են ժխտական խոնարհմամբ:

Աղյուսակ 2. Դերանունների փոփոխություն:

Դերանունները համապատասխանաբար կփոխվեն			
ուղղակի խոսք	անուղղակի խոսք	ուղղակի խոսք	անուղղակի խոսք
ես իմ ինձ ինձնից ինձնով	ինքը իր իրեն իրենից իրենով	մենք մեր մեզ մեզնից մեզնով	իրենք իրենց իրենց իրենցից իրենցով
դու քո քեզ քեզնից քեզնով	նա նրա նրան նրանից նրանով	դուք ձեր ձեզ ձեզնից ձեզնով	նրանք նրանց նրանց նրանցից նրանցով

Ելնելով 11-րդ դասարանի հայոց լեզվի առարկայական ծրագրի համապատասխան բաժնից և գործող դասագրքում զետեղված նյութերից՝ մենք չենք ներկայացնում փոխակերպման նմուշօրինակները, այլ հաշվի առնելով նույն ծրագրում առաջարկվող գործունեության ձևերը՝ առաջարկում ենք միջառարկայական կապեր ստեղծելու և ժամանակակից

համաշխարհային գրականությանը առնչվելու, մշակութային բազմազանությունն ապահովելու համար աշխատել Ռիչարդ Բախի «Ջոնաթան Լիվինգսթոն ճայր» վիպակից քաղաբերված օրինակներով: Ուսուցման մեթոդ կարող է ծառայել «Երկու ձայնի պատմություն» (Tow voice poem) համեմատության եղանակը [5] (աղյուսակ 3):

Աղյուսակ 3. «Երկու ձայնի պատմություն» (Tow voice poem) համեմատության եղանակը

Տարբերություններ	Նմանություններ	Տարբերություններ

Ներկայացնենք վարժությունների նմուշօրինակներ:

1. *Վիպակից քաղաբերված բարդ ստորադասական նախադասությունները փոխակերպել ք պարզի՝ աշխատելով վերոնշյալ աղյուսակով:*

Գիշերը, երբ նա ուշքի եկավ, լուսնի լույսով սկսեց լողալ օվկիանի մակերևույթով:

Հենց որ նա փորձեց դուրս գալ խոյաթոփչից, հենց փոխեց թևերի դիրքը, վայրկենապես հայտնվեց անկառավարելիության նույն աղետալի վիճակի մեջ:

Այլևս չեն լինի այն խոչընդոտները, որ ստիպում էին իրեն սովորել:

Նա լավ գիտեր, որ ինքը ցրիվ կգար միլիոնավոր մանր կտորների, եթե նման արագությամբ թռչելիս թևերը հանկարծ բացվեին:

2. *Վիպակից քաղաբերված մեջբերվող ուղղակի նախադասությունները փոխակերպել ք անուղղակի խոսքի՝ աշխատելով վերոնշյալ աղյուսակով:*

Նրա ծնողներն իսկապես խիստ ահաբեկված էին:

Ջոն, – հարցնում էր մայրը, – ինչո՞ւ է բոլորի նման լինելն այդքան դժվար, ինչո՞ւ չես կարողանում ապրել՝ ցածր թռչելը ձկնկուլներին ու ալբատրոսներին թողնելով:

– Մենք քո Երամից ենք, Ջոնաթան, մենք քո եղբայրներն ենք: – Այդ խոսքերը հնչեցին մեղմ ու վստահ: – Մենք եկել ենք քեզ վերել տանելու, տանելու տուն:

Տոհմամետը ժպտաց՝ ողողված լուսնի լույսով:

– Դու դարձյալ սովորում ես, Ջոնաթան Ճայ, – ասաց նա:

– Ես ուզում եմ սովորել քեզ նման թռչել, – ասաց Ջոնաթանը, եւ աչքերը վառվեցին տարօրինակ փայլով: – Ասա՛ ինձ, թե ի՞նչ եմ անելու:

Լեզվի ծրագրային նյութի ուսուցման ընթացքում հաջորդական քայլերով կյանքի է կոչվում հիմնական նպատակներից մեկը՝ պատրաստել

գրագետ հաղորդակցվող, բանավոր ու գրավոր տրամաբանված խոսք, լեզվամտածողություն ունեցող անհատ, որն իր սեփական ջանքերով բացահայտում է գիտելիքը: Հայոց լեզվի ծրագրային նյութի ուսուցմանը զուգընթաց կարևորվում է հանրակրթության պետական չափորոշյով նախանշված կարողունակությունների զարգացումը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Gardner H. Intelligence Reframed. Multiple intelligences for the 21st century, 1999. PP. 27–46:
2. *Խալատյան Գ., Թորգոմյան Ս., Հարությունյան Ռ.* Հայոց լեզվի դասավանդման մեթոդիկա, Եր., 2023: Էջ. 145–151:
3. ՀՀ Կառավարության որոշում N 136-Ն: URL: arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=149788 (նայված է՝ 25.01.2025):
4. Հանրակրթական դպրոցում հայոց լեզվի և գրականության ուսումնառության ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳ (նախագիծ) URL: https://escs.am/files/files/2020-07-17/0c0bec6bd1b-12c6389919925ac049d7e.pdf (նայված է՝ 25.01.2025):
5. *Վարդանյան Գ.* Հին ու նոր մեթոդները դասավանդման արդի փուլում, Եր., 2019: Էջ 47:

REFERENCES

1. Gardner H. Intelligence Reframed. Multiple intelligences for the 21st century, 1999. PP. 27–46.
2. *Khalatyan G., Torgomyan S., Harutyunyan R.* Armenian Language teaching methodology, Yerevan, 2023: PP. 145–151.
3. RA Government Decision N 136-N: URL: arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=149788 (accessed: 25.01.2025).
4. Concept of the study of the Armenian Language and literature in general educational school (draft) URL: https://escs.am/files/files/2020-07-17/0c0bec6bd1b12c6389919925ac049d-7e.pdf (accessed: 25.01.2025).
5. *Vardanyan G.* Old and new methods in the modern stage of teaching, Yerevan, 2019. P. 47.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИМ СИНОНИМАМ (ТРАНСФОРМАЦИИ)

С.Ф. Торгомян, Р.П. Джукфаян

АННОТАЦИЯ

Каждый новый день мир предстает перед человеком в новом формате, создавая ситуации, требующие способности анализировать, осмысливать и принимать верные решения для сохранения собственного существования и решения возникающих проблем. Жизнь диктует обществу новые стратегии мышления и деятельности, разработка которых в широком смысле составляет содержание современной образовательной политики. В условиях происходящей реконструкции, затрагивающей не только образовательные структуры, но и мышление в целом, особенно важно формировать у обучающихся убеждение в необходимости постоянного обучения для полноценного участия в жизни общества.

Язык, как форма мышления и средство коммуникации, позволяет человеку формулировать мысли и чувства словами. В данной статье исследуются разнообразные критерии мышления и функциональной грамотности, выявляется логическая взаимосвязь между сформированными способностями и значением преподавания грамматических структур языка. В качестве примера рассматривается обучение синтаксическим синонимам (трансформациям).

Цель работы – представить различные типы и особенности мышления, ключевые компетенции общего среднего образования, а также возможности их развития через обучение синтаксическим синонимам. Отмечается, что в старшей школе и системе высшего образования приоритетное значение приобретает самостоятельное обучение. В иерархии компетенций на первый план выходит способность к обучению, за которой следуют самоорганизационные, социальные, демократические, гражданские, цифровые, медийные и культурные компетенции как универсальные. При этом языковая, математическая и естественнонаучная грамотности развиваются, в частности, через овладение синтаксическими синонимами.

В статье также предлагаются методы обучения, учитывающие обязательный минимальный объем содержания основных общеобразовательных программ.

Ключевые слова: многомерное мышление, компетенции, синтаксические синонимы, трансформации, образовательные результаты.

THE FORMATION OF LEARNERS' COMPETENCIES IN THE PROCESS OF TEACHING SYNTACTIC SYNONYMS (TRANSFORMATIONS)

S. Torgomyan, R. Julfayan

ABSTRACT

Each new day presents the world to individuals in a new light, creating situations that require them to analyze, interpret, and make appropriate decisions to sustain their existence and address emerging challenges. Life imposes on society the need to develop new strategies of living and action, and the development of such strategies constitutes, in the broadest sense, the essence of modern educational policy. Today, a process of reconstruction is underway that affects not only educational structures but also ways of thinking. This necessitates, above all, fostering in learners the conviction that lifelong learning is essential to becoming active members of society and meaningfully participating in its diverse processes.

Language is both a form of thought and a means of communication, enabling individuals to articulate their ideas and emotions. This article examines the logical relationship between the competencies defined by state educational standards and the role and significance of teaching grammatical structures – specifically, syntactic synonyms (transformations) – in developing these competencies. The aim is to present the various types and characteristics of thinking, the core competencies of secondary education, and the possibilities for developing them through teaching syntactic synonyms. It is noted that both in high school and higher education, emphasis is placed on learners' independent study.

Within the hierarchy of competencies in education, the ability to learn occupies a primary position, followed by self-management, social, democratic, and civic competencies, as well as digital, media, and cultural competencies as universal skills. Meanwhile, linguistic, mathematical, and scientific-technical competencies are developed through the structured teaching of syntactic synonyms (transformations), aligned with the mandatory minimum content of core general education programs.

Keywords: diverse thinking, competencies, syntactic synonyms, transformations, educational outcomes.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-172-189

Поступила: 20.02.2025г.

УДК 821.19+82.09+82–7

Сдана на рецензию: 27.02.2025г.

Подписана к печати: 14.03.2025г.

ГЕНЕАЛОГИЯ КУЛЬТА ПРАВИТЕЛЯ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НА ОСНОВЕ АРМЯНСКОЙ СКАЗКИ «ДЖИКОН»

Н.М. Балаян¹, С.А. Аветисян²

Институт литературы им. Манука Абегамяна НАН РА^{1,2}

nabalayan@gmail.com, satenikavetisyan@litinst.sci.am

ORCID¹: 0000-0003-3530-3434, ORCID²: 0000-0002-7565-5461

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу художественных произведений, созданных на основе армянской народной сказки «Джикон» и сказки «Храбрый Назар», обработанной А. Туманяном. В исследовании рассматриваются концепции, согласно которым в художественном контексте политического мифа авторы, используя пародию, иронию, гротеск и насмешку, наделяют архетипического героя актуальными чертами, расширяют его политическую траекторию и демонстрируют процесс опасных трансформаций Назара – персонажа, пришедшего к власти благодаря счастливым случайностям. Цель исследования – интерпретация сходств и различий авторских подходов, которые трансформировали знаменитого героя сказки, расширяя политическую траекторию развития персонажа в произведениях различных жанров, объединенных принадлежностью к одному сатирическому типу. В статье делается вывод о том, что все армянские авторы, изображая процесс политической трансформации Назара, подчеркивают ключевую роль речи в формировании общественного сознания, художественно раскрывая в своих текстах лингво-психологическую и политическую градацию. Актуальность темы обосновывается вневременной природой назарства как вечного феномена, присущего всем общественным формам.

Ключевые слова: фольклорный персонаж, гротеск, комический тип, пропагандистское речение, политический миф.

Введение

Армянская народная сказка «Джикон» [1], записанная фольклористом Г. Сrvандзтянцем, стала своеобразным художественным материалом для пи-

сателей, создававших произведения на эту тему. Сказка представляет фольклорный образ, созданный народом, имеющий аналоги в сказках других народов и ставший собирательным символом – образом человека, пришедшего к власти благодаря фактору удачи. В международном указателе сказочных типов выделяются следующие качества, типизирующие характер героев подтипа «Счастливые случайности» [2]: ленивость, лживость, ловкость, трусость, авантюризм, бездарность, хвастовство и достижение власти по воле судьбы. Если в армянской народной сказке герой представлен ленивым, ничемным, хвастливым и трусливым, то в литературных обработках он чаще всего предстает расчетливым, хитрым, пренебрегающим нравственными законами и добивающимся своей цели.

В XX–XXI вв. ряд армянских авторов (Ов. Туманян (1859–1923), Ав. Исаакян (1875–1957), Амастех (1859–1923), Д. Демирчян (1877–1956), Н. Пешикташлян (1898–1972), М. Саргсян (1859–1923), Н. Адалян (1859–1923), Ов. Григорян (1859–1923) и др.) обращался к образу этому герою. Продолжая тему с различных эстетических и когнитивных позиций, они представляли одну и ту же идеологическую проблему: процесс трансформации психики политически незрелого, не обладающего достоинствами, необходимыми для восхождения к власти, существа.

Опираясь на исследования, посвященные теме «назаризма», мы провели литературоведческое исследование, применяя новый междисциплинарный подход, использующий методологические принципы и инструментарий герменевтики, семиотики и политической психологии, в трех частях статьи объединив и представив в общих чертах собирательный тип всех Назаров.

В статье показано, что авторы стремились раскрыть моральный стержень личности, играющей деструктивную роль в нарушении преемственности традиции власти, а также изобразить процесс превращения ленивого и трусливого деревенского мужика в устрашающего диктатора.

В качестве обобщения следует отметить, что, авторы литературных произведений, применяя различные жанровые структуры, стилистические особенности, индивидуальные проявления устного творчества, а также широкий спектр эстетических приемов, решили идентичные идеологические задачи, обосновав актуальность темы вневременной сущностью назаризма как вечного явления, присущего всем общественным формам.

Авторская интерпретация фольклорного текста

Литературная обработка фольклорного сюжета началась со сказки «Храбрый Назар» О. Туманяна [3], опубликованной в 1912 г. Первый авторский текст был создан на основе армянской народной сказки «Дижикон», герой которой всего лишь по воле случая и по воле судьбы завоевал расположение толпы и стал

царем¹. Основываясь на связанные с этой темой нарративы², бытующие в некоторых странах мира, отмечая сходство³ сюжета дагестанской сказки и имени ее героя Назная с армянским именем⁴ Назар, Туманян посредством иронической

¹ Жена Джикона, разгневанная ленью и пустословием мужа, не пускает его в дом. Герой напрасно плачет и просит жену впустить его, а когда он устало засыпает, мухи слетаются на его грязный нос и рот. Он убивает несколько мух и радуется своей «храбрости». Взяв флаг (в шутку исписанный кусок тряпки), он отправляется в путь и по воле случая достигает царского трона.

² Герой 9 армянских печатных вариантов «Храброго Назара», соответствующих международному указателю АТУ «Типы сказочных сюжетов», имеет свои международные параллели – русский Иван Дурак, грузинский Фазан, чеченский Незнай, аварский Великан Назнай, адыгейский Бзеген, татарский Яджудж, талышский Трус, Храбрый портной (немецкая сказка, обработанная братьями Гримм) и т.д. (*Айрапетян Т.Л.* Международные параллели туманяновских обработок армянских народных сказок // «Воске диван: журнал по сказковедению». № 6. 2018–2019. С. 67, *Туманян О.Т.* Примечания / Полное собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1994. СС. 784–788).

Во 2-м варианте герой русской народной сказки «Фомка Беренников» напоминает Назара: Фомка убивает мух и прославляет себя как богатыря, идет воевать и по счастливой случайности становится известным героем (*Афанасьев А.Н.* Фома Беренников / Народные русские сказки. В 3-х т. Т. 3. М.: Изд-во ГИХЛ. СС. 241–243).

³ Многослойность ассоциаций становится очевидной в особенности между героем дагестанской сказки «Богатырь Назнай» и Назаром (Богатырь Назнай (сказка) / То ли было, то ли не было. Ростов-н/Д.: Изд-во «Ростовское книжное», 1982. СС. 82–87). Ассоциативность сцен той же трусости, гнева жены, по этой причине не пускающей героя в дом, убийства мух очевидно. Учитывая данные корреляции и имя Назнай, Туманян назвал своего героя Назаром, адаптировав его к распространенному армянскому имени. В армянском литературоведении об источниках и связях сказки Туманяна «Храбрый Назар» написано много (*Габриелян Л.Г.* Связи и источники сказки Ов. Туманяна «Храбрый Назар» // «Вестник Ереванского университета. Филология». № 1 (112). 2004. СС. 102–111; *Саргсян В.М.* Литературная траектория Храброго Назара. Ер.: «Айастан», 1991. СС. 32–47; *Григорян А.* Туманяновские разработки сказки «Храбрый Назар» // Сборник научных статей «Акунк» / Ред. Нерсисян А. № 1 (21). 2019. СС. 39–44; *Айриян Л.В.* Туманяновская трактовка образа Храброго Назара // «Историко-филологический журнал». № 2 (142). 2011. СС. 143–148; *Ганалаян А.Т.* Армянская литература и фольклор. Ер.: «Советский писатель», 1986. С. 190).

⁴ Арабское имя Назар с XVII-го века использовалось среди армян и впоследствии воспринималось как армянское мужское имя (*Ачарян Р.А.* Словарь армянских личных имен: в 5-ти т. Т. 4. Алеппо: Изд-во «Библиотека Киликия», 2006. С. 8).

гиперболы [4], создающей комический эффект через отрицание или осмеяние [5], выбрал свой вариант названия сказки – Храбрый Назар, тем самым подчеркивая ее сатирический характер. Впоследствии многие авторы, обращаясь к этой теме, сохранили заголовок Туманяна. Так в юмористическом произведении Д. Демирчяна «Храбрый Назар», в «Ага Назаре» Ав. Исаакяна, в «Непобедимом Назаре» Ст. Зоряна, в «Ужасном Назаре» Н. Пешикташяна и других произведениях герой⁵ – вновь Назар.

В тексте Туманяна, насыщенном комизмом положений и речи, метафора – антропоним «Храбрый» выступает ключевым показателем сущности героя, обобщающим его тип: по сути трусливого человека, который благодаря счастливой случайности пришел к власти. В других произведениях формы обращения к Назару становятся более образными – «Заря, Солнце, Светило». Его чтят прозвищными именами Смелый, Грозный, Непобедимый, даже эпитетом Отец («Отец наш Назар, да святится имя Твое» [6]), что по сути представляет собой аллюзию на народное именование, прославляющее Сталина, и отсылку к Молитве Господней. В данном случае использование эпитетов и прозвищ⁶ для обозначения лидеров – от мифологических героев и исторических личностей до современных правителей – служит способом устранения любых ограничений в комбинировании «текстовых» элементов.

Персонажи сказок и мифов отражают архетипы, связывая их с миром «я» [7]. Таким образом, индивидуальные черты туманяновского «Я» Храброго Назара трансформировались в универсальные. Он стал мифологизированным трикстером и тип-символом в литературе. Архетип человека, случайно пришедшего к власти, материализовался через мифы, сказки и знаки с символической ценностью [8], пройдя национальное, культурологическое осмысление, получил исключительное развитие⁷.

⁵ Герой Ов. Григоряна тоже – Храбрый Назар, но автор дал ему также второе имя – Маэстро, что лучше всего отражает жизненную позицию автора, заключающуюся в поиске и открытии этого персонажа практически во всех сферах и в самых разнообразных формах.

⁶ В ранний период советской эпохи армянские поэты особенно восхваляли в своих произведениях Сталина и Ленина, сравнивая их с животворным солнцем, а их генний – с солнечными лучами. По этому поводу следует упомянуть известное стихотворение Н. Заряна «Сталин», в котором он пишет: «И сияй на горизонте размером с солнце» (Зарян Н.Е. Сталин: Избранное. Ер.: «Айпетрат», 1951. СС. 5–6). Обычно в литературных текстах Назару в насмешку приписывается эпитет «солнце».

⁷ В этом ключе очевидно сходство со сказкой «Отважный портной» братьев Гримм. Переведенная на многие языки, она послужила основой для создания фильмов в разных странах. Впервые в истории армянской литературы эту сказку перевел на армянский язык О. Туманян.

В основе произведений известных армянских писателей – Ав. Исаакяна, Д. Демирчяна, Н. Пешикташяна, Ст. Зоряна, Л. Шанта, Амастеха, Сипила, а в более поздние времена – Мк. Саргсяна, В. Арамяна, Ов. Григоряна, Н. Адаляна и др. – лежит известная сказка Туманяна «Храбрый Назар». В этой литературной авторской сказке акцент сделан на детальной прорисовке индивидуальных характеров. Напротив, народной сказке «Джикон» «свойственна простая картина “я”, раскрытая в обобщенных типажах и архетипах» [9]. Межтекстовые связи в произведениях, созданных по этой тематике, берут свое начало из туманяновской обработки, но отличаются жанровыми особенностями, разнообразием композиционных приемов, разными языковыми закономерностями и ценностно-смысловыми аспектами различия. Фольклорный герой претерпел различные метаморфозы, вплоть до политико-сатирического контента, который иногда заключался в аллюзиях на беллетризованные исторические события и лица.

Но каждый Назар, как комический тип [10], своеобразно интерпретируется с точки зрения эстетической концепции авторов, с подчеркнутой необходимостью применения юмора и сатиры, «с целью добиться разложения, антиформы, антисмысла, антигероя, антисодержания, антиязыка» [11].

Назар Туманяна как комический тип – безвольный трус и неумеха, лишенный хитрости и изворотливости, которому лишь по счастливой случайности удастся достичь власти и удержаться на троне. В его сказке, как и в народной, сохраняется единая смысложизненная позиция, обнаруженная в сюжетах сказок всего мира – культ правителя [12].

В 1922г. Д. Демирчян поставил на сцене своего «Храброго Назара» (пьеса была написана по заказу для театральной постановки), впервые в армянской литературе добавив политическую коррективку к поступкам и словам этого сказочного героя. До середины 50-х годов Д. Демирчян продолжал редактировать свою комедию [13, 14], углубляя элементы политической сатиры и сарказма, а также подчеркивая процесс опасных трансформаций сущности человека, достигшего власти [15].

Армяно-французский сатирик Н. Пешикташлян пьесой «Ужасный Назар» (1939) продолжил литературную традицию Д. Демирчяна, вновь отдавая предпочтение жанру комедии, поскольку комедия ближе к реальной жизни [16]. В «газетной» по форме пьесе Ншана Пешикташляна, начиная с тождественного названия и заканчивая отдельными чертами сюжета, автор впервые всесторонне рассматривает назарство в контексте художественного политического мифа, создавая образ всеобъемлющего этнокультурного героя, воплощающего типичный портрет трусливого, авантюрного и кровожадного

диктатора, несущего миллионы жертв (аллюзии на Муссолини, Гитлера, Сталина)⁸.

Политическая составляющая содержания, заложенная в сказке в зачаточной форме, позволяет авторам расширить ее текст до масштабов романа, следуя следующей жанровой эволюции: **народная сказка – авторская сказка – пьеса – роман**. При этом во всех жанрах, особенно в пьесах и романах, используются разнообразные стилистические приемы и текстовые вмешательства, сочетающие фактически противоположные элементы: фольклорно-архетипические мотивы и современные интерпретации. В жанре романа присутствуют характерные для пьес мизансцены и элементы мифологических сказаний, свойственные сказкам, что подтверждает Адалян в своих рассуждениях о жанровых переходах: «Каждый роман – сказка, каждая сказка – роман» [17]; «Роман – это театр, а мы зрители».

В произведениях на эту тему мифический мотив сказки о превращении глупца в короля объясняется фактором счастливого случая, аналогично тому, как это представлено в фольклорном повествовании. Назар Саргсяна говорит: «Ум, смелость и сила – это мелочи, если они не дружат с удачей. Трус, которому повезло, стоит тысячи героев, а невезучий герой становится мучеником. Удачливый невежда – бог ученых, а неудачливому мудрецу не доверят даже разделить два ячменных зерна для осла...» [18].

Того же подхода придерживаются и другие Назары. В сказке идея судьбы («судьба» – это слово для не поддающейся описанию внутренней достоверности [19]) на первом плане, тогда как принцип каузальности отодвигается на задний план на основании его невосприятия обществом. «Каждый развитый язык располагает рядом слов, как бы окутанных глубокой тайной: рок, напасть, случай, стечение обстоятельств, предназначение. <...> Это символы, а не понятия» [20].

А в художественных текстах путь превращения глупца в царя выстраивается на основе принципа каузальности. Особое внимание уделяется взаимоотношениям глупца, которому предначертана политическая «судьба», и общества, поддерживающего его, но одновременно испытывающего перед ним страх. Единство толпы-народа и тирана-лидера, обуславливающее их взаимное существование, возводится до уровня мифического сосуществования [21]. В произведениях армянских писателей эта среда становится общей основой, на которой фольклорный герой трансформируется в образ с четко выраженными политическими характеристиками.

⁸ Пьеса Пешикташляна представляется в другой статье, где, исследуя генеалогию персонажа и применяя аналитический метод, рассматриваются только общие черты, присущие герою этой пьесы (Балаян Н.М. Ужасный Назар: Художественное завершение вечного вида // «Литературоведческий журнал», № 2. 2020. СС. 84–105).

Динамическое развитие повествования, достигаемое гибким чередованием комизма речи и положения, делает образ Назара убедительным как национальным, так и универсальным типажом.

Раскрытие сущности ужасного человека

Сказочный образ Дижикона в авторских текстах претерпевает значительные изменения, удаляясь от своего первоначального сказочного прототипа в соответствии с законами динамики реальной жизни [22]. В первых произведениях (Туманян, Демирчян) особое внимание уделяется одному примечательному обстоятельству – раскрытию ужасной сущности Назара. Через слоганы: «Прибрать мир к рукам» и «Достаточно и меня» – разоблачается природа “ужасного человека”» [23].

Если в туманяновской сказке лишь мельком намечается на жуткую сущность Назара, то в последующих обработках ужас назарства приобретает зримые, осязаемые формы: «В Назаре жила змея, а в теле змеи – черный скорпион» [24]. По мере развития сюжета Назары обретают решимость для удовлетворения своего властолюбия. Подобные черты в психологии образа проявляются и в других произведениях, где глупый человек, случайно оказавшийся на вершине власти, постепенно приобретает черты, присущие тирану. «Мир хочет перейти под мое покровительство, так давайте же приставим к его горлу наши мечи и шпаги, оружие и доспехи – поможем ему стать нашим и стать удачливым» [25]. Используя политический сарказм в условной реальности, отражая характерные для исторической действительности события и человека, Демирчян впервые в армянской литературе изображает «ужасного человека», вводя в характер сказочного героя жестокость, цинизм и тираннические склонности как проявления политической болезни⁹.

«Силой закона мы должны углубить и согреть наши сердца любовью друг к другу. Народ же должен полюбить Назара», – говорит Назар [26]. Как типичный тиран, Назар Адаляна приказывает тем, кто находится под его властью, по сути жертвам, любить его, внушая не только страх, но и чувство благодарности за то, что они живут. «Для самооправдания <...> нужна поддержка самой жертвы, поэтому он требует к себе почтения, благодарности и даже любви» [27].

⁹ Примечательно, что Демирчян, осознав, что философия Храброго Назара выходит за рамки комедийного жанра, инициировал работу над романом на эту тему. Однако это произведение так и осталось незавершенным (Саргсян В.М. Неоконченный роман Д. Демирчяна «Храбрый Назар» // «Вестник Ереванского университета», № 1 (67). 1989. С. 33).

В контексте юмора Пешикташляна и Адаляна целевые отсылки и рефразирования, заимствованные из политических текстов, особенно из публичных выступлений Сталина, Гитлера, а также структурная и смысловая имитация других текстов переадресовываются созданному ими образу Назара. «С этой поры есть только одна нация – Наз. Одна религия – Назик. Одна революция – назаризм. Одна республика – реназаро. Один язык – назарский. Одна родина – Назарстан» [28]. Исходя из имени и особенностей героя, новое географическое название также позиционирует определенное пространство – локус, в пределах которого это новое имя, как название страны и народа, получает право на существование. В этом смысле Пешикташлян, Адалян, подобно другим авторам, высмеивают имена, образованные от имен тиранов (Назарашен–Назарстан, Зорбастан–Зорбашен, Назарбилий и др.), подчеркивая трансформацию персонажа: крестьянин Назар был просто Назаром, но, обретя власть и поселившись в крепости, замке или дворце, он превращается в Ужасного, Божественного, Храброго или Маэстро (в переносном смысле). Деятельность предприимчивого глупца всегда ведет к разрушению: он уничтожает существующее, не создавая ничего взамен. В этом абсурд, жестокость и ужас его действий [29].

Процесс трансформации труса в тирана в художественных текстах структурирован через последовательные психологические переходы: 1) от принуждения отдавать приказы до страстного властолюбия, 2) от страха перед возможной утратой власти до «необходимости» физически и морально уничтожать людей.

Первоначальное удовольствие Назара от возможности отдавать приказы постепенно перерастает в навязчивое требование, а затем – в ужасающую необходимость убивать людей, включая даже собственных родственников, движимый страхом утраты трона [30]: «Владыка крови народа – это я, и я приказываю: пусть мой народ прольет свою кровь и заслужит благодарность Храброго Назара. Народ не поймет доброты Храброго Назара, пока не прольет кровь» [31]. Тот, кто легко пришел к власти, боится так же легко ее потерять и устраняет возможные угрозы, отдавая внезапные приказы о массовом убийстве. Он начинает войну, отправляет людей на смерть и не жалеет о потерях [32]. В художественных текстах тенденция направлять народ на войну и устраивать их массовое истребление является ключевой, так как именно на этом зиждется власть тирана. «Война идет. Гибнут, как мухи. Кто бы спросил: за кого вы так гибнете? Конечно, за Назара! Они гибнут, а мы вкусно едим. Скоро война закончится. Если погибли – мне-то что? Если не погибли – кому достанутся слава и честь? Конечно, Назару!» [33].

Пешикташляновский образ труса, скрывающегося за спиной жены и даже боящегося детей, крестьянина с примитивным бытовым мышлением, по ходу пьесы претерпевает зловещую трансформацию. Постепенно он приобретает

черты, превращающие общество в порабощенную массу. «Епископов преклоню перед собой на колени, а демонов заставлю плясать под любую мою песню. Я – хозяин мира!» [34].

Выбор прозвища героя – «Ужасный» – на языковом уровне подчеркивает его необратимую внутреннюю трансформацию: он больше не тот, кем был прежде, он стал новым человеком. Неразлучным спутником правителя, хитрого, расчетливого, хладнокровного и деспотичного убийцы, жаждущего слушать лесть от односельчан и других людей, становится страх – ключевое качество всех тиранов мира. «Чем шире росла и распространялась его царская слава внутри страны и за ее пределами, тем глубже в нем укоренялись дрожжащие ветви страха» [35], «<...> Знаю, что это моя боль и что ее невозможно отделить от меня» [36].

Сюжетные повороты, связанные с убийством родных, партнера, жены, друзей и соратников, в пьесе Пешикталяна раскрывают сущность тирана, типичного для всех тоталитарных систем. В частности, в пьесе эти события соотносятся с эпохой сталинизма.

Однако механизм уничтожения людей правителями включает не только физическое истребление. Другая, не менее ужасающая сторона назаров, лишенных духовных ценностей, – разрушение человеческого духа. Для его раскрытия в текстах широко применяется гротеск, который делается страшен, когда «духовное начало в человеке уничтожается» [37]. Гротеск подчеркивает двойственную природу Назара Адаляна: комизм жестокого тирана проявляется, например, в сцене, где он признает Петуха Гарсо отцом, лелеет и почитает, а потом убивает. Этот эпизод демонстрирует крайнюю степень деградации личности тирана, доведенного до абсурда культом собственной значимости. Постепенное развитие повествования раскрывает генезис культа личности, проецируя эмоциональное переживание своего «я» на коллективное бессознательное. Назар, стремясь заполнить внутреннюю пустоту, символически поглощает органы Петуха Гарсо – своего «отца», таким образом отчаянно пытаясь восстановить утраченную связь с ним. Этот акт становится кульминацией культового поклонения, в котором личность тирана поглощает все вокруг, включая сам объект своей привязанности.

Авторы с помощью гиперболы демонстрируют, что безликий и обыденный человек способен низвергнуть даже великанов, обесценивая их величие. «О, Храбрый Назар, имя твое свергает горы... Пусть великаны склонятся под твоим мечом, чтобы лишиться своей гордости» [38]. Тиран, используя различные формы контроля и наказания [39], подавляет человеческий дух, что особенно характерно для тоталитарных режимов. Фуко различает индивидуальное насилие и насилие государства, отмечая, что со временем объектом государственного контроля становится не только тело, но и душа [40].

Армянские авторы подчеркивают посягательства деспотичного правителя на творческую свободу интеллигенции. «Должны рисовать, лепить и воспевать меня. Мою личность. Солнечную сущность мою. Мой гений, мою силу, мое величие, мою красоту, мое ужасное я» [41] — повелевает Назар. Не менее аморальны представители интеллигенции, которые проявляют себя в угодливости и лизоблюдстве: «<...> Те, кто был по сердцу Назара, получал приз – курагу “Назар”», «Этот сухофрукт имел мощную силу: он удлинял язык победителя, придавал ему гордость, патриотизм, талант, даже если он родился без таланта» [42]. В художественных произведениях с элементами сатиры и черного юмора подчеркивается «осознанное самоунижение» интеллигенции и правящей элиты. Это проявляется в сценах попираания собственных принципов, раболепного восхваления правящей власти и утраты способности мыслить. Под воздействием животного страха и душевной паники герои превращаются в четвероногих существ.

В этих произведениях, характеризующихся сюжетной многогранностью и интертекстуальными отсылками, политическая типизация образов новых Назаров представлена как системная и эстетически целостная концепция.

В романе Н. Адаляна рассматривается «синдром назарства в контексте бытия и сознания современного человека» [43]. Боясь утратить власть, он постепенно становится подозрительным, мрачным, жестоким и морально распущенным. В романе О. Григоряна изображен тип политического деятеля, чей властолюбивый карьеризм отражается в его поступках и политической стратегии. Это властолюбие проявляется во всех аспектах политической жизни: выборах, агитационных кампаниях, ложных обещаниях народу, росте цен, усилении репрессивных мер и расширении пропаганды.

Магическая сила речения в процессе генезиса культа правителя

Объясняя причинно-следственные связи назарства, авторы показывают, что назарство основано на мощной словесной пропаганде, особенно в сатирическом контексте, и подчеркивают исключительную роль речений, которые в тексте реализуются через средства языковой образности: гиперболу, иронию, эпитеты и аллегорию.

Исток обретения Назаром известности и его восхождения к власти заключается, с одной стороны, в самовозвеличивающем высокомерии, побуждающем трусливую личность к достижению высот, а с другой стороны, череде случайностей, в которых ключевую роль в превращении Назара в монарха играет народ. «Мой народ может жить без бензина, без газа и топлива, без хлеба, но он не может жить без Храброго Назара» [44], «Наш царь – это Назар: вчера, сегодня и завтра. Он вечен и бессмертен!» [45]. В процессе легитимации политической идентичности героя ключевую роль играет опосредо-

ванная форма его общения с обществом. В сказке Туманяна сельский священник, насмехаясь над Назаром, который убил мух, пишет на куске ткани слоган: «Непобедимый герой, храбрый Назар, тысячу бьющий единым ударом». Эта фраза становится основой для мифологизации феномена назарства и повторяется во всех авторских текстах.

Назар утверждает свою «героичность» через вербальный текст, запуская процесс распространения ложного повествования (Джигикон сам пишет текст на бумаге и помещает ее между рогами коровы; или кузнец пишет на мече о «подвиге» Назная, в другом тексте, то сосед, то священник пишут на платке или флаге; портной братьев Гримм вышивает на поясе). Сказочно-мифическая интерпретация мотива обретения мировой известности является основополагающей во всех произведениях о Назаре.

В армянской сказке мифологизирующая сила слогана выполняет сюжетобразующую функцию: «Прочитав надпись на лбу коровы, он задумался: “Этот человек семерых одной рукой положил, если бы он не был таким смелым, смог бы он добраться сюда, смог бы он так беззаботно спать? Какое сердце, какая смелость! Ни оружия, ни друга, ни коня не взял с собой” [46].

Трансформация героя в художественном тексте осуществляется в основном через языковые знаки другого [47]. Для достижения успеха и власти в этом упорядоченном мире исключительное значение имеет правильно построенная речь. У визиря Дгирд (Гром), сделавшего Назара царем, «речь громахает, у него такой язык, что он может убедить, кого угодно, и сделать королем самого глупого человека» [48].

У Назара нет ни привлекательной внешности, ни смелости, ни интеллекта. Необразованность, вульгарность, ощущение собственной самооценности – характерные черты Назара Адаляна [49]. Залог успеха каждого Назара – преувеличенное словесное подтверждение бытового и вульгарного поступка, с языковой, психологической и политической точек зрения этот процесс проходит через последовательные и взаимодополняющие этапы: 1) утверждение речений и кривотолков, 2) повторение, 3) зараза: после всего этого следует, 4) приобретенное или искусственное обаяние тирана. Теоретические формулировки Лебона отражают переворотное воздействие речи на массовое сознание в процессе политической трансформации Назара. «Влияние утверждения на толпу становится понятным <...> и объясняется тем, что часто повторяемая идея в конце концов врывается в самые глубокие области бессознательного где именно и вырабатываются двигатели наших поступков» [50].

Идеи коллективного бессознательного, выстраивающие миф о назаризме на основе сфабрикованных новостей, с заразной скоростью распространяются в массах, даже среди людей с высоким интеллектом. Более того, эта зараза «может проявлять свое действие и на расстоянии» [51].

В обработанной сказке Туманяна сила слова и магия пропаганды, приведшие героя к славе, то есть утверждение, а затем повторение речения выражены в одном предложении. Великаны «так много говорят о его (Назара) храбрости, они так хвалят его, что их прекрасная сестра влюбляется в него» [52].

Мифические речения и восприимчивость к внушению обладают силой формирования цепной реакции в образе жизни, поведении и системе сосуществования [53]. Они порождают слепую веру в образ грозного лидера. У людей исчезает сознательная личность, и «<...> они делают поступки, совершенно противоречащие их личному характеру и привычкам» [54].

Приобретенное или искусственное **обаяние** индивида, каким бы ничтожным ни было его личное значение, заставляет людей преклоняться перед ним или поклоняться ему со слепым фанатизмом. «Раньше у Назара был один осел, который иногда его не слушался. Теперь у него миллионы ослов, все послушные» [55]. Поверив в силу слова Назара и людей, сделавших его царем, народ под властью тирана день ото дня все деградировал, превращаясь в пленника пропаганды речений назаров. В произведениях Туманяна, Демирчяна, Пешикташляна, Саргсяна и других значимость речений подчеркивается использованием поэтического текста. Аллюзии на армянские фольклорные песни и эпос, не цитирующиеся напрямую, расширяют пространство речевых насмешек, одновременно сгущая эстетические слои текста.

Сатирические языковые приемы, такие как оксюмороны, мнимо тайные беседы второстепенных героев и абсурдные речения («Повелеваю солнцу взойти на востоке и зайти на западе» [56], «По приказу короля продолжительность беременности в деревне была сильно сокращена – вместо девяти <...> пять месяцев» [57]), служат для изображения всех этапов достижения власти Назаром.

Демифизация образа, ставшего политическим мифом, «осуществляется с помощью таких литературных приемов, как сатира во всех ее разновидностях, причем черный юмор становится доминирующим» [58]. Хитрый, расчетливый и властолюбивый Назар осознает невероятную силу своих провокационных речений и безволие подвластных ему людей, но при этом страшится возможной утраты трона и Времени. Во внепространственно-временном континууме художественных текстов преодолеваются границы времени и пространства, что превращает универсальное назарство в историко-политический миф.

В сказке Туманяна время бесконечно, как и живущий в нем Назар, который до сих пор сидит на троне и смеется над миром. В романе Саргсяна время и Назар выступают союзниками: герой в последний момент оставляет трон и убегает, но рядом с ним находится верный Дгирд, готовый вновь сделать его царем.

Учитывая туманяновский эпилог, Пешикташлян на мгновение заставляет поверить в бессмертие Назара: «Я, Назар Ужасный... Глупцы, Назары не умрут, пока живы рабы и глупцы» [59]. Автор склоняется к мысли о текучести времени, утверждая, что обстоятельства, породившие назарство, вечны, а постоянное присутствие Назара является общественным требованием. В пьесе Пешикташляна Время – действующий герой. Автор надеется на полное уничтожение типа Назара всемогущим Временем. Точно так же Демирчян ведет себя со своим Назаром: он из-за побоев жены был дискредитирован, опозорен и свергнут с престола.

В романе Адаляна «Клоун в большом городе» время беллетризуется в эпическом пространстве. Оно становится активным персонажем, намекающим, что на перекрестках политической истории появляются клоуны и шуты. Царь-клоун Назар Адаляна был свергнут с престола бывшим клоуном, что подчеркивает иллюзорность **его падения**. Время управляет моментом, когда пробудится внутренний шут нового короля, Храброго Назара. Таким образом, назарство предстает как вневременный, внепространственный и вечный феномен.

Заключение

Будучи литературной обработкой фольклорного героя, туманяновский Назар стал ключевым персонажем, играющим исключительную роль в армянской литературе.

Все произведения, основанные на традициях туманяновской сказки, представляли собой уникальные сатирические тексты, которые, обладая оригинальностью и глубоким мировоззренческим содержанием, развивались автономно. Эти произведения способствовали преобразованию архетипичного образа сказочного героя в политический миф. Преображение случайно пришедшего к власти невежественного, грубого и глуповатого человека раскрывается через использование психо-политических методов и инструментов. В контексте приказов о физическом и духовном уничтожении людей формируется художественный образ тирана, воплощающий сущность страшного человека. Все армянские авторы подчеркивают переворотное воздействие речений на массовое сознание в процессе политической трансформации Назара. В своих произведениях они художественно воспроизводят языковую, психологическую и политическую иерархии: утверждение речений, их повторение, заражение ими масс, создание образа – приобретенного или искусственного – обаяния тирана. В художественных текстах назаризм рассматривается как явление неистребимое и вечное. Универсальное назарство, преодолев границы времени и пространства, трансформировалось в историко-политический миф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срвандзтянц Г. Амов-Отов. Константинополь, 1884. СС. 221–225.
2. Uther H. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson, part II, Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales, with an Introduction. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2011. PP. 342–363.
3. Туманян О.Т. Храбрый Назар. Ер.: Изд-во «Петрат», 1937. С. 30.
4. Ганалаян А.Т. Армянская литература и фольклор. Ер.: «Советский писатель», 1986. С. 190.
5. Иваненко Т.И. Исследование иронии в рамках литературоведения URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-ironii-v-ramkah-literaturovedeniya/viewer> (дата обращения: 29.08.2024).
6. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11(203). 1939. С.С. 17, 24, 92.
7. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: «Совершенство», 1997. С. 384.
8. Актуальные проблемы теории литературы (2016) / Ред. А.Е. Джрбашян Ер.: изд-во ЕГУ, 2016. С. 118.
9. Тихомирова Е.Г. Сказка: рефлексия культурного опыта и инкультурационная модель // «Культура и образование: литературоведение», № 3 (34). 2019. С. 35.
10. Бергсон А. Смех / Науч. ред. И.С. Вдовина. М.: «Искусство», 1992. С. 93.
11. Семирджян А., Бекмезян А.О. Сатира в современной армянской прозе // «Проблемы современной армянской прозы»/ Ред. С. Казарян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 267.
12. Тихомирова Е. Г. Сказка: рефлексия культурного опыта и инкультурационная модель // «Культура и образование: литературоведение», № 3 (34). 2019. С. 35.
13. Саргсян В.М. Литературная траектория «Храброго Назара». Ер.: Изд-во «Айастан», 1991. СС. 71–74.
14. Агабабян С.Б. История армянской советской литературы: в 2-х т. Т. 1. Ер.: Изд-во НАН РА, 1986. С. 362.
15. Агаджанян С.А. Новое прочтение «Храброго Назара» Дереника Демирчяна // Ер.: «Вем», № 4 (44). 2013. СС. 60–73.
16. Бергсон А. Смех / Научный ред. И.С. Вдовина. М.: «Искусство», 1992. С. 86.
17. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 315.
18. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 260.
19. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы, М.: «Алгоритм», 2007. С. 273. URL: <https://library.khpg.org/files/docs/1473707765.pdf> (дата обращения: 23.09.2024).
20. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасян. М.: «Мысль», 1993. С. 273.
21. Дмитриев А. Социология политического юмора, М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 1998. С. 98.
22. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Изд-во «Академия», 1928. СС. 96–97 URL: https://imwerden.de/pdf/propp_morfologiya_skazki_academia_1928_text.pdf (дата обращения: 08.07.2024)
23. Агабабян С.Б. История армянской советской литературы: в 2 т. Т. 1. Ер.: Изд-во НАН РА, 1986. С. 363.
24. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 44.
25. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 261.

26. Там же. С. 319.
27. Гогин С. После насилия (Рец. на кн.: Герман Дж. Травма и исцеление: последствия насилия от абьюза до политического террора) // «Новое литературное обозрение», 2023. Т. 184. № 6. С. 474.
28. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11 (203). 1939. СС. 33–34.
29. Агаджанян С.А. Феномен глупости согласно Ов. Туманяну // Ер.: «Вем», 2019. № 3 (67). С. 137.
30. Канетти Э. Масса и власть. Часть XI. Господство и паранойя, эпилог. Изживание выживающего URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (дата обращения: 30.09.2024).
31. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 278.
32. Канетти Э. Масса и власть. Часть XI. Господство и паранойя, эпилог. Изживание выживающего URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (дата обращения: 30.09.2024)
33. Демирчян Д.К. Храбрый Назар. Ер.: Изд-во «Петрат», 1929. С. 56.
34. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник». № 11(203). 1939. сентябрь. С. 28.
35. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 99.
36. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 281.
37. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: «Искусство», 1976. С. 71.
38. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 172.
39. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Изд-во «Ад Маргинем Пресс», 1975. СС. 33–35.
40. Там же.
41. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11(203). 1939. СС. 33–34.
42. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. СС. 159, 260.
43. Семирджян А., Бекмезян А.О. Сатира в современной армянской прозе // «Проблемы современной армянской прозы»/ Ред. С. Казарян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. СС. 264–265.
44. Григорян О.Е. Храбрый Назар: беседы с Маэстро. Ер.: «Нор дар», 2004. С. 9.
45. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 28.
46. Сrvандзтянц Г. Амов-Отов. Константинополь. 1884. С. 221.
47. Лотман Ю.М. Структура художественного текста, М.: «Эксмо», 2023. С. 405.
48. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 77.
49. Калантарян Ж.А. Состояние и проблемы современной армянской прозы // «Литературная газета», 2014, 18 мая.
50. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. С. 240. URL: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (дата обращения: 04.12.2023)
51. Там же, С. 241.
52. Туманян О.Т. Храбрый Назар. Ер.: «Петрат», 1937. С. 19.
53. Агаджанян С.А. Феномен глупости согласно Ов. Туманяну // Ер.: «Вем», № 3 (67). 2019. СС. 131–161.
54. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. С. 162. URL: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).
55. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11 (203). 1939. С. 23.
56. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: Изд-во «Совет. писатель», 1980. С. 381.
57. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 40.

58. *Актуальные проблемы теории литературы* (2016) / Ред. А.Е. Джрбашян Ер.: Изд-во ЕГУ, 2016. С. 128.
59. *Пешикташлян Н. Ужасный Назар* // Журнал: «Айреник». 1939. № 11 (203). С. 34.

REFERENCES

1. *Srvandztyants G. Picturesque. Konstantinopol'. 1884. PP. 221–225 (In Arm.)*
2. *Uther H. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson, part II, Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales, with an Introduction. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2011. PP. 342–363.*
3. *Tumanyan H. Nazar the Brave. Yer.: “Petrat” Publ., 1937. P. 30 (In Arm.).*
4. *Ghanalanyan A. Armenian Literature and Folklore. Yer., “Sovetski pisatel” Publ., 1986. P. 190 (In Arm.).*
5. *Ivanenko T. The study of irony in the context of literary studies. [online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-ironii-v-ramkah-literaturovedeniya/viewer> (Accessed: 23.09.2024).*
6. *Peshiktashlyan N. Nazar the Terrible // Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. PP. 17, 24, 92 (In Arm.).*
7. *Jung C. Soul and Pyth. Six archetypes. M.: “Sovershenstvo” Publ. 1997. P. 384 (In Rus.)*
8. *Contemporary Current Issues of Armenian Literature Theory / Ed. by A. Dzhrbashyan. Yer.: YGU Publ., 2016. P. 118 (In Arm.).*
9. *Tihomirova E. Fairy Tale: Reflection of Cultural Experience and Inculturation Model / Kultura i obrazovanie: literaturovedenie. 3(34), 2019. P. 35 (In Rus.).*
10. *Bergson H. La Rire. M.: “Iskustvo” Publ., 1992. P. 93 (In Rus.).*
11. *Semirdzhyan A., Beqmezian A. The Satire in the Contemporary Armenian novel / Problemy sovremennoy armianskoy prozy / Ed. S. Ghazaryan. Yer.: YGU Publ., 2013. P. 267 (In Arm.).*
12. *Tihomirova E. Fairy Tale: Reflection of Cultural Experience and Inculturation Model / Kultura i obrazovanie: literaturovedenie. 3 (34). 2019. P. 35 (In Rus.).*
13. *Sargsyan V. Literary trajectory of Nazar the Brave. Yer.: “Hayastan” Publ., 1991. PP. 71–74 (In Arm.).*
14. *Agababyan S. History of Armenian Soviet Literature. Works: In 2 vols. Vol. 1. Yer.: NAS RA Publ., 1986. P. 362 (In Arm.).*
15. *Agadzhanyan S. Derenik Demirtchyan’s “Nazar the Brave” in a New Light / Vem. 4 (44). 2013 (In Arm.).*
16. *Bergson H. La Rire. M.: “Iskustvo” Publ., 1992. P. 86 (In Rus.).*
17. *Adalyan N. Clown in the big city. Yer.: SAP Publ, 2012. P. 315 (In Arm.).*
18. *Sargsyan M. Nazar the Brave. Yer.: “Sovet. Pisatel” Publ, 1980. P. 260 (In Arm.).*
19. *Jaspers K., Bodriyar Zh. Phantom of the Crowd]. M., 2007. (online) Available from: <https://library.khpg.org/files/docs/1473707765.pdf> (Accessed: 23.09.2024).*
20. *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. M.: “Misl”, 1993. P. 273 (In Rus.).*
21. *Dmitriev A. Sociology of political humor. M.: 1998 (In Rus.)*
22. *Propp V. Morfology of the Folktale. Leningrad, 1928. (Online) Available from: https://imwerden.de/pdf/propp_morfologiya_skazki_academia_1928_text.pdf (accessed: 08.07.2024)*
23. *Agababyan S. History of Armenian Soviet Literature. Works: In 2 vols. Vol. 1. Yer.: NAS RA Publ., 1986. P. 363 (In Arm.).*
24. *Adalyan N. Clown in the big city. Yer.: SAP Publ., 2012 (In Arm.).*

25. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: “Sovetski Pisatel”, 1980 (In Arm.).
26. The same. P. 319.
27. *Gogin S.* After the violence // *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 184. 6. 2023. P. 474 (In Rus.).
28. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible / Journal «Ayrenik». Boston. 11 (203). 1939. PP. 33–34 (In Arm.)
29. *Agadzhanyan S.* The Phenomenon of Foolishness According to Hovh. Toumanyany // *Vem*. 3 (67). 2019 P. 137 (In Arm.).
30. *Canetti E.* Massa I vlast [Masse und Macht]. [online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (accessed: 30.09.2024) (In Rus.).
31. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yerevan: “Sovet. Pisatel” Publ., 1980. P. 278 (In Arm.).
32. *Canetti E.* Masse und Macht. (Online) Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (accessed: 30.09.2024) (In Rus.).
33. *Demirchyan D.* Nazar the Brave. Yer.: “Pethrat” Publ., 1929. P. 56 (In Arm.).
34. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible / Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. P. 28 (In Arm.).
35. *Adalyan N.* Clown in the big sity. Yer.: SAP Publ., 2012. P. 99 (In Arm.).
36. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: “Sovetski Pisatel”, 1980. P. 281 (In Arm.).
37. *Propp V.* Problems of comedy and laughter. M.: “Iskusstvo” Publ., 1976. P. 71 (In Rus.).
38. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: Sovet. Pisatel Publ., 1980. P. 172 (In Arm.).
39. *Foucault M.* Surveiller et punir: Naissance de la Prison. M.: “Ad Marginem Publ”, 1975. PP. 33–35 (In Rus.).
40. The same.
41. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible // Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. PP. 33–34 (In Arm.).
42. *Adalyan N.* Clown in the big sity. Yer.: SAP Publ., 2012. PP. 159, 260 (In Arm.).
43. *Semirdzhyan A, Beqmezian A.* The Satire in the Contemporary Armenian novel. Problemy sovremennoy armyanskoy prozy /Ed. S. Ghazaryan. Yer.: YGU Publ., 2013. PP. 264–265 (In Arm.).
44. *Grigoryan H.* Nazar the Brave, tales with the Maestro. Yer.: “Nor dar”, 2004. P. 9 (In Arm.).
45. *Adalyan N.* Clown in the big sity. Yer.: SAP Publ., 2012. P. 28 (In Arm.).
46. *Srvandztyants G.* Picturesque. Konstantinopol, 1884. P. 221 (In Arm.).
47. *Lotman Yu.M.* The Structure of a Literary Text. M.: “Eksmo”, 2023. P. 405 (In Russian).
48. *Sargsyan M.D.* Nazar the Brave. Yerevan: “Sovetski Pisatel”, 1980. P. 77 (In Arm.).
49. *Qalantaryan Zh. A.* State and problems of modern Armenian prose // “Literaturnaya gazeta”, 2014, 18 May (In Arm.)
50. *Le Bon G.* La Psychologie des Foules. SPb. 1995. P. 240 (Online) Available from: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (Accessed: 04.12.2023).
51. The same. P. 241.
52. *Tumanyan H.* Nazar the Brave. Yer.: “Petrat Publ”. 1937. P. 19 (In Arm.)
53. *Agadzhanyan S.A.* Phenomenon of Foolishness According to Hovh. Toumanyany / *Vem*. 3 (67). 2019 (In Arm.)
54. *Le Bon G.* La Psychologie des Foules. Saint-Peterburg. 1995. P. 162 [online] Available from: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (Accessed: 04.12.2023).
55. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible // Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. P. 23 (In Arm.)
56. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: “Sovet. Pisatel” Publ., 1980. P. 381 (In Arm.).

57. *Adalyan N.* Clown in the big city. Yer.: SAP Publ., 2012. P. 40 (In Arm.).
58. Contemporary Current Issues of Armenian Literature Theory /Ed. by A. Dzhrbashyan. Yer.: YGU Publ., 2016. P. 128 (In Arm.)
59. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible // Journal "Ayrenik", Boston. 11 (203). 1939. P. 34 (In Arm.)

ORIGIN OF RULERS CULT IN LITERARY WORKS BASED ON "DZHIKON" ARMENIAN FAIRY TALE

N. Balayan¹, S. Avetisyan²

Institute of Literature after M. Abeghyan of NAS RA^{1,2}

nabalayan@gmail.com, satenikavetisyan@litinst.sci.am

ORCID¹: 0000-0003-3530-3434, ORCID²: 0000-0002-7565-5461

ABSTRACT

The article analyzes literary works based on the Armenian folk tale "Dzhikon" and the tale "Brave Nazar", adapted by A. Tumanyan. The aim of this study is to elucidate the distinctive and shared characteristics of a comical character across a range of works, thereby illustrating the particular approach to the character adopted by the authors in each case. The article presents a variety of perspectives through which writers imbue the archetypal character with contemporary characteristics. This is achieved through the use of literary techniques, including parody, irony, grotesque, and sarcasm, within the literary context of political myth. Furthermore, the narrative expands upon the character-symbol's political trajectory, elucidating the perilous metamorphosis of Nazar's essence. The article concludes that all the Armenian writers emphasise the revolutionary impact of speech in terms of Nazar's political transformation and his influence on the consciousness of the masses. In their texts, all Armenian writers artistically realise the linguistic-psychological-political hierarchy. The relevance of the topic is justified by the timeless nature of Nazarism as an eternal phenomenon inherent in all social forms.

Keywords: folklore figure, grotesque, comic type, propaganda speech, political myth.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-190-198
УДК 1751

Поступила: 13.02.2025г.
Сдана на рецензию: 14.02.2025г.
Подписана к печати: 10.04.2025г.

ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА АНГЛИЙСКОГО НЕОРОМАНТИЗМА

Э.В. Гаспарян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
eteri.gasparyan66@gmail.com
ORCID: 0009-0003-9516-3784*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема неоромантизма как художественного течения, выявляются особенности английского неоромантизма. Наряду с общими эстетическими чертами творчества различных неоромантиков, отмечается художественное многообразие предпочитаемых авторами литературных жанров, в соответствии с которым делается попытка определения жанровой системы английского неоромантизма.

Ключевые слова: английский неоромантизм, жанровая система, научно-фантастический роман, детектив, колониальный роман.

Введение

Проблема неоромантизма – течения, возникшего во второй половине XIX века – является одной из самых обсуждаемых в современном литературоведении. Признавая бесспорную связь с романтизмом (выраженную в самом термине), некоторые литературоведы (С. Венгеров, С. Минц и др.) расширяют это понятие, включая в него все литературные течения конца XIX–начала XXвв., сформировавшихся как реакция на реализм и, особенно, натурализм.

Основная часть

«Сосуществование с другими нереалистическими направлениями или реализмом» [1] приводит некоторых историков литературы к отрицанию неоромантизма как самостоятельного литературного направления. В частности, Е. Леонова отмечает наличие общих черт с романтизмом начала века, это «неприятие действительности; сильная личность, часто одинокая, руководствующаяся в своей деятельности альтруистическими идеалами; острота этической проблематики, максимализм и романтизация чувства, страсти; напряженность фабульных ситуаций, приоритет экспрессивного начала над описа-

тельным, эмоционального – над рациональным; активное обращение к событиям прошлого, легендам и преданиям, фантастике, гротеску, экзотике, культивирование авантюрно-приключенческих и детективных сюжетов» [2].

Тщательное выявление общих с романтизмом черт приводит некоторых литературоведов к определению неоромантизма как «нового романтизма», что также, по нашему мнению, безосновательно, поскольку в отличие от романтизма, направления, имевшего мощную философскую и эстетическую базу (И. Кант, И.-Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.-В. Гегель, братья А. и Ф. Шлегели), неоромантизм не опирается на единую философскую систему, что затрудняет его определение как самостоятельного литературного направления.

Довольно противоречивой нам представляется концепция В.М. Толмачева, который, с одной стороны, определял неоромантизм, как переходное явление, вобравшее в себя стиль своего предшественника, закрепившееся при этом как совершенно новое и отличное понятие, которое служило «для описания переходности культуры от “старого к новому” – “молодому”, “современному”», с другой стороны – называет неоромантизм «антиромантическим романтизмом» [3], таким образом одновременно отождествляя и дифференцируя эти понятия.

Наиболее точное, на наш взгляд, определение неоромантизма дает В. Луков. По его мнению, это течение, «связанное с традициями романтизма, но возникающее в иную историческую эпоху, когда на первый план выходит не новаторство содержания и формы, а эстетический и этический протест против дегуманизации личности и реакция на натурализм и крайности декаданса» [4]. Каждый исторический период характеризуется уникальным комплексом специфических проблем, требующих применения новых методов их решений, отличных от предшествующих, но при этом обогащается их художественным опытом.

Неоромантизм, сформировавшийся во второй половине XIX в., не мог не вобрать в себя художественные достижения предшествующих направлений, в частности, элементы романтизма и реализма. Так, переосмысляя мотив романтического бегства от реальности, неоромантики обращаются не к вымышленным или историческим мирам, а предлагают иную оптику восприятия действительности, придавая ей черты художественного идеала.

Если романтизм акцентировал внимание на фигуре исключительной личности в исключительных обстоятельствах, а реализм стремился к объективному изображению жизни со всеми ее противоречиями, то неоромантический герой – это, как правило, человек, находящий гармонию в обыденном, т.е. «используя романтический метод, писатели-неоромантики показывали не исключительных героев, а скрытые в обычном человеке духовные возможности, и в незаметном, на первый взгляд, они видели необыкновенное, выдающееся» [5].

Изучение критической литературы, посвященной проблеме неоромантизма, показало, что авторы в основном сосредотачивают внимание или на содержании понятия «неоромантизм», или на выявлении неромантических черт в творчестве отдельных авторов. При этом, говоря об английском неоромантизме, критики называют ряд имен – Р.Л. Стивенсон, Дж. Конрад, Р. Киплинг, А.К. Дойл и др., отмечая общие черты их художественного мира: насыщенность экзотическими локациями, динамичными сюжетами и элементами приключенческой литературы, частое построение повествования вокруг романтики странствий и поисков внутренней свободы, соединяя лирическое и авантюрное начала. Удивительно, что, выделяя общие эстетические черты творчества различных неоромантиков, исследователи не отмечали различий, проявляющихся прежде всего в выборе предпочитаемых авторами литературных жанров. Так, Т. Карасева лишь констатирует, что для литературного процесса на рубеже XIX и XX вв. характерны «чрезвычайно активное взаимодействие и взаимопроникновение различных литературных жанров и даже родов» [6]. Даже такой авторитетный исследователь неоромантизма как В.А. Луков, перечисляя основные жанры, разрабатываемые английскими неоромантиками, называет «приключенческие романы, повести, рассказы» [7]. В целях восполнения этого пробела, мы попытаемся определить жанровую систему английского неоромантизма, обосновав обращение авторов к тому или иному литературному жанру.

В работе над статьей нами использовались историко-теоретический, историко-литературный, сравнительно-типологический методы исследования.

Как уже отмечалось, неоромантическая эстетика строится вокруг исключительности героя, противостоящего обыденной реальности. При этом герой может быть и изначально ничем не примечательной личностью, ставшей исключительной, оказавшись в исключительных обстоятельствах. Можно сказать, что именно помещение героя в те или иные обстоятельства, «перенесение» его в ту или иную среду определяют жанровую принадлежность художественного произведения.

Научно-фантастический роман

Так, популярность жанра научно-фантастического романа была отражением переживаемых в последней трети XIX в. процесса индустриализации, технологического прогресса, невиданного развития науки. Это привело к существенным изменениям в мышлении общества и поставило перед ним ряд вопросов, решение которых отводилось гениальному ученому. Именно посредством образа ученого неоромантики поднимали важные философские вопросы морального выбора человека в контексте нового и ранее неизведанного. Ярким примером английского неоромантического научно-фантастического романа является роман

Герберта Уэллса «Война миров», в котором инопланетное вторжение описывается как метафора глобальных социальных и технологических перемен, в которых человек вынужден не только адаптироваться, но и переосмысливать свое место в мире. Другой роман Г. Уэллса «Машина времени», описывающий мир будущего, иллюстрирует современное прогрессирующее капиталистическое общество на примере двух видов противоположных по своему статусу существ, в которых превратилась человеческая раса: элоев – потомков аристократического общества, утративших свои интеллектуальные и трудовые способности, и морлоков – угнетенного класса, превратившегося в ночных хищников и обеспечивающего существование элоев. Подобной метафорой автор описывал возможное для Англии будущее, при условии продолжения капиталистических и индустриальных тенденций, создающих четкое иерархическое деление и постепенно разрушающих общество.

Таким образом, авторы научно-фантастических романов показывали обществу возможные последствия неконтролируемого технологического прогресса, хрупкость человеческой природы, иллюзорность человеческого превосходства над природой. Неоромантический научно-фантастический роман не только создает напряженный приключенческий сюжет, но и ставит перед читателем фундаментальные вопросы о пределах человеческого познания, этических дилеммах научного прогресса и границах человеческой власти над миром.

Социально-психологический роман

В определенной связи с темой науки и личности ученого в английском неоромантизме формируется социально-психологический неоромантический роман. В борьбе героя с окружающей повседневностью на первый план выходит идея конфликта, имеющая два выражения: конфликт с социумом и конфликт с самим собой. Неоромантики детально описывают внутренний мир героя, его психологические особенности, внутренние конфликты и экзистенциальные сомнения, рассматриваемые в неразрывной связи с социальными условиями и культурно-историческим контекстом его существования. Неоромантики уделяли особое внимание мотиву двойничества, который получил свое яркое проявление в эпоху романтизма и нашёл своё выражение в концепте бегства от реальности, непосредственно связанном с характерной для романтизма идеей двоемирия. Неоромантики интерпретировали двойственность не как бинарность внешних миров, а как внутренний конфликт личности, обусловленный сложностью восприятия реальности и кризисом идентичности. Мотив двойничества становится основным содержанием социально-психологического романа Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». По мнению Дьяконовой, «источником этих представлений автора является христи-

анское учение о душе, которая всегда является полем борьбы двух начал – божественного и дьявольского, духовного и плотского, изначально греховного и подлежащего укрощению и подавлению» [8]. Р. Стивенсон рассматривает человеческую природу как изначально дуалистическую. Этот феномен автор иллюстрирует через образ доктора Джекила, который, осознав дуалистическую природу собственного сознания, принимает решение предоставить возможность каждому из начал реализоваться автономно. Однако персонификация и дальнейшая победа темной стороны собственной личности приводит доктора Джекила к полному разрушению и самоубийству.

Исторический роман

Не находя в окружающем бездушно-меркантильном мире образцов исключительной личности, неоромантики, по примеру своих предшественников начала века, обратились к прошлому, к реальным историческим событиям, рассуждение о которых, посредством поиска метафор и аллегорий, позволяло более полно осмыслить современную действительность. Перед авторами неоромантического исторического романа не стояло задачи осветить исторические события, они рассматривали их как фон, на котором происходили развитие или падение человеческой личности. Так, английский писатель и политический деятель Э. Бульвер-Литтон, в своем романе «Последние дни Помпеи» описал трагическое разрушение античного города Помпеи. Извержение вулкана Везувий он представляет как метафору морального и культурного упадка, к которому может прийти Англия в процессе тех преобразований (индустриализация, материализм, утрата духовных ценностей, классовые противоречия, усиление капитализма и т.д.), которые она претерпевает. Помпеи в романе становятся символом не только утраченной цивилизации, но и морального разложения, которое может поглотить современный мир. В этом романе-предупреждении автор провел параллель между античной цивилизацией, сосредоточенной на материальном благополучии и удовольствиях, и современной Англией, идущей по тому же пути.

Некоторые неоромантики обращались к более близким историческим периодам, ища в английской истории сильную личность, обладающую высокими моральными качествами и способную вдохновить англичанина XIX в. на подвиг. Так, в романе Р. Стивенсона «Черная стрела», погружающем читателя в средневековую атмосферу периода кровопролитной войны Алой и Белой розы, на первый план выходит соответствующий неоромантическим канонам герой Ричард (Дик) Шелтон, который, оказавшись в непростой моральной ситуации, обусловленной историческими событиями, постепенно осознает лживость и коварство окружающего мира, в частности, своего опекуна, которого прежде считал воплощением мужественности и честности. На

протяжении всего романа герой развивается от наивного юноши до самостоятельной личности, способной принимать ответственные решения и бороться за справедливость, а его внутренний рост становится одним из центральных мотивов произведения.

Детективный роман

Неоромантическое противопоставление исключительной личности миру вульгарности и пошлости нравов часто предполагало изображение этого мира, в соответствии с английской литературной традицией, как мрачной криминальной среды, где совершаются преступления. В сформировавшемся таким образом (под значительным влиянием Э. По) жанре детективного романа миссия очищения общества и поимки опасных преступников возлагалась на исключительную личность, обладавшую высоким интеллектом и могучей энергией. Сюжетная линия неоромантического детектива строится как сложная интрига, с акцентом на расследование, загадку и динамичное развитие событий и сохраняющая фокус внимания читателя до самого конца произведения. Одним из родоначальников английского детектива считается Артур Конан Дойл, а его истории о великом сыщике Шерлоке Холмсе, раскрывающем необычные преступления, стали каноническим примером детективного повествования. В романах о Шерлоке Холмсе преобладала логика и последовательность событий, топонимика ограничивалась известными читателям локациями, а финал был заведомо положительным. Для английского общества исследуемого периода, претерпевшего серьезные потрясения, Холмс казался глотком свежего воздуха, олицетворением надежды, способом не только отвлечься, но и обрести надежду на стабильность.

Приключенческий роман

Наиболее распространенным жанром английского неоромантизма объективно считается приключенческий роман. В контексте политической ситуации в Англии конца XIX века литературное путешествие в иноземье, помимо отвлечения от окружающей действительности, обеспечивало также получение сведений о событиях, происходящих в иных географических и культурных пространствах, отличных от тех, в которых проживал английский обыватель. Основоположник и теоретик английского неоромантизма Р. Стивенсон в своей статье «Замечание о реализме» формулирует ключевой принцип неоромантической литературы, заключающийся в пограничном положении художественного текста между объективной реальностью и ее идеализированным художественным воплощением, и именно его фигура оказала большое влияние на развитие и становление неоромантической приключенческой литературы. Предназначенная для юношества, эта литература привлекала и взрос-

лых, которых манили неведомые экзотические страны (Индия, Африка, Восток), надежда на чудесное обогащение. Так, роман Р. Стивенсона «Остров сокровищ» переносит читателя в экзотическую художественную реальность, насыщенную неожиданными сюжетными переходами, столкновениями с элементами пиратской культуры, и взаимодействием с представителями иных этнических сообществ. Стивенсон не стремится уйти от отображения действительности, а, напротив, предлагает ее альтернативное осмысление. Зачастую в своих текстах он использует исторические факты, однако не придает им должного значения, они имеют для него фоновый характер, на котором вырисовываются основные сюжеты, создающие свой некий идеал.

Колониальный роман

Разновидностью английского приключенческого романа является колониальный неоромантический роман, который сформировался в период английского морского могущества на рубеже XIX–XX вв. Колониальная литература, в отличие от приключенческой, выводила на первый план философские и этические размышления о природе власти, столкновении цивилизаций и судьбе индивида в условиях расширяющегося имперского пространства. Топонимика колониального романа захватывала экзотические страны, находящиеся в колониальных владениях Англии (Индия, Африка, Юго-восточная Азия), помещая в новую среду англичанина, сталкивающегося с непривычными для него условиями жизни. В ранних колониальных романах присутствие страны-колонизатора в колонизируемом им государстве представало в романтическом свете, однако поздние колониальные романы показывали двойственность этого процесса. Крупнейшим представителем английского колониального романа является Редьярд Киплинг, он в своем творчестве демонстрирует сложность и неоднозначность колонизаторских отношений, с одной стороны, указывая на превосходство английской культуры и необходимость миссионерской деятельности, с другой – показывая ограниченность этого процесса и трагические последствия культурного разрыва.

Заключение

Таким образом, несмотря на ряд общих художественных черт, английский неоромантизм обладает четкой жанровой системой, включающей следующие романтные жанры:

научно-фантастический роман как отражение в литературе технологического прогресса последней трети XIX века,

социально-психологический, вызванный интересом к личности, находящейся в конфликте с социумом и с самим собой,

исторический, отражающий обращение неоромантиков, разочарованных в современной реальности, к прошлому, в поисках исключительной личности,

детективный роман, представляющий общество как криминальную среду, очищение которой возлагается на исключительную личность,

приключенческий, описывающий события, происходящие в иных, незнакомых английскому обывателю, географических и культурных пространствах,

колониальный, порожденный имперской политикой Англии конца XIXв. и рассуждающий о различии цивилизаций и о судьбе личности в условиях колониального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонова Е.А.* Немецкая литература XX века. Германия, Австрия. М.: «Флинта–Наука», 2010. С. 264.
2. Там же.
3. *Толмачев В.М.* Неоромантизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: «Интелвак», 2003. С. 645.
4. *Луков В.А.* История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: «Академия», 2006. С. 128.
5. *Айрапетова В.А.* Новалис и Гессе: от романтизма к неоромантизму // «Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина», № 3. 2015. СС. 48–54.
6. *Карасева Т.Б.* Повести Д.К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и «Трое на прогулке» и неоромантические тенденции в английской литературе конца XIX – начала XXв. Автореф. канд. дисс. 2012. С. 192.
7. *Луков В.А.* История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: «Академия», 2006. С. 128.
8. *Дьяконова Н.А.* Стивенсон и английская литература XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 111.

REFERENCES

1. *Leonova E.* 20th-Century German Literature: Germany, Austria. M.: "Flinta"; "Nauka", 2010. P. 264.
2. Ibid.
3. *Tolmachev V.* Neo-Romanticism // Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. M.: "Intelvak", 2003. P. 645.
4. *Lukov V.* History of Literature: Foreign Literature from Its Origins to the Present Day. M.: "Academia", 2006. P. 128.
5. *Airapetova V.* Novalis and Hesse: From Romanticism to Neo-Romanticism. // "Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin", № 3. 2015. PP. 48–54.
6. *Karaseva T.* The Novellas of J. K. Jerome: "Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)" and "Three Men on the Bummel" and Neo-Romantic Trends in Late 19th – Early 20th Century English Literature. PhD thesis abstract, 2012. P. 192.
7. *Lukov V.* History of Literature: Foreign Literature from Its Origins to the Present Day. M.: "Academia", 2006. P. 128.

8. *Dyakonova N. Stevenson and 19th-Century English Literature. L.: "Leningrad University Press", 1984. P. 111.*

GENRE SYSTEM OF ENGLISH NEO-ROMANTISM

E. Gasparyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article discusses the issue of Neo-Romanticism as an artistic movement and identifies the distinctive features of English Neo-Romanticism. Alongside the shared aesthetic characteristics found in the works of various Neo-Romantic authors, the article highlights the artistic diversity of literary genres favored by these writers. Based on this diversity, an attempt is made to define the genre system of English Neo-Romanticism.

Keywords: English Neo-Romanticism, genre system, science fiction novel, detective novel, colonial novel.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян С.А. – к.филол.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института литературы им. М. Абеяна НАН РА

Айрапетян А.К. – к.ю.н., старший преподаватель Кафедры международного и европейского права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Аракелян Г.Г. – преподаватель Кафедры информационных систем и информационных технологий бизнеса Армянского государственного экономического университета (АГЭУ)

Балаян Н.М. – к.филол.н., доцент, старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абеяна НАН РА

Гаспарян Э.В. – соискатель Кафедры русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Глиджян Т.А. – аспирант Факультета агробизнеса и экономики Национального аграрного университета Армении

Григорян А.Т. – аспирант Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Даниелян А.А. – магистрант Кафедры международного и европейского права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Джулфаян Р.П. – к.филол.н., доцент Кафедры армянского языка и методики его преподавания Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна

Маргарян Н.И. – старший преподаватель Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Маркарян М.А. – преподаватель Кафедры политологии Ереванского государственного университета (ЕГУ)

Мартirosян А.А. – преподаватель Кафедры креативных индустрий Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Оганесян В.А. – д.ю.н., профессор, заведующий Кафедрой международного и европейского права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Саркисян О.Л. – к.филол.н., доцент, заведующий Кафедрой политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Торгомян С.Ф. – к.педаг.н., доцент Кафедры армянского языка и методики его преподавания Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна

Хачатурян С.О. – аспирант Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

**Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета.
Серия: гуманитарные и общественные науки, №2 (53), 2025г.**

**Vestnik of Russian-Armenian (Slavonic) University
(Series: Humanities and Social Sciences), №2 (53), 2025**

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян

Корректор – А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян

Компьютерная верстка – А.С. Бжикян

Editor-in-Chief of the RNI – M.E. Avakyan

Proofreader – A.S. Yesayan, N.B. Badalyan

Computer layout – A.S. Bzikyan

Адрес Редакции научных изданий Российско-Армянского университета: 0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123 тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392) e-mail: maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific Publications of the Russian-Armenian University: 0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123 tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392) e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 26

Подписано к печати 10.05.2025г.

Формат 70x100¹/16. Бумага офсетная № 1.

Объем усл.12.5 п.л. Тираж 110 экз.

Order No. 26

Signed for publication 10.05.2025 For-

mat 70x100¹/16. Offset paper No. 1.

Volume 12.5 conv. p.l. Circulation 110 copies